

A close-up painting of a cat's face. The cat has bright green eyes with black pupils and a pink nose. The fur is depicted with various colors, including white, blue, and orange, suggesting a tabby or similar breed. The painting style is expressive, with visible brushstrokes.

Лотерея смерти

Дмитрий Н. Таганов

Дмитрий Николаевич Таганов

Лотерея смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70438171

SelfPub; 2024

Аннотация

По Петербургу прокатываются волны серийных убийств. Люди гибнут в «лотерее смерти», в сетевой игре на «угадывание» якобы очередного несчастного случая, но их смерть всегда подстроена ради денег. Кроме того, обнаруживаются трупы молодых женщин с распоротыми животами. По «почерку» – это преступления другого маньяка и извращенца. С нелюдями начинает бороться бывший журналист, но теперь городской депутат, получивший право работать с полицией. Отважный и находчивый, он организует поиск убийц, преследует и осуществляет возмездие. Возникшие романтические отношения с сотрудницей по следствию, обостряют финал, когда женщина попадет в беду. Герою приходится противодействовать и полицейскому начальнику, в прошлом преступнику и «оборотню в погонах», стремящемуся стать во главе полиции города.

Содержание

1. Смерть на перекрестке	5
2. Комиссары	11
3. Лотерея смерти	17
4. Сорванный план	27
5. Группа Кашина	37
6. Стриптизер Ураев	50
7. Новости	62
8. У сексопатолога	69
9. Перед эксгумацией	76
10. На рельсах	80
11. Плохие новости	82
12. В колонии	88
13. Похороны	103
14. Конфликт с майором	113
15. После шоу	118
16. Новые кресты	133
17. Вор в законе	144
18. Встреча	156
18. В больнице	170
20. На детской площадке	193
21. Звонок Алены	209
22. В клубе	215
23. Похищение	222

24. Взлом квартиры	234
25. Бегство	251
26. Гроза	259
27. Погоня	263
28. Допрос	271
29. Перед отъездом	286
30. Последнее	297

Дмитрий Таганов

Лотерея смерти

1. Смерть на перекрестке

На парковке супермаркета машин было немного. В этот жаркий летний полдень, большинство покупателей оставляло машины в тени под тополями, сбоку от магазина. На лавочке между деревьев сидел мужчина в бейсболке, в темных очках, лет под тридцать. Судя по виду и поведению, он кого-то ждал, но не из магазина с покупками, а из подъезда с улицы на парковку.

Когда заезжала новая машина, мужчина привставал, провожал ее внимательным взглядом, но если из нее выходили несколько человек, или в ней кто-нибудь оставался, интерес у мужчины пропадал, и он вновь садился. Но вот въехала и остановилась в тени деревьев, совсем недалеко от него, машина, которая ему понравилась. С водительского места вышла женщина средних лет, вытянула за собой хозяйственную сумку, кликнула брелком замок, бросила его в сумочку и направилась в магазин.

Мужчина встал и подумал: «Наконец то, – женщина... и красивая. Это будет ей не больно».

Когда женщина шла обратно из магазина, мужчина уже

стоял, пригнувшись за ее машиной, потом начал обходить ее сзади, продолжая пригибаться, чтобы женщина его не заметила. Он выждал, пока пикнул открывшийся замок, женщина перехватила тяжелую сумку в другую руку и взялась за ручку двери. В этот момент мужчина вскинулся за ее спиной и ударил ей в затылок тяжелым мешочком со свинцовой дробью.

На парковке за рядами машин находились еще несколько человек, но, оглядев их спокойно, мужчина отодвинул ногой голову упавшей женщины от колеса, вынул из ее ладони ключи и распахнул дверцу. Когда эта машина неспешно выехала на улицу, сзади на асфальте остались раскинутое тело женщины, ее рассыпанные покупки и нетронутая сумочка.

Перед ближайшим перекрестком он притормозил, пропустил всех, спешащих на желтый свет, занял свободный ряд и остановился перед светофором первым. Сразу повернул голову направо, на тротуар, откуда вот-вот должны были пойти пешеходы. Через десяток секунд кто-то из них умрет, кто-то будет корчиться на асфальте от боли. Сейчас он мог выбирать любого.

Ему понравилась молодая парочка. Они держались за руки и смеялись. Молодой человек смешил свою спутницу, и та заливалась счастливым смехом. На ней было светлое легкое платье, к темным волосам приколот крупный красный цветок.

Первыми пошли и побежали через переход самые нетер-

пеливые, а парочка, не сразу отойдя от своего веселья, задержалась и отстала от других пешеходов. Когда парочка поравнялась с крайней автомашиной, ее мотор неожиданно взревел, водитель дал полный газ, и машина резко рванула вперед.

Девушка шла слева и была первой, кого подсек бампер машины. Она взлетела на капот, скользнула по нему к ветровому стеклу, мелькнул ее красный цветок в волосах, глухо ударил о стекло затылок, сверху пролетели голые коленки, и она опрокинулась набок, вниз на асфальт.

Молодой человек был выше и тяжелее, он принял удар машины бедром и ногами. Его протащило несколько метров на радиаторе, потом он сорвался вниз, обеими ногами под колеса, и машину на них слегка дважды подбросило.

Автомашина не остановилась, продолжала набирать скорость, пронеслась сотню метров до следующего перекрестка, свернула вправо, еще немного, и круто в ближайший двор. Здесь водитель резко затормозил и выскочил из машины. Размахнулся и забросил ключи от машины в кусты, нервно стянул с пальцев латексные перчатки, которые надел еще на парковке, и уже на ходу протер платком запотевшие ладони. Выйдя на улицу, он свернул влево и быстро пошел обратно к пешеходному переходу, откуда только что приехал, к месту своего преступления.

Прошло около пяти минут, поэтому ни полиции, ни медиков на месте ДТП еще не было. Вокруг двух тел на асфаль-

те посреди улицы уже толпились прохожие, и автомашины медленно объезжали их со стороны тротуара.

Не доходя светофора, еще издали, преступник поправил свои широкие солнечные очки и надвинул ниже козырек бейсболки. На перекрестках обычно стояли видеокамеры, и надо было суметь не «засветиться». На месте своего преступления ему предстояло сделать два дела. Первое – необходимое и очень важное, второе – бессмысленное, но приятное, и эту «радость» он не хотел потерять.

Укрывая лицо за спинами и затылками, он протиснулся вперед и встал за передними зеваками, окружившими место ДТП. Затем осторожно, на уровне пояса, просунул между ними руку с фотоаппаратом и дважды сфотографировал тело на асфальте.

Здесь на асфальте лежала девушка. Голубые, широко раскрытые ее глаза еще блестели жизнью, но даже загар не мог скрыть застилавшую лицо мертвенную бледность. Станным и жутким контрастом к этому был яркий красный цветок, будто горевший в ее темных волосах. Светлое ее платье было на одной ноге вздернуто высоко вверх, обнажая бедро и трусики.

Где-то сзади «крякнула» полицейская сирена, и человек в бейсболке сразу заторопился, крикнул:

– Надо ей платье одернуть! Зазорно ей так лежать!

Не дожидаясь реакции прохожих, он протиснулся к телу, взялся за подол платья на голом бедре – и слегка помедлил.

Свободным пальцем он незаметно провел по мертвой девичьей коже – ему хотелось тогда большего, но он не решился перед десятками глаз, следящими за его рукой. Платье он одернул до коленок, и как бы случайно провел рукой ниже по ноге и пожал тонкую голую лодыжку. Затем вскочил и бросился в соседнюю толпу, к другому телу.

Парень на асфальте стонал и корчился от боли. Обе его ноги были переломаны и выгнуты вперед так, что если бы не брюки, то в них нельзя было узнать человеческие ноги.

– Что с Таней? Где она? – закричал вдруг этот парень.

– Здесь она, рядом – ответили из толпы. – Ты лежи, лежи...

Парень попытался перевернуться и ползти к ней на руках, но застонал и опрокинулся обратно. Подошедшие медики бросились удерживать его, начали спешно колоть ему обезболивающее.

Человек в бейсболке протиснулся и сюда, и громко крикнул:

– Я его знаю: Это мой родной...

Толпа сочувственно расступилась, даже медики подвинулись, давая ему место.

– Это мой, мой... – он опустился на колени у ног парня и взялся крепко рукой за его переломанную ногу. Парень вскрикнул и дернулся в сторону.

– Ты что делаешь, идиот? – крикнул медик, оторопело глядя на этого человека.

Обратно тот почти бежал, держась за козырек и склонив голову. Проскочил между ползущими автомашинами, но на тротуаре остановился и повернулся назад, где лежала мертвая девушка. Даже отсюда, между ползущими мимо машинами, среди ног медиков и полиции, он хотел на мгновение снова увидеть то, что так поразило его и запомнилось – пунцовый цветок в ее волосах, мелькнувший в нескольких сантиметрах перед ним за ветровым стеклом. Он дождался, и на мгновение вновь увидал этот цветок, лежащий теперь в пыли на асфальте. После этого, шевеля губами, он неслышно прошептал: «Я – нелюдь. Я – бог и дьявол». И в груди у него приятно затрепетало.

2. Комиссары

– Второе заседание Комиссии по укреплению правопорядка в городе, будем считать открытым, – объявил председатель, стоя во главе длинного широкого стола. – Полковник Смольников, прошу вас, вам слово.

Полковник, зам начальника полиции города, взял со стола несколько страниц и грузно встал.

– За минувшую неделю в городе Петербурге положение с насильственной преступностью характеризуется следующей объективной статистикой. К сожалению, наблюдается ее рост. Перечислю только несколько опасных происшествий, по которым начато следствие.

После этого вступления полковник надел очки и начал ровным голосом зачитывать свои страницы:

«Двое граждан, выехав из нашего города, пропали без вести на федеральной трассе. Об этом заявили родственники. Ведется дознание.

Найдено обезглавленное тело исчезнувшего год назад пенсионера. Мужчина пропал без вести в прошлом году. Его нашли в Невском районе недалеко от свалки. Тело опознано и направлено в морг для выяснения причин смерти.

Совершен дерзкий угон автомобиля. Пострадала владелица, она уже выписана из больницы. Автомобиль найден, однако, к сожалению, после ДТП со смертельным исходом.

Сбитая этим автомобилем девушка скончалась на месте. Другой пострадавший – мужчина, находится в больнице в тяжелом состоянии. Шли они рядом, молодожены. Угонщик скрылся с места преступления, ведется его поиск.

Прохожие задержали надругавшегося над школьницей уголовника-педофила. Подозреваемый заключен под стражу...»

Сначала полковник читал свой текст с некоторым выражением, но потом все более монотонно, затем начал пропускать куски, заглядывать вперед и выбирать, на его взгляд, более важные или те, по которым у него были хорошие ответы на возможные вопросы. С самого начала чувствовал он себя здесь «не в своей тарелке». Ему давно не приходилось вот так читать по бумажке подобные сводки. Долгие уже годы их докладывали ему самому, стоя навтыяжку в его кабинете. Кроме того, вопреки своему высокому положению в иерархии города, и ставшему привычным служебному превосходству, он чувствовал себя здесь слегка униженным.

Отрывая для отдыха глаза от страницы, он мельком оглядывал сидевших перед ним за длинным столом. В основном это были мужчины, несколько женщин, и все внимательно его слушали. Начнут потом задавать вопросы, придется, наверняка, быть начеку, где-то вилять – всегда ведь можно в работе полиции найти, если захотеть, что-нибудь неладное. А они хотят, для этого и собрались, для этого и затеяли весь этот сыр-бор. Хотят, чтобы им сразу все преступле-

ния мы раскрыли, ни одного «висяка» не оставили. Придется теперь все время балансировать – держать достоинство человека в погонах, обличенного властью в городе, и одновременно вежливо покоряться, хотя бы для вида, перед народной властью, которую эти люди как бы представляют или, скорее, думают, что представляют. Какая-то эквилибристика не ко времени, и не по его годам... Незнакомые и строгие лица. Редко он уже видел такие выражения у людей перед собой – теперь обычно заискивающие, у починенных или просителей. А эти строгие, смелые и совершенно спокойные – народные представители. Депутаты Законодательного собрания Петербурга. Даже не просто депутаты, а члены специально созданной Комиссии по укреплению правопорядка в городе. Даже ее сокращение КУП стало уже привычным в новостях. Учредили его депутаты этого нового созыва, и первым же своим делом, как будто ничего важнее для начала своей работы не нашли.

Полковник продолжал зачитывать, но иногда отрывал глаза от текста, и опять скользил по внимательным лицам. Это было уже второе заседание комиссии, но он никого из этих депутатов раньше не видел. На первом «торжественном» заседании сам генерал докладывал им положение с преступностью, начальник МВД города, все было тогда особенно внушительно и значимо, новостные каналы выжали потом из этого все «по полной». Но в будущем, наверное, придется делать это ему самому, как первому заму генерала, два-

жды в месяц, и даже иногда в прямом телевизионном эфире. Это было одновременно плохо и хорошо. Плохо, потому что «еще одна заноза». Но, одновременно, хорошо и полезно – с депутатами накоротке, на виду у всего города. Ведь начальника полиции города теперь утверждают не в Москве, на Калужской площади, а здесь в городском Законодательном собрании, народные депутаты с подачи этих же самых комиссаров КУП, что сейчас его здесь слушали. А ему, полковнику, что-то подсказывало, скоро-скоро придется ему подняться на ступеньку выше, на самый полицейский верх этого города. Уже и теперь он фактически полностью заменил в руководстве полицией заслуженного, но очень больного генерала.

Полковник, оглядывая депутатов, намеренно перескакивал взглядом через конец стола, за которым чуть дальше стояла телевизионная камера: смотреть прямо в сотни тысяч глаз телезрителей города ему сейчас было преждевременно – могло показаться нескромным, и даже ненароком вызвать неприязнь. Хорошо еще, что удалось пока заблокировать прямой эфир с заседаний этой комиссии, во всяком случае, с первых собраний, на чем настаивали эти люди – «комиссары», как их уже окрестили репортеры. Управление полиции было категорически против прямых эфиров с заседаний КУП, потому что могло привести к случайной утечке «тайны следствия», а это было недопустимо и граничило с преступлением. После долгих дебатов сошлись с депутатами

на съемках в запись, затем «цензуре» и контроле материала с обеих сторон. Во всяком случае, на первых порах.

Тем не менее, одного из депутатов, сидевшего у телекамеры, полковник узнал, как ему показалось. Снова вглядываться в это лицо было неудобно, тем более рядом с телевизионной камерой, но, кажется, это был действительно тот самый журналист. Изменился за десятки лет, но, похоже, это он. Снова встретились... и где! Теперь он, оказывается, депутат, важное лицо... Только его еще тут не хватало!

С этими тревожными мыслями полковник замолчал, затянул паузу, повисла тишина, и председатель не выдержал:

– У вас это все, товарищ полковник?

– Нет, не все, к сожалению. Но сначала я обязан предупредить депутатов и репортеров, что все последующее строго, так сказать, «для служебного пользования». Вам скоро станет ясно – почему. Даже упоминание этих преступлений не должно попасть в вашу телевизионную передачу. И особенно важно, чтобы нигде не упоминались слова – «серийный убийца». Об этом самом и пойдет далее речь.

– Я лично прослежу за этим, полковник, – громко сказал председатель. – Члены комиссии, надеюсь, понимают как важно, не провоцировать напрасно волнение в городе из-за этого щекотливого вопроса. Да и наш телерепортаж о положении с преступностью, как все знают, это не жадный до маньяков и мерзких подробностей таблоид, как на Западе. Пожалуйста, продолжайте, полковник.

– Найдено тело женщины со следами изнасилования в извращенной форме. Не буду описывать детали, только укажу, что брюшная полость у нее была вскрыта, по-видимому, для целей извращенного секса. Самое тревожное то, что особенности этого фатального рассечения полностью совпадают с теми, что обнаружены на телах двух других женщин, найденных ранее в течение этого года. Те женщины также не вернулись домой, не оставив следов. Не было и свидетелей произошедшего, об их пропаже заявили родственники, их тела найдены много позже и совершенно случайно. Все это указывает на серийный характер этих преступлений, а также на патологию преступника в сексуальном отношении. Словом, в нашем городе, похоже, активизировался сексуальный маньяк. Следствие ведется, но результатов пока нет. На этом у меня все.

– Спасибо, полковник Смольников. Перейдем к вопросам. Но после этого попрошу вас, полковник, доложить нам о работе вашего отдела собственной безопасности. Разумеется, это особо закрытая информация, но все мы имеем допуски, и о результатах хотим знать. Итак, комиссары, кто начнет?

3. Лотерея смерти

Я слушал полковника не очень внимательно. Да и самое важное ожидалось позже: что и как он ответит на наши вопросы – для этого мы здесь и собрались. Преступников все равно не остановишь, а полицию лишний раз подстегнуть мы вполне могли, для этого наша депутатская комиссия и была создана.

Но более всего мои мысли отвлекало иное. Я этого человека знал очень давно, знал хорошо, но с очень плохой стороны. Тогда он был еще капитаном, а я въедливым журналистом, криминальным репортером. Под монотонный голос этого докладчика, – знакомого мне в то время капитана полиции, начальника опергруппы, – я перенесся в далекие годы «лихих» девяностых – начала «нулевых».

Тогда в стране царил беспредел, воры и бандиты вместе с прикормленными или запуганными чиновниками и полицейскими гребли под себя страну, а недалекие политики «демократы», мало понимая в экономике, вели ее прямой дорогой к экономическому коллапсу, и очень скоро привели – к дефолту и почти к разрухе. Пресса тогда истерично вскрикивала, желая оправдать звание «четвертой власти», но у нее это плохо получалось. Нежданно получив свободу, журналистика сменила привычный для нее за коммунистические годы кроваво красный цвет на канареечно желтый – бульвар-

ный. Теперь она легко продавалась, обслуживая и политиков, и олигархов, или в одном лице тех и других, опускаясь даже до оправдания кавказских террористов за взрывы жилых домов в Москве, при этом без обвиняков намекая на вину в этом ФСБ. Я сам тогда был, двадцать лет назад, журналистом, и знаю это очень хорошо. Кратко напомним, что тогда происходило в стране, поскольку это важно для понимания содержания этой повести.

Все началось с того, что в начале девяностых впервые в истории страны было провозглашено «что не запрещено, то разрешено». Прекрасно – свобода. Но толковые законы все равно были нужны, как уздечки или вожжи, однако с ними не успели, а без этого – беспредел, что сразу и случилось. В те годы некоторые перевозили «наличку» чемоданами, но больше было тех, которые заглядывали в урны и мусорки в поисках чего-нибудь съедобного. А третьи ложились очень рано в могилы – после бандитских разборок, или «ответив за базар», или помешав на местных выборах, или потребовав выплату долга, и так далее, причин появилось неожиданно очень много.

Полиция не только не справлялась, но часто сама участвовала в рэкрете и поборках. Я знал это не понаслышке, я не раз сталкивался с этим по работе. После армии и госпиталя, когда отошел от нескольких пулевых ранений, полученных на Кавказе, до своей еще журналистики я занялся частной охраной и сыском. Чаще всего я охранял богатых людей от

пули или ножа. Деньги, которые мне тогда платили, казались фантастикой. Богатые и вороватые вдруг стали бояться за свою жизнь и платили бешеные деньги в надежде обезопасить и успокоить себя. Далеко не всем это удалось, но худшего ни с одним из моих клиентов не случилось.

Однако через несколько лет меня начало тошнить от всей грязи, в которую приходилось окунаться, как частному детективу или охраннику. Деньги у меня уже появились, связи в криминале и полиции выросли, как паутина, и вместо этого я стал криминальным репортером в одной очень популярной тогда газете. Попал я в эту сферу, надо сказать, в самый подходящий момент. В Москве только-только раскрыли в МУРе большую группу полицейских «оборотней в погонах» – если кто-то их еще помнит, – и пошли после этого по всем другим городам «круги и волны». Оказалось, почти в каждом из них вольготно себя чувствовали свои местные «оборотни». Как от раковой опухоли, из столицы по всем областям отошли метастазы. Тогда я и познакомился с капитаном Смольниковым. Как я понял уже тогда, и как полностью уверен до сих пор, и с полным основанием, он был одним из главных питерских «оборотней», чудом или, скорее, по чьему-то высокому вмешательству избежавшим возмездия и десятков лет заключения, какое получил каждый второй из отдела, который он тогда возглавлял. Теперь тот же самый человек, но уже в погонах полковника, в должности зам начальника полиции города, докладывал о своей работе нам, депутатам За-

конодательного собрания Петербурга, в этом прекрасном зале Мариинского дворца.

Когда полковник Смольников заговорил о серийном убийце, я сразу очнулся от своих воспоминаний и переключил все внимание на него. Когда же я вник в то, что он говорил, то вновь, как год назад проникся ужасом и состраданием к этим несчастным жертвам, к этому самому худшему, что может случиться с каждой молодой женщиной. Потому что совсем недавно меня самого... – нет, не коснулось, а только обвееяла эта чудовищная, в голове не укладывающаяся жестокость и бесчеловечность.

Вопросы депутатов и ответы на них полковника шли в очередности упоминавшихся в докладе дел. Я с трудом дождался последнего, про серийные убийства, и первым потянул вверх руку.

– У меня два вопроса, полковник. Какие отличительные признаки или обстоятельства или иные повторяющиеся ранения найденных тел позволили предположить о серийном характере этих убийств? И на какой стадии расследования находится следствие? У меня есть к вам и второй вопрос.

Полковник устало потер ладонью глаза.

– Если я сейчас расскажу перед телевизионной камерой хоть что-нибудь о «почерке» убийцы, то мы потеряем единственную ниточку, которую держим в руках. Если это станет широко известно, то эти признаки – или никогда не больше повторятся, или они начнут встречаться повсюду –

у преступников тоже есть чувство юмора, очень своеобразное. Как вы хорошо знаете, много людей в городе пропадает без вести. Потом некоторых находят, живых или, чаще всего, мертвых, а то случается, сами преступники сознаются и показывают места преступлений или захоронений. К жизни большинство жертв не вернуть, но зато это оказывается важным для следствия. Тогда часто все и обнаруживается. Это тот самый случай, этих женщин нашли много позже, со значительными посмертными изменениями и совершенно случайно. У всех у них схожие летальные ранения и признаки патологического секса. Могу повторить, что уже сказал – «почерк» этих преступлений позволяет предположить, что их совершил один и тот же человек, одержимый страстью извращенного секса. Несомненно, это серийный убийца и маньяк, очень опасный, безжалостный и осторожный. Более об этом я рассказать не могу. Что же касается следствия, то оно сейчас в тупике. У вас еще вопрос?

– Да. Как полиция города реагирует на интернет-сайт «Лотерея смерти».

– Не понял, на что? На какую лотерею?

– Этот сайт называет себя «Лотерея смерти». На нем предлагается угадать, где, когда и кто умрет в нашем городе на следующей неделе в результате несчастного случая. Билет стоит сто долларов, оплата в биткойнах или в иной крипто валюте, угадавшим – выигрыш до ста тысяч долларов. Имеется счетчик игроков, сделавших ставки. Вчера их было бо-

лее тысячи. Возможно, это фейк или разводка на деньги богатых недоумков. Но может оказаться, что создатели этого сайта как-то влияют на якобы случайную гибель людей, чтобы «выигрыш» выпал на более выгодное для них сочетание признаков. Если это окажется так, полковник, то тем полицейским, кто должен был такие вещи отслеживать, но даже не знали об этом, возможно, придется ответить за преступную халатность.

Я уже начал садиться, поняв, что содержательного ответа от полковника не получу, когда услышал голос председателя:

– Николай Иванович, подождите, пожалуйста, не садитесь! Если полковник не в курсе, то, может быть, вы просветите нас об этом подробнее, хотя бы в двух словах.

– Я знаю об этом столько же, сколько сможет любой человек, если зайдет на этот сайт. Там идет азартная игра на смерть незнакомых людей в нашем городе. Выбираете признаки несчастного случая со смертельным исходом, который почти наверняка, по статистике, случится на следующей неделе, переводите деньги и ждете, когда это произойдет. К сожалению, смертельные несчастные случаи случаются в нашем городе даже чаще, чем раз в неделю. Если вы угадаете пол погибшего, примерный возраст, цвет одежды и прочее, то вам выплатят крупный выигрыш. Сейчас на этом сайте делаются ставки на несчастный случай со смертельным исходом на одной из станций метро нашего города. Случится это на следующей неделе, но в какой день это произойдет –

предлагается угадать, как и название станции и все прочее. Жестоко? Мерзко? Если это не ловкое мошенничество, тогда это немногим не дотягивает до серийных убийств, о которых здесь только что говорили. Но очень возможно, это и есть настоящие серийные убийства, в которых наша полиция пока еще не разобралась.

– Спасибо, Николай Иванович. Надеюсь, полковник примет к сведению этот сигнал. Мы спросим полковника про эту лотерею на следующем заседании нашей комиссии по укреплению правопорядка.

Я не ожидал услышать большего в ответе полковника на мой первый вопрос, о серийных убийствах сексуального маньяка. Тем не менее, надеялся узнать хоть что-нибудь, что уймёт боль, которая саднила мне душу уже многие месяцы. Полтора года назад, зимой, меня вдруг позвали к телефону редакции нашей газеты. Хотя и смутно, но сразу я узнал голос своей давней знакомой, которую не видел и не слышал, наверное, уже больше десятка лет. Меня не удивило, что она меня легко нашла – я давно и много писал в газеты про криминал и полицию, появлялся иногда на ток-шоу, и стал довольно известен, отчего меня, наверное, потом и выбрали в городские депутаты. Но знакомый, и одновременно какой-то жалобный голос в трубке редакционного телефона меня даже не насторожил, а сразу испугал. Я ее узнал, это была Галя. Мы любили когда-то друг друга, но потом встречались реже и реже, и тихо, мирно разошлись. Было это лет двадцать на-

зад, но ничего из далекой молодости не забывается. Я не выдержал и первый выкрикнул:

– Что случилось, Галя?

В трубке послышалось всхлипывание, но она сумела взять себя в руки:

– Коля, моя дочь пропала. Она не вернулась домой... пять дней назад.

– В полицию сообщила? Они приняли твоё заявление?

– Не сразу... но потом приняли... Коля, узнай, пожалуйста, что-нибудь, ты это можешь... у тебя связи. Я даже не знаю, что мне теперь делать... – и всхлипывание в трубке стало громче.

Я пообещал ей сделать все, что только мог, и сразу начал обзванивать всех знакомых, кто мог бы об этом знать. Но бесполезно, не было никаких известий, следов, неопознанных мертвых тел, похожих на описание. Но все они обещали мне сразу позвонить, если что-нибудь объявится.

Прошел месяц, я не выдержал и сам позвонил Гале. Она говорила со мной теперь каким-то каменным голосом, я даже не узнавал ее в этот раз. Ее дочь так и не нашли, и в полиции ей могли предложить только побеседовать с психологом. Я старался тогда как-то подбодрить ее, поддержать, но она вяло и слабо на это реагировала. После молчаливых и неловких секунд мы с ней попрощались.

За несколько месяцев после моих первых звонков мне ничего не сообщили о Галиной дочери. И уже весной в трубке

своего мобильника я услышал истеричные рыдания Гали. Ни одного ее слова я не мог понять, но и без этого мне стало все ясно. Как только она пыталась мне что-нибудь сказать, так опять ее охватывали судорожные рыдания. Наконец, я крикнул в телефон:

– Где ты? Дома? Я к тебе сейчас приеду, никуда не уходи!

Я знал, где она раньше жила с родителями, я провожал ее множество раз к этому дому, к дверям их квартиры, поэтому поехал сразу туда. Оказалась, она там жила до сих пор. В квартире были только двое – сама Галя, которая сразу бросилась мне на грудь, и ее старушка мать, стоявшая как-то застенчиво в стороне, и вряд ли понимавшая что вокруг нее происходит.

Галя увела меня к себе в комнату и там сумела взять себя в руки. Ущипнув себя за ладонь и закрыв глаза, она рассказала мне главное. Тело ее дочери нашли и подняли из-под растаявшего снега в лесопарке, изуродованное, с животом, распоротым ножом сверху донизу. Зимнее пальто и платье под ним были сорваны, порезаны, также как и ее гениталии. Все эти подробности Галя рассказала мне с каким-то ожесточением, как будто доказывая и обвиняя всех, как и меня самого, что ее дочь не защитили, не оградили от этого бесчеловечного мучения, и я тогда почувствовал весь ужас произошедшего с ее дочерью, и даже собственную вину.

После обследования тела судебными экспертами, через неделю состоялись похороны. Я приехал в крематорий очень

рано. У закрытого гроба стояли сначала только Галя, ее мать и я, но потом начали подходить сослуживцы, подружки и друзья дочери. Галин муж, как я потом узнал, умер два года назад, сгорел от рака в один месяц. Я стоял от Гали с одной стороны, ее старушка мать с другой, и почти все приходившие сюда принимали меня за Галиного мужа. После соболезнования Гале и ее матери многие останавливались передо мной и отдельно выражали свое сочувствие, некоторые мужчины даже обнимали меня за плечи. Для многих я был отцом этой убитой девушки, да и сам я себя уже им чувствовал. Я благодарно кивал головой, что-то бубнил и горько поджимал губы. На душе у меня никогда до этого не было так мерзко.

4. Сорванный план

Я больше не слушал ни полковника, ни наших комиссаров, пропустил даже доклад о собственной безопасности в УВД, по которой у меня было подготовлено много вопросов. Я встрепенулся только когда почувствовал, что заседание комиссии заканчивается. Я поднял руку, и председатель дал мне слово.

– Я прошу... нет, лучше так... пользуясь, как говорится, случаем, я подаю вам сейчас, полковник Смольников, свою депутатскую заявку на участие в расследовании дела, которое вы связали с серийными убийствами. В некотором смысле подобное коснулось лично меня, и, кроме того, мой опыт позволяет мне надеяться, что я могу быть полезен следствию.

Полковник мельком взглянул на председателя.

– Да, я понимаю... вы, как депутат, имеете на это право, но так нельзя, на ходу, и устно. Извините, кто вы?

– Вы меня хорошо знаете, полковник, и очень давно. Фамилию я вам напомним – Соколов.

– Но так это не делается, депутат Соколов, подайте, пожалуйста, заявку в отдел, они рассмотрят...

– А почему не делается! – неожиданно раздался голос председателя. – Давайте мы это сделаем сразу, без проволочек. Если вас, полковник, беспокоят формальности, то теле-

камеры пишут все наши слова, кроме того, здесь полтора десятка свидетелей, и я сразу наложу визу на это устное заявление, – он взглянул в объектив телевизионной камеры. – Прошу удовлетворить заявку депутата Соколова Николая Ивановича.

Было совершенно ясно, что председатель сейчас работал на публику, завоевывая себе популярность среди горожан. Но это было его личное дело, и оно мне только помогало.

– Ну, хорошо, хорошо, согласен..., – полковник изобразил улыбку и повел ладонью по воздуху. – Как видите, я это сразу и подписываю. Но позже, депутат Соколов, попрошу вас бумаги все-таки оформить, как полагается.

Через несколько минут комиссары начали расходиться. Но я продолжал сидеть, пока все не вышли. Когда в зале остались одни телевизионщики, сматывающие кабели, я подошел к широкому высокому окну и сдвинул в сторону сборчатую штору.

Подо мной лежала Исаакиевская площадь. За собором и зеленью вокруг «Медного всадника» угадывался простор Невы, высились исторические здания, блеснула вода Мойки. От всего этого веяло величием – от камней, блеска вод, облаков... Я подумал тогда, – это мой город, мне доверились его жители, я хочу и буду служить им, ловить и уничтожать тех нелюдей, о которых они даже не догадываются... Тогда же я понял, что ничего более важного в жизни у меня теперь не было.

Еще утром, когда только вошел в этот зал Мариинского дворца, я знал, что главной моей задачей, или миссией, как избранного депутата и члена Комиссии по укреплению правопорядка Петербурга – станет предать полковника Смольникова суду, чтобы он, наконец, получил реальный срок заключения за свои давние преступления. Я понимал, что это очень трудная задача, и наверняка растянется на весь мой депутатский срок. Но у меня уже был разработан план действий. Как комиссар, я должен был добиться прикомандирования к отделу собственной безопасности УВД города. Даже если никого не осталось из сотрудников, работавших со Смольниковым полтора десятка лет назад, должны были храниться все дела того времени. Совершенно секретная информация на долгие годы. Для меня самое важное было – на кого из полицейских возбуждали тогда дела, почему приостановили, и все прочее с этим связанное. Я теперь имел полное право, и мог там получить к этому доступ. А затем найти людей, которые эти дела вели, и, главное, фигурантов всех тех дел. Кто-нибудь из них, возможно, не побоялся бы мне все рассказать, а потом открыто свидетельствовать против Смольникова на суде – по тем или иным личным мотивам, – из мести, из-за возникших обид, или даже из-за мучившей их с тех пор совести.

Две недели назад, на первом заседании Комиссии, когда нам докладывал генерал, сам начальник полиции города, я еще более укрепился в своем намерении. Генерал был не

столько стар, сколько заметно болен. От него тогда не отходил помощник, помогавший ему не в делах, а просто стоять на ногах и двигаться. Я видел, как генерала сильно качнуло в коридоре, когда все уже выходили, и этот помощник без лишних слов и суеты, незаметно и умело его подхватил, поддержал плечом, и пошел с ним далее прижавшись, подпирая сбоку.

Генерала я уважал, его продвигал на этот пост еще первый и любимый петербуржцами мэр, но годы взяли свое. Самым вероятным претендентом на его место теперь был его первый зам, полковник Смольников. Я не мог этого допустить. Но теперь неожиданно складывалось все так, что мне придется сначала заняться совсем другим. Если появились зацепки к страшным преступлениям, совершенным тем маньяком, и, главное, к ожидаемым от него следующим злодеяниям, то мне совесть не позволит заниматься чем-то другим. Я должен был искать его и наказать – должен и перед Галей, моей давней и чистой любви, и перед ее дочерью, которую некто не сумел защитить.

Уже был конец недели, завтра начинались выходные, поэтому я сразу занялся оформлением необходимых бумаг и пропуска. Без этого меня никто не пропустит далее проходной Управления. Полиция работает в режиме «24/7», но у начальников свой график, а мне нужны были сначала только они.

Ходатайство перед УВД за подписью Председателя Зак-

собрания я получил быстро, поехал в Управление полиции, но там начались проблемы. Пропуск и прикрепление к следственному отделу я получил тоже сразу, но допуск к служебным материалам подписывал только начальник Управления, однако, генерал был опять на больничном и ожидался только на следующей неделе. Все у меня теперь отодвигалось до понедельника.

В субботу, в выходной день я с утра включил дома компьютер и зашел на сайт «Лотерея смерти». Кое-что там изменилось со вчерашнего дня, когда я впервые его увидел. Появилась новая яркая и мигающая надпись «Успейте сделать ваши ставки! Время истекает, как и жизнь! Призовой фонд уже превысил сто двадцать тысяч долларов!». Ниже по ленте экрана, в черной траурной рамке приводились «выигрышные» сведения о последней жертве несчастного случая в городе, той самой, на которую делались ставки неделю назад. Возможно, вчера я этого просто не заметил, не веря своим глазам и лишь оторопело вникая в смысл содержания этого сайта.

О случившемся несчастном случае со смертельным исходом, на который делались ставки, сообщалось следующее:

«Объявляем действительные обстоятельства смертельного несчастного случая на прошлой неделе. Поздравления всем угадавшим!

Улица: Каменноостровский проспект.

Причина: дорожно-транспортное происшествие.

День недели: вторник.

Время: от 15 до 18 ч. (Московское время).

Пол; женский.

Возраст: от 15 до 25 лет.

Тон одежды: светлый.

Дополнительный факт: к волосам девушки был приколот красный цветок».

Это были «обстоятельства» гибели девушки с цветком в волосах на пешеходном переходе. Ниже давались сведения о выигрышах, выплачиваемых угадавшим все «обстоятельства» этого несчастного случая, или только три и более из них:

«В результате подсчета сделанных ставок и угаданных обстоятельств гибели женщины при несчастном случае в ДТП, наибольший выигрыш составил \$12000, наименьший – \$500. Расчет выигрышей, с учетом числа и общей суммы ставок и распределения угаданных обстоятельств, выполнен компьютером. Из-за задержек зачисления ставок в крипто валюте из некоторых азиатских стран выплата выигрышей может задерживаться, а величина выигрышей незначительно уточняться».

Ниже, в другой траурной рамке была размещена смазанная и перекошенная набок фотография. На сером асфальте лежала на спине девушка. Светлое платье на одной ноге было вздернуто, обнажены ее бедро и трусики. В темных волосах как будто горел ярко красный цветок. По краям фото были

видны туфли и ноги стоявших вокруг нее прохожих.

В интернете есть несколько общедоступных сайтов, которые сообщают по запросу все, что известно о любом сайте в сети. Я открыл один из них и ввел адрес «deathlottery.com». Через полминуты стал читать:

«Число посещений, в сутки – 2150.

Доход от размещенной рекламы, в сутки – \$80.

Место регистрации – сведения недоступны.

Собственник сайта – сведения недоступны.

Текущая стоимость сайта – \$514 900».

Затем я вернулся на сайт «лотереи смерти» и прочел условия для принимаемых ставок на случайную смерть неизвестного или неизвестной на следующей неделе. Указывались примерно те же «обстоятельства», что и на предыдущей неделе. Размер выигрыша зависел от числа угаданных позиций. Все было, как в тотализаторе или в городской лотерее, количество угаданных позиций определяло размер выигрыша. Следующий несчастный случай должен был произойти на этот раз в метро Петербурга. Требовалось выбрать одну из двадцати станций, пометив квадратик. Остальные позиции были теми же, что на прошлой неделе: день, приблизительное время, пол жертвы, возраст и тон одежды. Когда условия ставки, то есть «обстоятельства» следующей чьей-то смерти, будут посетителем сайта выбраны и отмечены, предлагалось перейти на следующую страницу для оформления «пари» и оплаты ставки в любой крипто валюте, по выбору.

Чтобы перейти к окончательному оформлению сделанной ставки, надо было сначала выбрать все пункты предыдущей страницы, то есть выбрать все «обстоятельства» случайной смерти на будущей неделе. Я быстро и наугад прощелкал все квадратики, нажал «Готово» и увидел на следующей странице текст, который мне предлагалось внимательно сначала прочесть и галочкой подтвердить свое согласие:

«Я полностью сознаю, что гибель человека произойдет в результате несчастного случая, что случается почти ежедневно и повсюду, и что такое событие не может быть никем предугадано или предсказано. Я ни в коей мере не предполагаю причину следующего несчастного случая в намеренном воздействии или в злом умысле ни со стороны организаторов этой лотереи, ни любой иной стороны».

Я не стал далее продолжать изучать этот сайт. Сначала я сохранил в своем компьютере фото жертвы несчастного случая на прошлой неделе, потом скопировал все страницы и сохранил их в отдельном файле. Открыл его в текстовом редакторе и долго удалял облепившие текст рекламы. Затем сделал и сохранил снимки страниц – скриншоты – по всей длине экранной ленты. Наконец, выбрал другой из предлагаемых для чтения языков, и быстро просмотрел то же самое на английском языке.

Я сделал это все потому, что был уверен, такой сайт не сможет долго просуществовать после того, как я привлеку к нему внимание зам начальника полиции города. Мне стало

совершенно ясно, что это – преступная лотерея, даже если ее организаторы и не подстраивали якобы случайные несчастные случаи. Однако, принимая внимание прибыли, какие они гребли, это было маловероятно, искушение вмешаться и подстроить несчастный случай было слишком велико. Более того, я уже был почти уверен – это убийцы. Но чтобы привлечь их к суду, нужны были факты, то есть исправно работающий сайт с этой лотереей. Сделанные мной копии были полезны, но явно недостаточны. С другой стороны, сайт, который подразумевает подстроенные несчастные случаи, если он останется работать, предполагает и смерть для многих новых невинных людей. Как с этим сложится в ближайшее дни, когда к этому подключится полиция, я мог только предполагать, но чувствовал, что окажусь теперь в центре этих событий.

Я живу один, поэтому, выключив компьютер, занялся, как обычно в субботу, небольшой стиркой, готовкой. Очень давно я был женат, и у меня есть дочь, уже взрослая, оканчивает университет во Владивостоке. Видимся мы очень редко, иногда она у меня гостит, а когда уезжает, и я остаюсь один, тогда долго скучаю. Но сколько лет я уже пишу в газеты о преступниках и преступлениях, а до того работал в частном сыске и охране, – столько же лет мне угрожали. Тогда я с облегчением всегда думал, что хоть со спины я защищен, не опасаясь за свою семью. И все равно, когда дочка была маленькой, сумели ее вычислить, и пробовали меня пугать.

Ехать в эту субботу на озеро было уже поздно. У меня есть небольшая рыбацкая избушка на севере Ладожского озера с лодкой на берегу. В сезон я ловлю там чудесных сигов и сам их копчу. Но в этот раз я никуда не поехал, а когда начало смеркаться вышел на улицу. Живу я в центре Питера, на Моховой, и вскоре, не спеша, вышел на Невский проспект. Здесь уже закипала субботняя ночная жизнь, на тротуарах былолюдно, нарядно, и я прошелся несколько кварталов в сторону заходящего за Адмиралтейство солнца. Из пол-летнему настезь открытых окон ресторанов и клубов неслась музыка, за подоконниками мелькали веселые разгоряченные лица. Ночная жизнь Невского проспекта только начиналась. У Аничкова моста я свернул на Фонтанку и медленно пошел к Неве. До времени разведения мостов оставалось еще несколько часов, но публика уже собралась и гуляла по набережным. Я влился в веселый людской поток и побрел, шурясь от блеска воды под заходящим солнцем и изредка проводя ладонью по нагревшемуся за день шершавому граниту парапета.

5. Группа Кашина

В понедельник утром я прибыл к месту своего прикомандирования, к следственному отделу полиции города, занимающемуся повторяющимися убийствами, как их называют, – то есть серийными убийствами. После оформления в бюро пропусков, я позвонил по местному телефону и сразу прошел за турникет. Через несколько минут меня здесь встретил подтянутый сержант. Молча, мы поднялись на лифте, прошли по коридору и вошли в одну из номерных дверей. В просторном кабинете за столом сидел майор, рядом на приставном столе писал, и даже не оторвался от своего дела при моем появлении, мужчина в штатском.

– Майор Кашин, – представился мне хозяин кабинета, привстал и без намека на улыбку протянул руку. Это был крупный и высокий человек, от его рукопожатия у меня сразу заломило ладонь. Отпустив мою руку, он махнул на приставной стол. – Присаживайтесь. Скоро здесь соберется наша группа.

Я сел, и когда пишуший напротив меня штатский поднял голову, я ему приветливо кивнул. Тот угрюмо кивнул в ответ и вновь погрузился в работу.

– Николай Иванович, у нас время сейчас горячее, поэтому буду без церемоний, – начал майор, прищурившись, глядя мне прямо в глаза. – Скажу вам сразу, как понимаю ваше

присутствие здесь, и какие будут у нас отношения. Поэтому прошу не обижаться – ничего, как говорится, личного.

Далее майор говорил, не глядя на меня, но бегло просматривая свои бумаги. Я тоже дотронулся пальцем до своей папки на столе.

– У меня здесь копия направления из Заксобрания нашего города, там все мои полномочия...

– Не нужно, я хорошо представляю ваши верительные грамоты, товарищ депутат. Но скажу откровенно, вы для нас – ревизор и ненужный контролер. Не знаю, какая будет от вас помощь, но мороки нам точно из-за вас прибавится. Теперь так, определимся с вашими полномочиями. Вы вправе участвовать во всех наших оперативных разработках по делам повторяющихся убийств. Но ко всему прочему, а также к тому, что было до этой минуты, или скажем так, до начала текущих дел, у вас доступа нет, и не будет.

– Странно... Я оформил все, что полагается о неразглашении тайны следствия и прочее. Мне сказали, начальник Управления подпишет допуск сегодня...

– Генерал сегодня опять не вышел на работу, он по-прежнему на больничном. Однако первый его зам, полковник Смольников, мне лично приказал держать наши служебные отношения с городским депутатом в самых строгих рамках, и категорически запретил за них выходить. Я буду неукоснительно выполнять его приказ. Буду откровенен – вы для нас чужой, и я даже не представляю, как мы сможем вместе ра-

ботать, и что из этого выйдет. Лучше давайте перейдем сразу к делу, товарищ комиссар, не будем терять время. Сначала введу вас в курс.

Майор отложил в сторону бумаги и наклонился ко мне через стол.

– Вы, как будто, знаете, что в интернете появился игорный сайт на смерть при несчастном случае?

Я кивнул, майор продолжал:

– Сейчас на нем выставлено фото погибшей на прошлой неделе в ДТП девушки, и уже принимаются ставки на следующую жертву несчастного случая. К сожалению, мы узнали об этом сайте слишком поздно. Те, кто отслеживает и отвечает за интернет, уже получили нагоняй, но к жизни людей это не вернет – и даже неизвестно, сколько их до этого уже было! К сожалению, все, что выставлялось на этом сайте до последних дней, уже утрачено, – а это для нас утерянные факты и улики. Но с вечера пятницы мы уже над этим работаем и, к нашей удаче, уже нашли человека, который видел, что на сайте было выставлено на предыдущей неделе. Фото убитого ножом человека на лавочке в парке культуры за неделю до этого. Этот свидетель вспомнил еще и многие подробности. Так вот, приведенные на сайте обстоятельства и подробности убийства того мужчины и гибели последней молодой женщины полностью соответствуют действительности, так же, как не вызывает сомнений и подлинность выставленных на этом сайте фотографий. Вопрос – откуда они

их получили? Из криминальной хроники? Вряд ли. Те далеко не всегда и все узнают, тем более, так оперативно. Такие фотографии больше нигде в интернете или в редакциях газет или у нас не обнаружены. А если бы они еще где-нибудь публиковались, то обязательно в пикселированном, размытом виде – как это положено для СМИ. Тут же все было достаточно четко и узнаваемо. Несомненно, здесь работает серийный убийца, а более правдоподобно, – банда. Фотографирует тоже кто-то из них. Поэтому, я опасаясь, на следующей неделе следует ждать новой их жертвы.

– Я полагаю, вы что-то уже делаете, а не просто опасаетесь.

– Понимаю ваш сарказм, комиссар. И даже отчасти его принимаю. Именно поэтому создана оперативная группа, с которой вы здесь скоро познакомитесь, – майор посмотрел на часы. – Сейчас сюда должен подъехать эксперт из ФСБ. Это ведомство тоже подключено к следствию по причине серьезности дела, да и много больших их технических и иных возможностей. В субботу мы уже начали работать над этим, приняли и задействовали некоторые меры. Понятно, их еще далеко недостаточно, и мы опаздываем – маньяк уже раскрутил барабан своей лотереи. Эта мрась знает, какая случится следующая смерть, и в каком месте, потому что сам ее готовит.

– Не похож на маньяка, – сказал я мягко, стараясь не ожесточать больше майора.

– Да, новый вид. Очень современный. Деньги на первом

месте, но в остальном – отморозок, как все остальные. Итак, следующая жертва этих «лотерейщиков» будет в метро, на нее уже принимают ставки. Поэтому со вчерашнего дня на всех станциях, перечисленных на этом преступном сайте, без перерывов просят пассажиров отойти от края платформы, устанавливаются новые видеокамеры, и прочее. Сегодня с утра всех, кого было можно, мы направили на платформы метро патрулировать в гражданской одежде. Это я вам говорю, так сказать, в порядке отчета на запрос депутата в вашем лице, можете все подробно записать, и даже на меня сослаться. Но погасить этот преступный сайт нам пока не удалось, он продолжает работать и собирать деньги под следующую свою жертву.

– Зачем гасить сайт?

– Не понимаете? Или, по вашему, нам надо продолжать помогать этой твари убивать каждую неделю по человеку? Тогда нас всех, питерских полицейских, надо гнать отсюда к чертовой матери!

– Этот сайт – единственная ниточка к маньяку. Хотите ее порвать?

– Хочу! Чтобы спасти людей!

– Так не спасете. Еще больше угробите. Ставки на эту неделю уже сделаны. И заметьте, возможно, по всему миру.

– С чего вы это взяли – по всему миру?

– Хотя бы по счетчику ставок и игроков. В одном Питере, думаю, не найдется столько негодяев с крипто валютой на

счетах.

– К сожалению, их тут много больше.

– Кроме того, разницы нет – в Питере делать ставки или в Нью-Йорке. Этот сайт – на многих языках, включая арабский. Судя по английскому тексту – это перевод профессионала.

– Но убивают людей почему-то не в Нью-Йорке, а у нас, в Питере. Вы предлагаете оставить этот сайт, чтобы он продолжал убивать?

– Предлагаю работать с этим сайтом, еще неделю.

– Ценой этого будет еще одна человеческая жизнь, как минимум. Вам ее не жалко?

– Очень жалко. Но это действует не одиночка, это группа или банда, надо брать их всех.

– Даже из-за границы – если сайт на многих языках?

– Да.

– Ну-ну, успеха. Бесплезно даже обращаться с этим через западную границу. Сейчас такое время, когда оттуда нам не только не вернут убийцу, а даже нового подкинут. Открою вам – единственное, почему этот сайт еще висит в сети, – нам не удалось убедить питерский телеком его закрыть. Требуют представление за подписью генерала, а тот на больничном. Заместитель Смольников для них – не фигура. Их юристы, видите ли, не нашли на этом сайте ни признаков пособничества терроризму, ни подстрекательства к самоубийству, ни призывов к беспорядкам, и так далее по их гениально-

му списку. Но обещаю вам, комиссар, этот сайт работает последние дни.

После этого майор Кашин кратко ввел меня в курс событий и сообщил все подробности угона автомашины и ДТП со смертельным исходом на прошлой неделе. Вскоре скрипнула входная дверь, и сержант ввел в комнату очень молодую женщину. Кашин встал во весь рост, и я впервые увидел, как он улыбается.

– Прошу, прошу, лейтенант, здравствуйте... – он учтиво повел рукой в сторону нашего стола.

Она села напротив и наискось от меня. На лице – чуть заметная улыбка, темно синий костюмчик с юбкой, в очень тонком вкусе, белый скромный воротничок, кудрявые светлые волосы, слегка врассыпную.

– Это прикрепленный к нам эксперт, Алена Юрьевна. Психолог и юрист. Продолжаем, товарищи, будем знакомиться по ходу. Алена Юрьевна, может быть, вы сразу пополните наше совещание новым материалом?

– Боюсь вас разочаровать, – она встрепенулась было при встать, но снова села. – Начну с «лотереи». Уже понятно, это серия, и убийства будут продолжаться. Место регистрации сайта – Польша. Вероятно, там и находится компьютер и человек, которые администрирует сайт – размещает информацию, считывает ставки, получает и выплачивает деньги, и так далее. К сожалению, это – иголка в стоге сена. Уверена, питерский убийца лишь исполнитель, а мозги – в Польше. За

рубежом, откуда ведется управление этой «лотереей», мотив – деньги, никакой патологии, за компьютером сидит не маляк, а отъявленный мерзавец и убийца. Но местный исполнитель вполне может иметь психические комплексы, и даже, полагаю, наверняка. Но пока у нас нет данных, чтобы составить его психологический и поведенческий профиль. На этом, к сожалению, у меня по «лотерее смерти» все. Перехожу к серийным убийствам с изнасилованием в извращенной форме...

– Алена Юрьевна, спасибо... давайте сейчас ограничимся для пользы дела только «лотереей». Или у вас есть что-то срочное или новое по второму возбужденному делу?

– Нет, ничего.

– Спасибо. Вопросы, пожалуйста?

Эксперт ФСБ Алена Юрьевна была еще и хорошенькой. Когда она говорила что-нибудь очень серьезное, тогда как-то мило морщила щечку, и тогда мне очень хотелось ее туда поцеловать. Я поднял руку и встал.

– Алена Юрьевна, нам очень нужен IP-адрес этого компьютера в Польше. Дело в том, что этому сайту осталось жить всего день или два, – я взглянул мельком на майора. – Нам надо из этой лотереи и сайта выжать максимум. Другой ниточки к этим преступникам у нас нет, и вряд ли она появится.

– К сожалению, я не специалист в этом...

– Этого не нужно, я вам скажу, что и как надо сделать, вы

только передайте и срочно пробейте это у своего начальства.

Она перевела взгляд с меня на майора, задержалась на нем, но потом вернулась обратно ко мне.

– Хорошо. Но я лучше сейчас позвоню.

Она встала из-за стола и подошла со своим телефоном к окну, начала говорить, но все за столом молча слушали ее.

– Олег Васильевич, это Алена... Да, работаем... Тут, вероятно, нужна помощь нашего седьмого отдела. Неотлагательно. Кто-нибудь может сейчас подъехать сюда? Чтобы сразу принять решение. Хорошо, мы ждем.

Она вернулась за стол:

– Через полчаса.

Я продолжал стоять, но повернулся теперь к майору.

– Товарищ майор... – я могу вас так называть? – тот кивнул. – Мой вопрос – был ли произведен экспертный осмотр тела погибшей в ДТП девушки?

– Мы, к сожалению, с этим опоздали. Ее похоронили в пятницу на Серафимовском кладбище. То было типичное ДТП, и по заключению медиков скорой помощи, смерть в результате перелома шейного позвонка от удара об автомобиль. Осмотр тела вряд ли выявил бы что-либо полезное для следствия.

– Я полагаю, несмотря на это, нам надо найти свидетелей того ДТП.

– Поиск свидетелей через неделю после ДТП возможен только через СМИ, к этому мы прибегаем только в исклю-

чительных случаях. Я лично просматривал записи обеих видеокамер на перекрестке – ничего настораживающего. Понятно, эти камеры дают только общий вид, лиц не рассмотреть, зеваки заслоняли оба тела, но в целом все с этим понятно.

Я стоял и продолжал:

– Я вынужден на этом настаивать, товарищ майор, преступник мог вернуться, он бросил угнанную машину совсем недалеко от того перекрестка. Алена Юрьевна ведь допустила возможные психические отклонения у этого убийцы, а эти субъекты часто возвращаются, чтобы пощекотать себе нервы. Кроме того, и это главное, кто-то ведь сделал фотографию, которую потом разместили на сайте.

Краем глаза я заметил, как Алена Юрьевна вскинула голову и с интересом на меня посмотрела. Затем она сказала:

– Петр Васильевич, я поддерживаю это предложение. Мы должны задействовать все, что возможно. Это и есть исключительный случай. Или, к сожалению, один из них.

– Согласен. Решено, – майор привстал и наклонился к молчавшему до этого мужчине в штатском напротив меня. – Сергей Лукич, организуй это, пожалуйста. Все, как обычно, по городским телеканалам и радио, сегодня и завтра.

Штатский ответил «есть» и вышел. Через четверть часа сержант привел в комнату человека средних лет, в джинсах и футболке. Алена Юрьевна его представила:

– Зам руководителя наших электронных средств, капитан

Гусев.

Когда он сел с нами, майор продолжал молчать, и я понял, что он мне предоставлял право ввести капитана ФСБ в курс дела и объяснить, что мне было нужно. Я кратко описал тому в общих чертах ситуацию, подчеркнул угрозу нового убийства, и после этого перешел к области его работы и профессиональных возможностей.

– Нам нужно, чтобы вы внедрили в этот сайт «троян», вирус-информатор. Это не сложно, наверняка у вас есть разработки и заготовки для подобного. Такой «троян» должен нам считать, откуда ведется управление сайтом и опознать их IP-адрес. Фактически, это домашний адрес – тогда заходи и бери этого преступника.

– В Польше? – спросил майор с сарказмом.

– В Польше. Но это только первое. Их информация на сайте обновляется раз в неделю, по результатам очередных убийств, а если они со следующим преступлением затянут до конца недели, то мы уже ничего не успеем. У нас осталось всего день или два – столько, и не больше, еще проживет этот сайт – так мне сказал товарищ майор. Поэтому второе, что я вас попрошу, это «хакнуть» сайт, вывесить на нем одну надпись, скажем так – послание, оно заставит их побыстрее шевелиться и себя этим обнаружить.

Я написал несколько слов на бумажке и подвинул ее к нему. Капитан прочел и кивнул головой:

– Я могу это всем зачитать?

– Конечно.

– «Сука, если не заплатишь – сайт завалю».

– Поясню, – сказал я, – так мы повесим будущую блокировку сайта на местных бандитов. Пусть разбираются с ними. Повезет – сыграем с ними в «радио-игру», как бывало в контрразведке. Но, пожалуйста, сделайте надпись очень мелкой, чтобы увидели и среагировали на нее только они, никто другой. Администратор сайта такого не пропустит, это его работа, он сотрет надпись или, не знаю, что сделает – но засветится.

– Мне все понятно, – сказал капитан. – Я сейчас позвоню.

Он отошел к окну и начал говорить, мы его тоже молча слушали.

– Это Олег. Передай ребятам, чтобы никуда не расходились. Да, срочно. Пусть скажут своим домашним, что сегодня задержатся, и, возможно, до утра. Я скоро буду. Все.

Капитан обратно к нам за стол уже не сел и начал прощаться. Я снова встал.

– Капитан, у меня есть к вам еще и третья просьба. Такая возможность контакта с преступниками выпадает раз за много лет, грех не воспользоваться. Давайте разместим на пару последних дней жизни этого сайта еще и приманку. Кто-нибудь, да клюнет, кого еще не знаем, из особо мерзких преступников. На этом лотерейном сайте полно рекламы, взломайте и выкиньте одну из них, разместите вместо нее вот это, – и я протянул ему вторую свою бумажку.

– Можно и это зачитать? – спросил капитан с удивлением.

– Пожалуйста.

– «Кому девочки, а кому и мальчики», – и капитан улыбнулся. – Извините, это у вас тоже реклама? Для педофилов?

– Пустышка. Щелкнув по ней, оставишь нам свой клик и IP-адрес, но никуда не попадешь.

– Или сразу на сайт полиции, – смеясь и глядя на меня, сказала Алена Юрьевна. – Если только добавить туда соответствующую ссылку

Я продолжал:

– За последние день-два существования преступного сайта такая реклама весьма пополнит картотеку извращенцев и педофилов в городе. Ведь мы же ищем извращенцев! Давайте забросим такую сеть, раз она оказалась у нас в руках. Но прошу, капитан, никаких детских фотографий.

– Все-таки надо бы что-нибудь изобразить, чтобы на рекламу было похоже, – сказал капитан ФСБ, продолжая широко улыбаться.

– Нарисуйте тогда зайца.

– У меня вопрос, – сказал майор. Я повернулся к нему, и во второй раз увидел улыбку на его лице. – Кто будет, если что, отвечать за эту провокационную рекламу для педофилов?

– Я буду. Я – депутат. Валите все на меня.

6. Стриптизер Ураев

После окончания мужского стриптиз-шоу в клубе «Ма-чо-стрип» публика высыпала на Невский проспект. Это были стайки нарядных молодых женщин. Как только они выходили из дверей и вливались в поток пешеходов, так одинаково стыдливо опускали глаза и прятали счастливые улыбки. Почти все они в глубине души чувствовали, что все-таки нехорошо было так распалиться женщинам, глядя на чужих полуобнаженных мужчин на сцене.

В это время за сценой, в раздевалке клуба, мужчины танцовщики смывали с тел шиммер, придававший коже блеск, и переодевались. Говорили мало, и только смешное.

– Вот анекдот. Мужик спрашивает другого: охоту любишь? Нет, отвечает. – Куда лучше: лежишь на пляже под солнышком, той, что слева охота, и той, что справа охота. Вот это охота!

Нестройный жеребячий хохот. Пауза, и кто-то замечает:

– Я от их охоты скоро импотентом стану!

– Не ты один!

Хохот дружнее и крепче.

– А я недавно прикольный сайт нашел. Лотерея на смерть, называется.

– Что за мура?

– На смерть. Натурально. Сейчас покажу.

Все склоняют головы над его смартфоном. Один замечает с деланным удивлением:

– Гляди-ка! Во, на чем бабки рубят! А тут трясешь-трясешь своим членом каждый вечер, и все равно денег не хватает!

Хохот.

На следующее утро, когда один из них, «звезда» шоу мужских эротических танцев, Ураев, проснулся, уже был двенадцатый час. Он принял душ, сварил кофе и легко поел. На три часа в клубе была назначена репетиция, опаздывать было нельзя, а ехать до Невского от его новой квартиры было не меньше часа, да еще, если без пробок. Купленная им недавно «двушка» в новом хорошем районе ему очень нравилась – почти на Приморском шоссе, недалеко от газпромовского небоскреба, из окон был виден даже Финский залив.

Взглянув на часы, он прикинул, что время у него еще осталось, открыл свой ноутбук и зашел на сайт, который вчера показывал всем в раздевалке партнер танцовщик. Чем дальше он читал, спускаясь вниз по ленте, тем больше его лицо оживлялось интересом. После краткого раздумья он начал осторожно, как нечто опасное последствиями, выбирать и щелкать квадратики с условиями игровой ставки или, как это здесь называлось, с «обстоятельствами» чьей-то случайной смерти. Потом он перешел на последнюю страницу сайта, изучил уведомление о непричастности и «юридической чистоте», поставил рядом галочку и перешел к прави-

лам оплаты ставки. Однако ничего больше он тут не сделал – решил отложить до следующего дня, когда времени будет больше, и он тогда внимательнее изучит все условия.

Тем не менее, он снова вернулся на первую страницу, мельком ее вновь просмотрел и только теперь обратил внимание на яркую рекламу сбоку от основного текста. Крупным шрифтом там было набрано: «Кому девочки, а кому и мальчики». В широком промежутке между двух абзацев основного текста был изображен розовый, как будто из карамели, «сосальный» зайчик на палочке. Ураев непроизвольно глотнул и кликнул по этой рекламе. Ничего не произошло. С раздражением он кликнул по рекламе еще дважды. Реакции не последовало. Он закрыл компьютер и начал собираться.

После репетиции, если только она не затянется, должны были остаться несколько свободных часов до вечернего шоу, и он хотел зайти в одно место по соседству. Недавно прогуливаясь после репетиции, он обратил внимание на медную табличку у дверей одного дома: «Врач сексопатолог». Несколько дней эта табличка не выходила у него из головы, и, наконец, он решил зайти и взглянуть на этого врача. Реальной помощи от него он не ждал, но что-то мог бы, пожалуй, лучше сам понять про свои проблемы. С психикой у него был непорядок еще с ранних лет, это он хорошо знал. По ночам его мучили кошмары, иногда он даже слышал у себя в голове чужие голоса. Особенно плохо у него было с сексом, но он как-то постепенно научился с этим худо-бедно

жить. Но вместе с этим у него было еще одно отклонение, пугающее порой даже его самого. Поэтому о своем пороке полезно было знать больше, понять его, чтобы, по крайней мере, от всех прятать. Его беспокоило только это: не догадался бы этот врач обо всем сам про него, если он действительно такой хороший врач и психолог. Нельзя было оставлять ему никаких личных данных. Не звонить и не записываться заранее на прием, не платить картой, не называть имя, и как можно осторожней отвечать на его вопросы.

Ураев встал и выдвинул ящик секретера. Ящик был полон мятых и скомканных крупных денежных купюр. Тут лежали попеременно и пятитысячные рублевые, и сотенные в долларах и евро. Каждый вечер перед окончанием шоу мужчины-танцовщики проходили между столиками, а иногда и присаживались по приглашению женщин, и тогда многие посетительницы засовывали эти купюры за пояса их шортиков, а некоторое даже норовили просунуть глубже и пошевелить там пальчиком. Возвращаясь домой после каждого шоу, Ураев с омерзением кидал такие деньги в этот ящик. Они всегда напоминали ему об унижении, которое, хотя он и успешно скрывал в глубине души, тем не менее, сознавал и терпел на сцене мужского стриптиз клуба.

Теперь он выбрал из ящика несколько крупных рублевых купюр, расправил их и вложил в бумажник. На репетицию он опоздал на десять минут и получил за это колкое замечание. Менеджер и хореограф готовили с труппой новую програм-

му, хотели здесь летом, в клубе на Невском, ее обкатать, чтобы с началом нового сезона возить по Европе. Ездили они много – в Германию, Финляндию, особенно часто в Голландию, в эту столицу эротики и легких наркотиков на любой вкус и карман. «Шенгенские» визы были у всех пятилетние и без проблем всегда продлевались.

Ураев танцевал в клубе уже три года, но так и не сошелся ни с кем по-дружески, оставался среди танцовщиков «белой вороной». Все остальные в труппе его раздражали. Кроме того, он не скрывал свое превосходство, и это, разумеется, никому не нравилось. Но Ураев был в труппе действительно лучший. Танцевал страстнее и эротичнее всех, часто входил даже в экстаз, и тогда заражал публику какой-то звериной страстью. Некоторые женщины даже иногда не выдерживали накала его эротичного танца и вскрикивали. Хозяева клуба очень ценили Ураева, ревновали и боялись, что какой-нибудь другой стрип-клуб за границей сманит его на гастролях, и поэтому платили ему много больше всех остальных.

В Петербург Ураев приехал пять лет назад из Забайкалья. Еще в школе он начал заниматься в кружке народных танцев. Повзрослев, в местной самодеятельности танцевал самозабвенно, и ему часто поручали сольные номера. Но всегда в нем чувствовалась какая-то сумасшедшинка, будто в него вселялся бес, и он танцевал не для публики в зале, а для себя, забыв обо всем, что было вокруг. Часто это выходило неприятно, неловко, а иногда даже отталкивающе.

После окончания школы он поехал сразу в Петербург, поступать в знаменитое хореографическое училище. Надоумили его на это учителя своими рассказами о земляке, который именно так и начинал свой взлет к мировой славе. Ураев получил аттестат зрелости, распрощался с бабушкой, которая его вырастила, и уехал в неизвестность – как будто бросился в стремнину – но твердо уверенный в предстоящем успехе, и, судя по всему, вполне оправданно.

Однако в знаменитое хореографическое училище Ураева не приняли, но очень хвалили и советовали обязательно продолжать танцевать. Возвращаться обратно домой было для него позором. Он был уверен, что его здесь просто не поняли, ведь он танцевал на просмотре лучше всех других подростков, у него особый природный талант, который эти утонченные педагоги-классики просто не смогли оценить. В этом блестящем Петербурге – думал он, – его обязательно еще оценят, он всего добьется, у него настоящий редкий талант, которого ни у кого больше нет.

Но оказалось, все не так просто и легко, как это происходит с будущими звездами на киноэкранах. Без денег, знакомых и жилья он промышкался первую зиму по подвалам с бомжами. Однажды, когда он забился от морозов между теплых подвальных труб, его нашел, избил и изнасиловал здоровенный грязный бомж. Но к весне ему удалось устроиться курьером-разносчиком, и его жизнь в Питере стала налаживаться. Он был красивым, статным и мускулистым семна-

дцатилетним пареньком, и когда он приносил ленчи в офисы, женщины с ним заигрывали. Однажды в обеденный перерыв, когда он принес ленч своей постоянной молодой клиентке, она демонстративно щелкнула замком двери своего кабинета, подошла с таинственной улыбкой, обняла и прижалась к нему всем телом.

Несмотря на то, что Ураеву очень часто снились сексуально насыщенные сны, хотя и вперемежку с кошмарами, у него ни разу не получилось полноценного секса ни с одной женщиной. После нескольких неудачных и даже позорных для него встреч с ровесницами, он начал сторониться женщин, тем не менее, всегда чувствовал и знал их повышенный к себе интерес.

Тогда в офисе, как и всегда, у него не получился естественный и нормальный секс, желание и эрекция не возникли. После безуспешных попыток той женщины ему помочь и возбудить его своими руками, она, молча и обиженно встала с дивана и начала спешно одеваться.

Деньги у него уже водились, и он не раз ходил к платным терапевтам, но ничего, что они прописывали, ему не помогало. Но по ночам, как это было уже давно, ему снились женщины в завлекательных позах, но какие-то странные, и делали они что-то непонятное, и он, проснувшись, никогда не мог вспомнить, что же это было. Постепенно у него возникла и росла к ним, одновременно, и сильная страсть, и яростная злоба – ему хотелось их любовно растерзать, увидеть и

почувствовать на своих руках кровь. В такие минуты, в полусне, и грезя об этом, его тело иногда сводила блаженная судорога, и он извергал на простыню свое семя.

Друзей в этом городе он себе так и не завел, а кокетничавших с ним девушек застенчиво сторонился. Летними теплыми вечерами он любил выходить на Невский проспект и не спеша брести среди веселых и беззаботных прохожих. Так он часто гулял по вечернему проспекту, но его никогда не покидало привычное беспокойство, какая-то боязнь всех людей вокруг него. Он гордился своим красивым телом, силой, ловкостью – и одновременно чувствовал свою неполноценность, скрытую психическую болезнь, в которой был теперь полностью уверен.

Поэтому, привычно, еще со школьных времен, в кармане у него лежал складной нож. В его далеком городке подростки сбивались в агрессивные ватаги, но Ураев был всегда нелюдим, одиночка, и нож в кармане всегда добавлял ему смелости. В кармане брюк у него была даже специальная прореха для ножа. Полиция иногда бесцеремонно обыскивала на улицах хулиганистых подростков, и однажды, случайно остановленный для проверки, он незаметно спустил нож через эту прореху на землю и так избежал плохих последствий.

Уже обжившись в Питере, он однажды прогуливался теплым поздним вечером по Невскому проспекту. Проходя мимо сквера у памятника императрице Екатерине, он свернул в него, выбрал тут свободную скамейку и присел. Вечерняя

темень быстро сгущалась в неосвещенном сквере, и сидевшие на соседних скамейках влюбленные парочки угадывались лишь по светлой одежде. Однако Ураев недолго оставался один на этой скамейке. Вскоре к нему подошел молодой мужчина, вежливо спросил, можно ли ему присесть, и опустился рядом. Ураев слегка отсел от него в сторону, но мужчина, уже опустившись, подвинулся к нему ближе, так, что их бедра соприкоснулись.

– Какой вечерок... – мечтательно сказал мужчина. – Последнее летнее тепло.

Ураев вежливо покивал головой в темноте. Он чувствовал, как мужчина прижимается к нему еще теснее, но не понимал, как ему на это реагировать. Мужчина был хорошо одет, с виду вполне порядочен, и Ураеву не хотелось нарушать покой, который ощущал в этот теплый вечер.

– Вы, молодой человек, наверное, мечтаете о любви, вам снятся по ночам красивые обнаженные женщины, и как они раздеваются...

Ураев был с детства нелюдим, робок, но воспитан бабушкой очень вежливым мальчиком. Приехав в людный и шумный Питер, он чувствовал себя здесь отсталым провинциалом. Поэтому, когда мужчина вдруг положил свою руку ему на бедро, а затем сдвинул ее ему между ног, он так и не отодвинулся, а просто оцепенел, пораженный этим.

– Вам это приятно, молодой человек? – и мужчина начала легко поглаживать его в том месте.

Ураев почувствовал одновременно и гадливость, и удовольствие. Только позже он узнал, что в этом сквере, на лавочках вокруг памятника, недалеко от Александринского театра, в летние вечера собирались не только влюбленные парочки, но и геи. Однако тогда он этого не знал. Гадливость у него нарастала, но вместе с ней усиливалось и возбуждение от массажа чужой руки. Вдруг неожиданно в его памяти возник образ полутемного подвала, где он ночевал год назад, грязного и сильного бомжа, сильную боль, беспомощность и оставшееся навсегда унижение. Его правая рука медленно потянулась в карман за ножом.

Не встретив от юноши заметного сопротивления, мужчина придвинулся к нему еще теснее, стал искать пальцами молнию на его брюках, чтобы расстегнуть. Но Ураев, к своему удивлению, не отодвинулся, а даже теснее к нему прижался, чувствуя у себя неминуемо приближающуюся блаженную разрядку. Он даже опустил свою левую руку на вздрагивающую на его промежности ладонь мужчины, и еще сильнее прижал ее к себе. Он уже чувствовал последние секунды перед оргазмом, и вдруг его правая рука непроизвольно выхватила из кармана складной нож, левая привычно выкинула лезвие, и Ураев со всей силы ударил им в живот мужчины. На самом деле, этот нож был предназначен тому вонючему бомжу, который изнасиловал его год назад в грязном подвале. Тот бомж хотел от него того же самого, и получил, но расплатился за это мужчина, что сел сегодня рядом на ска-

мейку.

Мужчина судорожно втянул грудью воздух и откинулся на спинку скамейки, рука его соскользнула с ноги юноши и потянулась к кровавому пятну, расползающемуся по белой рубашке. Но тело Ураева в эту секунду вдруг зажило своей независимой жизнью, левая его рука обняла мужчину за плечо, прижала к себе еще крепче, а правая с ножом размахнулась и ударила его снова, под ребро в сердце.

Мужчину стали трясти конвульсии, но Ураев еще теснее прижимался к нему, получая от этих предсмертных сотрясений какое-то особое, не испытанное ранее удовольствие. Нож у него выпал из пальцев, и он прижал свою ладонь к ране на животе мужчины. Сквозь его пальцы обильно сочилась черная в темноте кровь, и вдруг он непроизвольно нагнул голову и прижался губами к своей мокрой ладони. Он ощутил во рту вкус соленой и горячей крови, другой рукой прижал себя между ног, и вдруг его охватил, наконец, оргазм, такой силы и блаженства, которых он никогда не испытывал раньше.

Только через минуту он пришел в себя и огляделся. В темноте, на скамеечках по-прежнему спокойно сидели прижавшиеся друг к другу влюбленные парочки. Было тихо и хорошо. Ураев поднял с земли нож, вытер лезвие о брюки мертвого мужчины и, вставая, опустил его себе в карман. Через минуту он уже шагал по Невскому проспекту среди редких прохожих, и только легкая слабость в ногах сохраняла еще

память о недавнем блаженстве.

После очередной репетиции в клубе Ураев быстрым шагом пошел к зданию, где заметил табличку сексопатолога. После нескольких фраз по домофону, он поднялся на второй этаж и вошел в солидную дверь из полированного дерева. Но вежливая дама в приемной высказала такое горькое сожаление, как будто сама была перед ним виновата: «доктор занят, и даже все у нас расписано на следующие дни, но раз уж вы тут, могу спросить, не примет ли вас доктор завтра в обеденный перерыв, – так часто у нас бывает».

– Вас устроит завтра в час? Сейчас как раз вышел пациент – мне спросить у доктора?

Ураева все прекрасно устраивало – это будет за два часа до начала репетиции в клубе. Он записался на прием и ушел коротать время до начала вечернего шоу.

7. Новости

Весь вторник с утра и до вечера я работал с депутатами. Близились общие для нас летние каникулы, и наша комиссия, как и прочие комитеты, старались успеть вынести на общее собрание последние подготовленные акты и принять их хотя бы в первом чтении. То же предстояло и на следующий день. Но в среду рано утром раздался звонок телефона и изменил мои дальнейшие планы.

– Доброе утро, Николай Иванович, это следователь Седов. Напомню вам – позавчера мы сидели за одним столом в кабинете майора Кашина.

– А-а, доброе утро... не знаю вашего имени...

– Сергей Лукич. К нам поступило много новой информации, и в двенадцать состоится совещание нашей группы. Вы придете?

– Обязательно!

В двенадцать я вошел в просторный кабинет майора Кашина. За столом сидели знакомые мне уже лица, и одно было новым.

– Все в сборе, начинаем, – объявил майор, привстав над столом. – Как говорится, не было гроша и вдруг алтын. Буду по порядку. Первое, нашлась свидетельница ДТП, и сообщила нам нечто очень важное. Она заметила подозрительного мужчину, появившегося на месте того смертельного ДТП на

перекрестке. Сейчас вы услышите отрывок записи ее голоса при нашем опросе по телефону, – и он щелкнул по усилителю диктофона.

«Он такой невзрачный, щуплый, в темной кепке и солнечных очках. А потом мне показалось, он облапил ее самым бесстыжим образом, прямо на асфальте. Сначала подошел и как бы оправил ей задравшееся до трусов платье, а потом повел-повел рукой вниз по ноге, до самой туфли, и даже взялся за лодыжку...»

Майор Кашин сделал паузу и продолжил:

– Видеоматериал с камер этого перекрестка был снова нами изучен, и похожий на описание свидетельницы человек, в кепке и очках, попал в зону видимости. Такой мужчина подходил к месту ДТП со стороны той улицы, где был найден угнанный автомобиль. Очень вероятно, это и был предполагаемый преступник, возвратившийся на место своего преступления. Алена Юрьевна, можно ли из этого заключить, что это и есть маньяк, серийный убийца, и такое его поведение на месте преступления намечает его психологический портрет?

– Что касается возвращения на место ДТП, то он мог идти туда просто, чтобы сделать фотографию, которая вскоре и была выставлена на известном сайте. А вот то, что он «облапил», как выразилась свидетельница, мертвое тело, то это признак некрофилии в той или иной форме. Если кратко, то его психологический портрет можно представить пока так:

убивает за деньги, но с удовольствием.

– Спасибо, Алена Юрьевна. Теперь я попрошу нашего эксперта криминалиста прояснить нам возможность снять отпечатки пальцев с тех мест, где он «облапил» мертвую женщину. Напомню, ее тело погребено в пятницу, и перед тем, как приступать к процедуре эксгумации, нам надо понять, имеет ли это вообще смысл.

Как только криминалист заговорил, я понял, что он не верит в успех этой мрачной процедуры. Он был немолодым человеком, в очках, с короткой седой бородкой.

– В принципе, с кожи мертвого тела снимают отпечатки пальцев, имеется более-менее удовлетворительная методика. Однако если наше тело уже неделю погребено, тогда не знаю. И у меня есть вопрос – отпечалось ли это тело в церкви? Дело в том, что если покойницу готовили, так сказать, для небес, обмывали тщательно и по совести, то чужих отпечатков пальцев на ней не осталось. Но если тело обмывалось ритуальной фирмой, не для небес, а для денег, то они могли это делать, возможно, только в тех местах, где это будет видно в гробу. Поэтому кожа, где преступник «облапил» тело, но укрытая в гробу одеждой или саваном, могла остаться нетронутой, тем более, около туфли, и там могли сохраниться удовлетворительные отпечатки пальцев.

– Спасибо, Евгений Никифорович. Прошу высказываться. Николай Иванович?

– Надо ее выкапывать. Как бы это ни было тяжело для

родственников, и как бы мало было шансов на успех, – сказал я.

– Спасибо. Вы, Сергей Лукич?

Сергей Лукич был тем, кто сегодня мне позвонил. Он был следователем в чине лейтенанта, и был в этот день в полицейской форме со многими нашивками.

– То, что я скажу – жестоко и бессердечно. Сегодня среда, и впереди два последних дня, за которые преступник совершит новое, уже объявленное на сайте «лотереи смерти» убийство. Я уверен, этот маньяк-«лотерейщик», непременно убьет новую жертву, потому что на игровом сайте уже накопились очень большие деньги сделанных ставок, и мы, к несчастью, не в состоянии ему помешать. Другими словами, через день-два мы будем иметь новое мертвое тело, и, возможно, с новыми отпечатками пальцев преступника. Разумеется, если его «почерк», действительно, всегда «лапать» тела женщин после убийства. Конечно, если мы к этому подготовимся, и обстоятельства гибели новой жертвы будут для следствия благоприятны. Единственная будет сложность – получить следующее тело в сохранности, со всеми имеющимися на ее коже отпечатками пальцев. В суматохе нового якобы несчастного случая это может оказаться делом непростым, тем более, что в первые минуты, естественно, никого из правоохранителей рядом быть не может. Замечу, попутно, оформление разрешений на эксгумацию предыдущего тела займет не менее тех же двух дней. Но одно другому не по-

мешает.

– Спасибо. Вы, Алена Юрьевна?

– Не знаю. Мало шансов, но они есть, надо поднимать тело. И готовиться к следующему, как бы цинично это ни прозвучало.

Майор встал:

– Спасибо. Сейчас мы это решим, но вкратце о другом. Возможно, не все из собравшихся уже знают, поэтому я с удовлетворением вам сообщаю: с сегодняшнего утра преступный игорный сайт навсегда заблокирован в нашем городе. Сайта с «лотереей смерти» больше не существует. Это – маленький, но успех, хотя и запоздалый. Будущие убийства предотвращены, но объявленное на этой неделе, по-видимому, все-таки состоится. Далее, оставляя пока вопрос об эксгумации, перейдем к еще одной хорошей новости. Предложенная Николаем Ивановичем и начатая позавчера интернет-игра с преступниками дала некоторые результаты. Полагаю, Алена Юрьевна лучше меня доложит об успехах ее ведомства.

Алена Юрьевна на этот раз встала, и я с удовольствием скользнул взглядом по ее стройной фигурке и новому наряду, простенькому платью в мелкий цветочек, в очень тонком вкусе. Она смелым голосом начала:

– Администратор преступного сайта вчера заметил внедренное нами на их сайт обращение, якобы от бандитов, удалил его и этим раскрыл свой IP-адрес. Он в Польше. Если бы

у нас с этой страной были лучшие отношения, как и с ее полицией, то через день мы получили бы почтовый адрес компьютера, управлявшего тем игорным сайтом. И даже через пару недель самого преступника. Но теперь об этом и речи быть не может. Интерпол нам тоже в этом не помощник – у нас пока либо нет еще доказательств, или они покажутся им сомнительными, в любом случае. Интерполу нужны неоспоримые факты преступления, и он вполне может заявить, что тот подонок никого не убивал, а только управлял оригинальным игровым сайтом, хотя и сомнительным в моральном отношении. Это нам никак не опротестовать, да и будет уже поздно, в любом случае. Поэтому здесь я вижу тупик. Но есть и хорошая новость. За вчерашний день считаны десятка полтора кликов по встроенной нами рекламе с педофильным мотивом, про мальчиков и девочек. Большинство – с компьютеров, расположенных за границей, и нам ненужных. В нашем городе один клик получен с мобильного, от общего вай-фай в вагоне метро, и никуда нас не привел. Также бесполезен клик с компьютера в библиотеке. Зато третий – с роутера питерской квартиры недалеко от газпромовского небоскреба. Разумеется, оснований для разработки проживающего там человека у нас нет, но в базу данных, мы, тем не менее, его внесли.

– Спасибо, Алена Юрьевна, вы одна нас радуете хорошими новостями. Теперь вернемся к нашим мертвым телам. Предлагаю начать мрачную процедуру проведения эксгума-

ции. Это дело неприятное, и не быстрое, но так, по крайней мере, не будем упускать время. Начнем оформлять необходимые бумаги. Сначала надо ехать к родственникам убитой девушки, чтобы получить разрешение. Дело тоже непростое и нервное, поэтому – у нас есть добровольцы?

Через секунду поднялась рука Алены Юрьевны, и вслед за ней, будто сама собой, взлетела и моя рука.

Юридически полагалось получать разрешение на эксгумацию тела у ближайшего родственника, в данном случае у мужа погибшей в ДТП, но он, как выяснилось, лежал в больнице после тяжелых операций на тазе и обеих ногах, часто впадая в забытие: они переходили тогда улицу вместе, держась за руки. Стало ясно, что придется обратиться к матери погибшей. С ней удалось быстро созвониться, но встретиться с нами она могла только к вечеру. Спрашивать ее по телефону, кто обмывал тело ее дочери, было, конечно, слишком бездушно, хотя это могло бы сразу отменить и поездку к ней, и саму эксгумацию.

8. У сексопатолога

С вечера Ураев настроил будильник. Он боялся проспать после позднего шоу и опоздать к доктору. После легкого завтрака оставалось еще время, и он включил ноутбук. Но оказалось, сайта со ставками на несчастный случай больше не существовало. Вместо него на экране появилась надпись «не удастся открыть эту страницу», и Ураев с раздражением захлопнул ноутбук. Его не столько огорчило отсутствие этой лотереи, хотя ему уже захотелось в нее поиграть для развлечения, сколько рекламы с карамельным зайцем. Последнее время его если и возбуждали, то лишь маленькие тихие девочки, а взрослые и яркие женщины, какие сидели за столиками во время шоу, его только отталкивали своей грубостью и нескрываемой похотью. Поэтому реклама «сервиса» знакомств, с розовым зайцем на палочке, весь день не выходила у него из головы. Выглядело все это слишком просто и удобно, чтобы не попробовать.

Но и секс у него мог получиться, и это он уже давно знал, лишь вместе с другим, добавочным и жутким сопутствием, при этом теплая кровь на его пальцах была обязательна. Об этом Ураев и надеялся поговорить с психиатром, к которому записался. Однако, как он сможет открыто с ним говорить об этом, даже не представлял.

С утра моросил дождь, а когда Ураев выехал, дождь уси-

лился, и на Троицком мосту его машина вздрагивала от порывов ветра. Дама в приемной доктора встретила его, как старого знакомого:

– Здравствуйте! Погодка-то! Вешайте ваш мокрый плащ сюда. А мне, как назло, надо в этот дождь бежать, – она надевала уличные высокие туфли, на голове у нее уже была надета шляпка. – Вы оплатите визит картой?

– Можно наличными?

– Разумеется!

Ураев протянул ей несколько крупных купюр, влажных от мокрых пальцев после снятого плаща. Оформив получение денег, дама вышла из-за бюро и тихо постучала в дверь кабинета врача. Услышав ответ, она приоткрыла дверь шире.

– Пациент уже пришел. Пригласить? Тогда я побегу, Нона Григорьевна, я обязательно все успею за час.

Из приоткрытой двери Ураев услышал женский голос:

– Конечно, Раечка! Не беспокойтесь, я сама выпущу пациента. Вы только за собой закройте на ключ входную дверь. Пригласите его ко мне.

Дама распахнула перед Ураевым дверь шире, и он вошел в кабинет сексопатолога. Увидав за столом женщину, он испытал легкий шок, и у него сразу мелькнуло – не уйти ли ему сразу отсюда? Что он сможет ей рассказать! И что она может понять! Какая-то получилось глупость!

Доктор привстала при его появлении и приветливо улыбнулась. Это была молодая женщина в салатного цвета легком

костюмчике, с коротко стриженными темными волосами и ярко крашеными губами.

– Присаживайтесь в это кресло, пожалуйста. Как я могу к вам обращаться?

Ураев буркнул первое, пришедшее на ум, имя. Его не переставало подмывать – даже не садиться в кресло, а повернуться и уйти, ему уже не хотелось ни с кем о себе говорить, ни с каким врачом, ни, тем более, с этой молодой привлекательной женщиной. Именно в эту секунду надо было или садиться в кресло, или развернуться и уходить отсюда. У него замелькало в голове, что бы ей такое вежливое сказать, чтобы не показаться сумасшедшим или невоспитанным провинциалом, но ничего не придумал и только поэтому неловко опустил ся в кресло.

– Расскажите мне о своей проблеме.

– У меня проблема с сексом. Но вы – женщина. Поэтому даже не знаю, как я могу рассказывать...

– Вы сейчас пришли к психиатру, к врачу, а не к женщине. Поэтому об этом и не думайте. Чтобы вас подбодрить, я перечислю вам несколько проблем, с которыми ко мне приходят мужчины, и многим я очень помогла. Постараюсь говорить об этом откровенно, поэтому не удивляйтесь, – вам это может показаться даже эротично. Чаще всего проблема – в отсутствии эрекции, неспособности возбудить половой член для совершения полового акта. Ко мне часто обращаются мужчины из-за снижения полового влечения – у них

иногда пропадает интерес к обнаженным женщинам. В норме вид женской промежности должен сразу возбуждать мужчину. Если этого у вас нет, тогда мы отыщем с вами причину, и найдем способ лечения или возбуждения. Если у вас что-нибудь похожее, то я вам покажу сейчас несколько откровенных фото, и мы обсудим реакцию на них вашего организма. Ничего не надо стесняться, я вас уверяю. Во многих случаях причина чисто психологическая.

Она продолжала говорить о других столь же интимных вещах, и оттого, что Ураев слышал все это из ярко крашенных женских губ, он почувствовал, как начал возбуждаться. Это случилось с ним теперь только с помощью вспомогательных средств, а эти ярко красные губы, напомнившие ему кровь, говорили так легко и откровенно обо всем том, что его раньше манило в его «влажных» снах, но теперь не снилось вовсе. Ураев, пропуская уже мимо ушей слова, оглядел ее полные бедра, втиснутые в изящное кресло напротив. На полу лежал густой и пушистый ковер, и, ощущая его под ногами, Ураева начало охватывать сильное желание.

– Расскажите что-нибудь о себе, – она ободряюще и нежно улыбалась Ураеву, – Не нужно стесняться, пожалуйста.

– У меня ничего не получается само собой... он у меня, как тряпка.

– Вы пробовали сначала стимулировать себя руками? Открою вам маленький наш секрет. Женщинам часто приходится делать это самим себе, просто руками.

Этот доктор-сексопатолог, рассказывая мужчинам подобные интимные детали, намеренно провоцировала так своих пациентов, внимательно наблюдая за ними, стараясь понять по реакции причину и тяжесть их недуга. Она действительно хотела им помочь, и очень часто умела это сделать. Она была очень опытный врач и психолог.

– Ничего не помогает, только кровь.

– Не понимаю вас.

– Кровь, когда она сочится из женщины.

– Вы имеете в виду месячные?

– Нет-нет, когда я ударю ее сначала ножом, длинным и твердым, каким должен быть мой половой член.

– Вы нехорошо фантазируете, это опасно.

– Это очень опасно, я знаю, меня обязательно поймают, я умру в тюрьме, но иначе я не могу! Без этого я страдаю! Я убиваю женщин, доктор, я пью их кровь!

– Что вы такое говорите, пациент! Вы слишком возбуждены, давайте закончим этот разговор, вы меня просто пугаете! Прекратите это!

Она быстро встала, попыталась шагнуть назад, за кресло, но Ураев ее опередил. Он грубо схватил ее сзади за бедра, и она громко вскрикнула, но толстые стены старинного дома не выпустили ее крик. Рывком он опрокинул ее на спину, на ковер, и навалился на нее сверху. Она уже не кричала, а в ужасе смотрела ему в перекошенное страстью лицо. Ураев левой рукой зажал себе промежность, а правой полез в кар-

ман за ножом.

У женщины вдруг жалостно перекосилось лицо, как у маленькой девочки, из глаз брызнули слезы, дрожащими губами она тихо, как будто стесняясь, попросила:

– Не убивайте меня. Пожалуйста... У меня маленькие дети.

Отщелкнув пальцами откидное лезвие, Ураев медленно и сладострастно погрузил его в мягкий женский живот. Она даже не вскрикнула, только вздрогнула. Он вытащил лезвие, и сразу так же сладострастно, даже высунув от удовольствия кончик языка, погрузил его еще раз, ниже, потом повел его вверх, распарывая плоть, пока нож не уперся в нижнее ребро. Он мельком взглянул на ее мокрое от слез лицо, и глаза их встретились. Она беззвучно плакала, как маленькая девочка. Ураев разжал пальцы, нож из них выпал, и он всю ладонь медленно погрузил в ее распоротый живот. Уже по запястье в теплых мокрых внутренностях, он пошевелил там пальцами, его лицо исказила сладостная улыбка, и от удовольствия он прикрыл глаза. Затем он пригнулся, опустил низко голову и облизал обильно вытекающую из женщины кровь. Левая его рука, лежавшая у него на промежности, стала ритмично двигаться, быстрее, быстрее, и через несколько секунд его свела судорога оргазма. Ураев издал тихий стон, и обессиленный сполз с женщины на ковер, но не отпустил ее, а прижался еще теснее к вздрагивающему в конвульсиях телу.

Ураев потерял чувство времени. Он так бы лежал и лежал с мертвой женщиной в обнимку, это было так мирно и хорошо, он никогда от своих жертв не убегал второпях, всегда долго лежал с ними и получал от этого особое удовольствие. Ему тогда чудилось, что он маленький, лежит со своей матерью, которую никогда не знал, и по его лицу начинали течь слезы от жалости к самому себе. Однако сейчас он помнил, что обеденный перерыв должен вот-вот закончиться, дама из приемной вернуться, и надо было скорее встать, смывать с себя кровь и уходить.

Шаткой походкой он вошел в смежную с кабинетом комнату с ванной и оглядел себя в зеркало. Светлая рубашка была вся залита кровью, темные брюки тоже окровавлены сверху. Рубашку он просто стянул с себя – придется где-то купить новую и переодеться в машине. Но кровь на темных брюках он просто затер водой – сойдет и так под плащом во время дождя. Затем он приспустил брюки, оторвал бумажную салфетку от рулона на стене, и тщательно протер свою влажную от семени промежность. Сухим концом своей рубашки он вытер себе грудь, живот, и свернул ее, чтобы выкинуть на улице в мусорную урну. В приемной он надел на голое тело плащ, застегнул его на все пуговицы, и спокойно вышел на улицу.

9. Перед эксгумацией

Вечером мы с Аленой Юрьевной ехали в моей машине к матери погибшей в ДТП. Настроение перед предстоящим разговором у обоих было тягостное, но я, как мог, старался его нам приподнять. По дороге мы часто застревали в вечерних пробках, но для меня это время летело незаметно. Я с удовольствием сидел рядом с Аленой Юрьевной, улавливая иногда тонкий аромат ее духов. Мне, конечно, не у кого было узнать, замужем ли она, но я был уверен, что таких милых созданий, и к тому же умниц, как она, не разобранных уже не оставалось.

– Вы замужем? – неожиданно сорвалось у меня с языка.

– Замужем, – ответила она, но как-то без выражения, и мне стало немного стыдно за свое любопытство.

– Вы меня простите, я спросил невпопад, не мое это дело... Сам я давно в разводе, но у меня есть дочка, на другом конце страны, она немногим моложе вас, то есть маленькая – такой она мне по-прежнему кажется. Вам не страшно заниматься этими кровавыми серийными делами?

– Страшно.

– И все равно занимаетесь?

– Занимаюсь, – она повернулась ко мне и улыбнулась.

– Я скоро в вас влюблюсь.

– И напрасно. Пожалуйста, не начинайте этого. Сейчас это

совершенно неуместно.

– Все равно влюблюсь. За то, что вы такая смелая.

Она повернулась ко мне и весело рассмеялась, от этого мне стало радостно и легко.

Дверь, облепленную звонками жильцов коммунальной квартиры, открыла нам немолодая женщина. Она нас ждала, молча и горько улыбнулась и жестом пригласила идти за собой. Шли мы по широкому коридору старой питерской квартиры, когда-то богатой, но перекроенной под советский коммунальный быт. У дверей комнат стояли сундучки, детские коляски, на стенах висели велосипеды. Прошли мимо обширной кухни, наверное, с десятком столиков, для каждой семьи. В моем детстве, только так и жили ленинградцы, но теперь, и в самом центре города, это вызывало удивление и даже некоторую жалость.

Вошли в большую комнату с высокими потолками и лепниной, пережившей сто лет питерской истории. Хозяйка молча, с грустной улыбкой показала рукой на стулья, и мы сели вокруг круглого стола, застеленного белой скатертью.

– Марья Васильевна, – первой начала Алена Юрьевна, – Мы пришли, чтобы выразить вам свое сочувствие в связи с вашей утратой. Это ужасно, мы понимаем и глубоко разделяем вашу скорбь. Это даже общая скорбь, тут есть и наша вина, городских властей.

– Спасибо вам. Но это лишнее, причем тут власти... просто бежали через дорогу счастливые молодожены. С каждым

могло такое случиться... – она наклонила голову, подбородок и губы у нее дрожали. – Простите, я себя этим успокаиваю – такая выпала им судьба.

– Мы готовы вам помочь, ведь вы сейчас одна...

– Да, сын в армии. Спасибо, ничего не нужно, помогите лучше моему... зятю. Не знаю, сможет ли он когда-нибудь после этого даже ходить.

Повисла неловкая пауза, и я понял, что настала моя очередь подвести разговор к самому неприятному.

– Вы похоронили дочь на Серафимовском кладбище?

– Да, у нас там могилка, еще с блокады. Очень там уже тесно, но удалось поместиться. Приходили их друзья, и там уже целая гора венков, цветов.

– У меня тоже на Серафимовском родственники. Помню, как маленьким всю службу стоял у гроба в деревянной кладбищенской церкви, когда отпевали мою бабушку.

– Нет, мы уже другого поколения, все сделали проще. Да и одна я сейчас. Нам все фирма устроила.

– Марья Васильевна, не могу больше скрывать, почему мы приехали к вам. Ваша дочь погибла совершенно случайно и, одновременно, по чьему-то преступному умыслу. Да, такой вот парадокс. У нас в городе появился маньяк, а то и два... Он или они убивают молодых женщин, и не только женщин. Об этом не принято говорить и писать в газетах, но это так.

– Господи! – тихо сказала она, и прижала ладонь к губам.

– Мы хотим его найти и наказать. В этом рассчитываем

на вашу помощь.

– Чем могу... разумеется, пожалуйста.

– Нам нужно эксгумировать тело вашей дочери. Я имею в виду, потревожить, поднять тело из могилы, провести его обследование. Для этого нам нужно ваше разрешение.

– Это обязательно?

– К сожалению, если мы хотим положить конец серийным убийствам. На теле вашей дочери могли остаться отпечатки пальцев преступника. Сняв их, нам будет проще найти его и обезвредить. Пожалуйста, Марья Васильевна, мы понимаем, как вам сейчас трудно и тяжело, но от вас зависит, получит ли этот преступник возмездие. Пока мы хотим только подготовить все формально, решение об эксгумации еще не принято, и если мы пойдем на это, то обязательно я вам сообщу.

Нам не потребовалась долго убеждать Марию Васильевну, она подписала все нужные бумаги. Я уточнил, какая ритуальная фирма готовила тело, провела его захоронение, и мы попрощались. Затем я отвез Алену Юрьевну домой, на Петроградскую сторону. В машине мы с ней больше не разговаривали – после недавней беседы нам было не до шуточек. На прощанье она только улыбнулась и быстро, молча, пожала мне руку у запястья.

10. На рельсах

Танечка договорилась встретиться с девочками в вестибюле института «под часами» – любимом месте встрече студентов. Уже проходя высокие тяжелые двери этого института, она чувствовала прилив гордости и одновременно детскую радость. Поэтому когда она увидела на ступеньках «под часами» своих новых подружек, с которыми познакомилась на вступительных экзаменах, ей захотелось броситься к ним и расцеловаться с каждой. Все волнения, порой даже слезы были позади, когда кто-то из девочек «дрожала» и боялась, что неправильно ответила на вопрос и не наберет «проходного балла». Теперь быстро пролетит последний летний месяц, настанет первое сентября, и начнутся занятия в этом старинном просторном здании Технологического института.

Вместе с такими же недавними абитуриентами, а теперь первокурсниками, девочки побежали записываться в библиотеку, затем оформлять долгожданный студенческий билет. Потом не удержались и снова поднялись на этаж, где на стенах, в застекленных футлярах, где скоро повесят расписания лекций, сейчас были вывешены списки всех, кого приняли в институт и зачислили на первый курс. Каждая из девочек, в который уже раз, нашла свою фамилию среди сотен других, и не могла долго от нее оторваться, от радости не совсем доверяя своим глазам.

Поболтав еще немного о планах на последний летний месяц, девочки не удержались, на прощание расцеловались, и разбежались по разным автобусным остановкам. Танечка осторожно перешла шумную, с потоками машин и трамваев, еще незнакомую площадь перед институтом и спустилась на станцию метро. Стоя на ступенях опускающегося эскалатора, она думала, какая она счастливая, как у нее все, о чем мечтала со школы, удачно получилось, а скоро будет еще интересней и удивительней.

Она уже знала, в каком конце платформы остановится последний вагон поезда, самый для нее удобный при пересадке, и пошла сразу туда. Перед ней как раз ушел поезд, и здесь сначала было пусто, но потом люди начали собираться, и скоро она оказалась впереди плотной толпы в несколько рядов, на самом краю платформы.

В тоннеле, справа от нее, вскоре начал нарастать гул, дунуло ветром, коротко визгнула сирена поезда, и сразу перед глазами замелькали окна вагонов, так быстро, что они сливались в одну сплошную ленту. Неопытная, редко ездившая в метро Танечка отпрыгнула назад, но вдруг почувствовала сзади, со спины, чью-то руку, и сразу сильный толчок вперед, на проносящиеся мимо окна. Она вскрикнула и провалилась между вагонами под колеса поезда.

11. Плохие новости

В четверг, в самом конце рабочего дня мне позвонил следователь Седов:

– Николай Иванович, майор Кашин срочно собирает нашу группу в девятнадцать часов. Появилось много всего нового. Если сможете, приезжайте.

Когда я вошел в кабинет Кашина, все были уже в сборе, выглядели мрачными и какими-то побитыми. Я понял, они были в курсе того, чего я еще не знал. Ровно в девятнадцать часов Кашин прочистил горло и начал говорить:

– Будем обсуждать поступившие плохие новости по степени срочности принятия по ним мер. Сегодня днем маньяк, будем его называть «лотерейщиком», чтобы не путать с другим, которого буду называть затем «потрошителем», убил следующую свою жертву. Это произошло на станции метро «Технологический институт». По записям видеокамер видно, как он столкнул молодую девушку на рельсы между вагонами проходящего мимо поезда. Ее тело искромсало колесами и протащило почти до конца платформы. Движение поездов было остановлено на полчаса, пока не были собраны все оторванные члены и фрагменты ее тела.

Никто за нашим столом не проронил ни слова, ни звука. Майор набрал в грудь воздуха и продолжил:

– Но для этого начальнику станции пришлось принять

трудное решение освободить путь, чтобы приступить к сбору и подъему останков с рельсов. Поезд медленно тронулся, не открыв двери, продолжая местами наматывать это все на колеса... Когда поезд отошел, стоявших на платформе людей было не удержать, многие спрыгнули вниз, но находили там лишь разрозненные и окровавленные части тела этой девушки. Их передавали наверх, на платформу, а другие добровольцы укладывали их в общую кучку. Были среди них также работники полиции и служащие этой станции. Эти ужасающие подробности я рассказываю вам только за тем, чтобы вы понимали положение с интересующими нас отпечатками пальцев на коже убитой. Они есть, очень свежие, с кровью, но их слишком много, и от очень многих людей, десятков разных людей. Человек в темной бейсболке, похожий на описание свидетельницы ДТП на прошлой неделе, тоже был замечен среди них – он принимал передаваемые с рельсов на платформу фрагменты тела. На станции была также зарегистрирована вспышка фотокамеры, однако снимавший не попал в поле видимости монитора, или же был заслонен другими в этот момент. Теперь об отпечатках пальцев. Криминалисты их уже сняли, их множество, они принадлежат десяткам человек, всем, кто спрыгнул в этом возбуждении на рельсы и поднимал на платформу останки. Многие отпечатки уже «пробиты» нами по компьютеру, и несколько, как оказалось, значатся в федеральной базе данных. Я имею в виду, эти люди попадали уже в поле зрения правоохраните-

лей. Разумеется, мы не имеем оснований кого-либо из них задерживать – не те времена. Да и что мы можем им предъ-
явить! Тем не менее, этих нескольких человек мы уже ищем,
чтобы только опросить. Далее, теперь у нас появилось боль-
ше оснований эксгумировать тело предыдущей жертвы это-
го «лотерейщика». Если на коже эксгумированного тела об-
наружится рисунок папиллярных линий, даже смутный, но
похожий, с любым процентом достоверности, на сохранив-
шийся на новом теле в метро, тогда «лотерейщик» в наших
руках. Мы его найдем, никуда он от нас не денется. Но толь-
ко – если. То есть если он окажется в той федеральной ба-
зе отпечатков пальцев привлекавшихся ранее за проступки
или преступления, и мы узнаем его имя и местонахождение.
Очень все это ненадежно, к сожалению. Поэтому все рав-
но будем эксгумировать предыдущую жертву ДТП. Полагаю,
с этим все согласны, тем более, Алена Юрьевна и Николай
Иванович узнали, что ее тело обрабатывала ритуальная фир-
ма и делала это, надеюсь, небрежно. У кого-нибудь есть во-
просы или иные соображения по этому преступлению?

– Когда эксгумация начнется и сколько времени это зай-
мет? – спросил я.

– С раннего утра, завтра. К середине дня будут результа-
ты.

– Я должен буду предупредить мать погибшей о нашем
решении.

– Обязательно. И передайте ей от меня, что все будет вос-

становлено на могиле до мелочей, до последнего цветочка. Но лучше ей при этом не присутствовать.

– Мы будем завтра собираться, чтобы обсудить результаты?

– Вероятней всего. Вас обязательно оповестят, Николай Иванович. Если с этим пока все, то будем переходить, к сожалению, к следующему маньяку, к «потрошителю». Этот маньяк сегодня тоже нанес новый удар. Обнаружено тело женщины, врача психиатра, занимавшейся частной практикой, сорока двух лет, матери двоих детей. Ее тело с двумя ранами от ударов ножа и со знакомым нам разрезом брюшной полости, лежало на полу кабинета, на ковре, на котором, по-видимому, произошло убийство и извращенный секс. Я не сомневаюсь, это был тот самый «потрошитель», которого мы ищем, а женщина психиатр – пятая известная нам его жертва, не считая возможно, тех, о которых мы не знаем, или узнаем позже из числа пропавших в городе за несколько лет. После убийства и секса, произошедших за время отсутствия ассистентки в обеденный перерыв, убийца успел помыться в примыкающей к кабинету ванной. Там же обнаружена бумажная салфетка, со следами спермы, и это очень важный вещдок: с большой вероятностью, салфеткой обтирался убийца. Однако на приеме сексопатолога могли быть ранее пациенты с проблемами, при которых салфетки с такими следами вполне естественны.

Далее... по словам ассистентки, принимавшей плату за

визит, подозреваемый расплатился наличными, и купюры были влажными от его пальцев, мокрых после дождя. Все эти купюры были найдены и обследованы. Отрицательный результат, отпечатков пальцев на них нет. Просмотрены записи видеокамер на прилежащих к дому улицах. Выявлено несколько десятков автомашин, двигавшихся в те часы по маршрутам, включавшим, возможно, дом убитой. Это может оказаться в будущем важной уликой и свидетельством, но не сейчас, – только когда установим, на чем он мог перемещаться, есть ли у него автомобиль, и какой марки. Тогда это станет определяющей и неоспоримой уликой. Но до этого мы по-прежнему стоим в тупике. Такое вот положение, товарищи.

Все молчали, вопросов никто не задал, и Кашин, выждав паузу, продолжил:

– И последнее, так сказать, внутреннего распорядка, но очень для нас важное. Генерал, начальник Управления полиции города, подал рапорт об отставке по болезни. Нам всем очень жаль его ухода. Он восстановил честь полиции города после известного позора с «оборотнями» полтора десятка лет назад. Но годы берут свое. Москва уже дала «добро» в отношении его приемника на посту. Это будет его первый зам, полковник Смольников. Если товарищи депутаты, – он взглянул на меня, – успеют до отпуска рассмотреть и одобрить его кандидатуру, то можно считать, у нас теперь новый начальник полиции. На этом у меня больше нет плохих но-

востей, как нет и хороших.

12. В колонии

Весь следующий день я работал с депутатами и напряженно ждал телефонный звонок. Только к концу рабочего дня мне позвонили из следственного отдела полиции. Это был майор Кашин.

– Николай Иванович, все более-менее проясняется. Возможно, вам не стоит тратить время и приезжать к нам, я все расскажу вам по телефону. На коже эксгумированной женщины нашли отпечатки чужих пальцев. Действительно, они оказались на ноге, на щиколотке у туфли, как и говорила свидетельница. Нечеткие, мутные, в федеральную базу их бы не приняли, но нам сгодятся. Приблизительно совпали с теми, что нашли на фрагментах тела погибшей на рельсах. Судя по всему, это один и тот же человек. Этот мерзкий преступник даже на рельсах старался «лапать» тело убитой им девушки. Но теперь поэтому мы знаем о нем все, даже есть его фотографии из предыдущего следственного дела – он был уже в заключении, за разбой. Ищем уже, ищем. Но по месту регистрации его не оказалось. Поставили засаду и объявили в розыск. Если не уехал из города, то видеокamеры его скоро нам найдут.

– Замечательно, это очень обнадеживает, спасибо, Петр Васильевич. О «потрошителе», полагаю, ничего нового?

– Ничего.

– Я на пару дней уезжаю из города, поэтому пока прощаюсь с вами. Надеюсь, когда вернусь, с «лотерейщиком» вы уже покончите. Удачи вам.

Занимаясь маньяками, я не оставлял планов притянуть полковника Смольникова к ответу за его прошлые преступления. Теперь это стало еще важнее с отставкой по болезни заслуженного генерала, начальника полиции города, поскольку Смольников был самым вероятным кандидатом на этот пост. Доступ к архивам следственных дел был мне запрещен, причем, по словам майора Кашина, самим Смольниковым, и в самом начале, когда я еще только приступил к работе с полицией. Поэтому я даже не пытался получить из следственного отдела что-либо по делам пятнадцатилетней давности о питерских «оборотнях». Но последние дни я много об этом думал, и кое-что решил.

Имена и фамилии «оборотней» – во всяком случае, тех, кого раскрыли, обвинили и осудили – я мог получить из своих же газетных статей за те годы. Я все тогда в печати подробно описывал, возмущался и требовал возмездия, чем и заслужил первую свою популярность в журналистский и даже в криминальной среде. Поэтому мне достаточно было разыскать в ящиках стола свой пропуск в Публичную библиотеку на Фонтанке и выделить несколько часов свободного времени.

Так и произошло, все, что было мне нужно, я сразу нашел в шивках растрепанных пожелтевших газет за те годы. Глав-

ное – имена и фамилии трех осужденных тогда полицейских. Отмотав длинные сроки заключения, они должны были выйти уже на свободу. Если они до сих пор живы и здоровы, то я мог бы убедить их рассказать все до конца, что они утаили тогда на суде, и, прежде всего, о своем начальнике Смольникове. После полутора десятка или более лет в зоне, они могли по-иному теперь к нему относиться – к тому, кто их толкнул на преступления и вышел сухим из воды.

После этого я встал из-за библиотечного стола и подошел к окну. Подо мной блестела Фонтанка, сияли дворцы, правее чернело старинное высокое здание, ставшее позже кинотеатром, памятное мне по ранней молодости. Я думал, сколько воды утекло в Фонтанке за это время, сколько всего случилось, и со мной и со всеми людьми в этом городе. И какая беспокойная у всех жизнь, полная опасностей, неудач и горестей, однако, несмотря на это, люди борются, выживают, побеждают. В этом, наверное, и есть весь смысл нашей жизни, и ни в чем другом.

Однако, обзвонив старых приятелей и знакомых по журналистским и адвокатским кругам, – а те, в свою очередь, выяснили по своим каналам, – я узнал, что все трое осужденных «оборотней», у которых срок должен был закончиться, и которые, как надеялся, могли рассказать мне что-нибудь новое о Смольникове, были недоступны. Один умер в зоне от туберкулеза, не дождавшись свободы. Другой недавно вышел, но никто из семьи его не дождался за пятнадцать

лет, жилья не было, он помыкался год бомжем и повесился. Только третий, получивший самый большой срок, одновременно еще и за убийство собрата-полицейского, якобы при задержании, отбывал еще наказание. Мне сказали, и где он сидел – в Вологодской области. Мне оставалось получить ходатайство из Заксобрания, оформить бумаги в Федеральной службе исполнения наказаний и нанести визит в то исправительное учреждение. Все это было не очень трудно, но у меня раньше не было и пары дней, чтобы туда сгонять. Теперь же насущные депутатские обязанности закончились, и пока не поймают «лотерейщика», или не появится что-нибудь новое о «потрошителе», срочных дел у меня в городе не оставалось.

Вечером на следующий день я уехал. Хорошо выспавшись в поезде, я вышел утром на станции райцентра, сел на площади в такси и через час был в колонии строгого режима. Но там мне пришлось более двух часов оформляться и ждать моего заключенного. Мне предложили увидеться с ним в комнате свиданий, а не в суровом переговорном кабинете для юристов. Я поблагодарил за это: обои в цветочек, чистая опрятная кровать и занавески, скрывававшие решетку, лучше подходили к тому, о чем я собирался говорить.

Охранник ввел в комнату пожилого мужчину, затем вышел, и на двери звякнул замок. Я видел этого человека очень давно, в суде, его фотографию найти перед поездкой не смог, и узнать его теперь мне было трудно. Однако тот по-прия-

тельски мне кивнул и улыбнулся:

– А я тебя вспомнил. Когда сказали, кто-то приехал со мной разговаривать, я не захотел даже идти, но потом мне стало интересно. Помню, помню тебя, на суде ты сидел, записывал. Что надо?

– Старые годы вспомнить. Не возражаете? Кое-что осталось непонятным.

– Опять о нас писать собрался? Не надоело?

– Нет. Оказалось прежнего недостаточно. Хочу теперь Смольникова посадить, вашего начальника. Ведь он гуляет, а вы тут сидите. Не поможете?

– Смольникова? Ишь, на кого замахнулся... Слыхал, высоко в гору он зашел. Гляди, я его знаю очень хорошо, если он почует – добром тебе это не кончится.

– Мне главное, чтобы вы не боялись. А если держите на него обиду – вот случай расквитаться. Расскажите что-нибудь, чтобы хватило ему хоть на десятку срока, больше он и так не проживет.

– Я сам уже седьмой десяток разменял. Поживешь с мое в зоне, Коля, сам никого и ничего не будешь бояться. Да только ворошить старье не хочется... А он был подлый человек. Теперь-то мне отсюда хорошо это видно. И гуляет на свободе до сих пор. Как так получилось? Ведь он же главный «оборотень»! Как? Я у тебя спрашиваю?

– Я тоже этого не знаю. Начнем?

– Не гони, не гони... Потянут меня потом на новое след-

ствие, опять все сначала... Забыть бы это пора.

– Не удастся пока забыть. Ведь он гуляет, а вы здесь двадцать лет живете. Не обидно?

– Душу хочешь растравить?

– И это тоже. Он хоть вспомнил о вас когда?

– Не в том дело, не трави. Мне даже идти больше некуда на воле, мне здесь хорошо, мне ничего не надо. Может, мне даже лучше, чем тебе. Ладно, кое-что расскажу. Только с этим ты его не посадишь, имей это в виду. Если потянешь меня на следствие, то я на суде от всего откажусь. Скажу им, что все тебе наврал, так и знай. Хочешь так?

– Хочу.

В комнате висело несколько видеокамер, и звук писался, но я не надеялся, что мне так легко разрешат получить копию звука или видео. Поэтому я выложил на стол свой диктофон.

– Что тебе рассказывать... Начальником он был, все знал, деньги брал, всем заправлял и командовал. Что еще интересно – этого мало?

– Это я тоже знаю. Факты нужны. Не мне они нужны – я давно в газеты не пишу – суду нужны. Факты, факты – вот за что судят и сажают.

– Твои факты давно умерли или убиты, а если остались живы, то только потому, что рты не открывали, и тебе не откроют, а на суде подавно.

– Ну, как знаете...

– Ладно, не торопись. Потом поймешь, зачем я это тебе рассказывал, – он кивнул на мой диктофон на столе. – А это ты убери, этого не надо.

Я выключил диктофон, приподнял его и показал ему темный экран.

– Выключил? Ну, и хорошо. Знаешь, журналист, о других я тебе не буду рассказывать, не мое это дело. О себе кое-что могу, если вспомню. И повторяю тебе, от всего откажусь, если что. Нужно? – тогда слушай, когда-нибудь потом напишешь про наши фокусы. Только не поверят, что такое бывало. Но только без меня, без моей фамилии. А если тебе еще интересно, как журналисту, мучает ли меня совесть – так она никогда меня не мучила, другого всякого плохого мне хватало. Так вот... скажу это тебе с самого начала, убил я не одного, за которого мотаю тут двадцать лет, хотя мне до сих пор его жалко – он полицейским был, и я его хорошо знал. Еще троих я убил, и только по указке своего начальника, капитана Смольникова. Интересно это тебе? Об остальных не буду распространяться, но о своем расскажу.

Появилась в конце девяностых такая фирма, «Меркурий». Занялась цветными металлами. Находилась она в НИИ, по тому же адресу, и те же сотрудники в ней работали – сам понимаешь, что это была за фирма. Гнали они на запад цветной лом. Тот НИИ контактил с сотней цветных литеек по всей стране, что-то для них проектировал. Так все эти заводы на боку тогда лежали, рабочих по домам распустили, а на скла-

дах у них остались немаленькие запасы цветного металла. Куда ему теперь деться, как не за рубеж! И пошло, и поехало у этого «Меркурия». И профили, и лом, и стружка, и катушки листового, и километры проволоки, всему этому раньше цены не было, – помню, пионеры в школах еще собирали по дворам бытовой лом – а теперь все это вагонами прочь – нам этого больше не нужно. Ты сам-то помнишь девяностые? И отдавали же по дешевке, сколько дадут, и все равно десятки, или, может, сотни миллионов долларов этот «Меркурий» успел себе урвать. Я это все лично знаю, я у этого гендиректора Дроздова, вот такие пачки долларов принимал. И носил – догадываешься, кому? Правильно, Смольникову. А почему носил? Мы наехали на него, когда узнали через налоговую, сколько он гребет. Не сами, конечно, наехали, у нас для этого бандюки свои были. Про ОПГ «Черная речка» слышал? Не знаю, где она теперь, а тогда весь район под ней был. Тряхнули они этого Дроздова, а после этого мы вмешались. Грамотно так, «крышу» ему предложили, это по тем временам совершенно нормально было. Крыша нашего МВД дорогого стоила, но никто устоять не мог, когда мы ее предлагали. Я сам предлагал ее в кабинетах, и не раз – потом тебе это расскажу. Так, поверишь ли – Смольников даже потратить эти пачки долларов не успевал. В то время он как раз отжал себе от государства особняк на Крестовском острове, – исторический! – евроремонт в нем затеял, и все равно оставалось. Тогда он стал вкладывать эти доллары обратно Дроз-

дову в рост, в его бизнес, в долю к нему входить. Хитрый и жадный. Но и на старуху бывает проруха. В самом начале двухтысячных вдруг – бац, и государство вводит новые правила на вывоз из страны цветного лома. Никто такой подлости от него не ожидал. А все деньги Смольникова были уже в этом бизнесе, и не только у него, у многих наших ребят. Так сразу этого Доздова мы – за шкурку, а тот – нету денег, все в оборот вложил, да уже и не вывезти ничего, и даже за последние перевозки денег не вернут, за неустойку. Так «Меркурий» тогда и лопнул, как пузырь, со всеми миллионами, что наши менты в него вложили. Ты представляешь, что тогда делалось со Смольниковым! Кинул Дроздов его – не знаю, может, на миллион – это за несколько-то лет, как он доллары свои начал туда вкладывать! Короче, я сам при этом в кабинете Смольникова присутствовал. Он лично бил этого гендиректора Дроздова, потом уборщица на полу его кровь вытирала. Да только откуда тот мог такие деньги теперь достать, чтобы нам вернуть! Помню, кричал Смольников, – продай сволочь, свои мерседесы, дачу, квартиру, все продай, а мне верни... Но все-таки что-то Дроздов сумел после этого отдавать по мелочам, – я по размеру и весу печек сужу, сам носил их иногда Смольникову. И вдруг он меня вызывает одного, – говорит, такое дело, Дроздов заявление в ФСБ написал. Понимаешь, что это для нас значит? Короче, пока круги и волны дальше не пошли, надо его мочить, без вопросов и сожаления. Сделаешь? Я это, конечно, сде-

лал. Паша Карпов мне немного еще помог. А ведь этот Паша так и остался на свободе, когда других «оборотней» судили, может, еще встретишь его где-нибудь. Не всех вы оборотней вычислили, не всех. Но он тебе, конечно, ничего не скажет. А тело того Дроздова до сих пор, наверное, не нашли. И не найдут никогда. Я один теперь знаю, где он закопан, но и тебе не скажу. Потому что слова – словами, а могила – настоящий факт, проверят – не отмажешься.

Тебе интересно? Тогда вот такой еще случай. Был тогда в Питере еще один НИИ, какой-то информации, пищевой, кажется, промышленности. Не знаю, что они там такое полезное делали, только у них своей производственной площади было, наверное, на сотню миллионов долларов, и они начали ее сдавать коммерсантам. Ты представляешь, какой это был навар! Тут мы даже к чернореченским бандюкам не стали обращаться за помощью, уже сами все умели, и лучше них. Наехали на этого ученого директора, под видом тех же бандюков. Затолкали его в машину, и возили по городу, – но не виды показывали, а по свалкам, по кладбищам, чтобы прочувствовал, что дальше будет. И разговаривали. Прочувствовал он это глубоко. Потом когда другие наши «оборотни в погонах» ему «крышу» предложили, так он даже обрадовался – представляешь! – как хорошо иметь дело не с бандюками, а с родной полицией! По семь тысяч баксов в месяц он начал нам отстегивать. И это только с самого начала. Потом до десяти штук доходило – это Смольников потребовал.

Я сам ездил в этот НИИ объяснять директору новые правила. Но потом нас жадность сгубила, как и всегда бывает. Захотел Смольников на их бесплатных площадях еще и свою аптеку открыть, и даже аптечный склад с клиентурой на четверть города. Устроил аптеку, все было хорошо, даже слишком хорошо. Не знаю, сколько со всего этого Смольников получал, но по сотне тысяч долларов через меня Смольникову иногда передавали, это я тебе точно скажу. Только не надо было ему связываться с аптеками. Завалили склад подделками, наркотой какой-то неучтенной, ворованными медикаментами из больниц – в общем, проверки у них начались, и поехало, не остановишь... И опять тоже самое, колоться на следствии начал этот ученый директор, все им рассказывать, подписывать, обо всех своих прегрешениях и отношениях, и про нас тоже... А тут еще подоспело дело о московских «оборотнях», когда повсюду трясти начали ... Короче, пришлось убирать нам и этого директора, а позже и его бухгалтершу. Первого утопил я в Большой Невке, а потом, не помню уже кто, кажется тот же Паша Карпов, – пырнул и бухгалтершу, когда она прогуливалась с собачкой. Тот был большой специалист с ножиком. Может, до сих пор практикует.

А ты что так удивленно смотришь? Да каждый день тогда убивали в городе несколько человек. Деньги, деньги всех с ума свели, жадность коммерсантов губила, а бандюков – так их собственные разборки. Ты погляди на некоторых кладбищах их могилы, что поближе к храмам, на престижных ме-

стах, – старые кости на помойку, и для своих дворцы из мрамора. Даже жуть берет от такой роскоши. Мы только половину их и оформляли, как убийства, остальное – как сердечные приступы, несчастные случаи и все такое, чтобы только не регистрировать, не портить статистику, да и не вникать нам в это – все равно бы не распутали. А статистика – первое и главное – за плохую раскрываемость преступлений могли взашей любых начальников! Сколько бы ты ни отстегивал наверх, какие бы у тебя ни были связи, а если раскрываемость на нуле, ничего не спасало – кто был повыше, сами свою задницу берегли. Ты что думаешь, мы одни такое делали? Да по всему городу сотни в год такой липы насчитаешь. Наверное, и больше. Или ты думаешь, что начальники в Управлении города этого не знали? Думаешь, бабки к ним не поднимались снизу? Ха! Вот такие времена были, никто теперь не поверит. Да ты это и сам, наверно, помнишь, писал же в газетах.

Ну, напоследок расскажу еще один эпизод, так сказать для полной картины. Правда, к Смольникову это прямо не относится, но человека-то я убил того, и с его личного благословления. Был тогда в Питере такой банк, «Мегапрофит», очень крупный, с президентом господином Кулаковым во главе. Сразу после нового года, если не ошибаюсь, того самого, когда осенью выборы были, – исчез он, и с концами. Ты это должен помнить, шум был изрядный – президент такого банка, и вдруг пропал бесследно! А я знаю, где он упокоился. Но

тебе этого опять же не скажу, ты меня извини. А дело было в том, что бесценным зданием этого банка – в центре города, на Невском! – владела, помимо лично самого президента, еще и наша ментовская фирма полицейских, как теперь говорится – «оборотней». Вдове президента того банка, как водится в таких случаях, потом доходчиво объяснили, что она заблуждалась. На самом деле, здание банка полностью принадлежит нашей фирме, и ей придется удовольствоваться только тем, что ее покойный муж оставил ей на счетах и в ячейках банка, а это тоже очень и очень немало. Но и то, если только у нее не возникнут вдруг проблемы с получением наследства, а это нам ей устроить, – должна сама понимать, – как два пальца... и так далее. Вдова все поняла, умница, и подписала, что требовалось, и кончилось все миром. На этом у меня, журналист, для тебя все. Больше, считай, я ни в чем и ни перед кем не виноват, и скоро я выйду на свободу.

После этого он поднял голову к потолку:

– А теперь я к этим глазкам видеокамер обращусь. Все, что вы от меня слышали, дорогие зрители и слушатели, так это я выдумал от скуки в камере, ни в чем таком я лично не замешан. Слыхал об этом – верно, но сам ни-ни. Мне и одного жмурика хватило на двадцать лет сроку. А теперь, журналист, можешь снова включить свой диктофон. Я хочу привет передать капитану Смольникову, – пардон, полковнику. Включил?

– Смольников! Привет из глубины сибирских руд! Как по-

живаешь на воле. Не наскучило? А то давай к нам, тут сучать не дадут. Журналист знакомый ко мне приезжал, о тебе расспрашивал. Так, извини, я ему все про тебя рассказал. Про все наши фокусы, когда «оборотнями» мы с тобой служили. Мне даже жутко самому стало, когда вспомнил, как по твоей наводке людей убивал. Во, молодые-то годы! Сейчас бы я и волоса не тронул, и комара-то теперь с сожалением убиваю. А ты, сволочь, на такое нас посылал, – и за что! – за деньги, деньги. Ну, рад ты с ними на воле, хорошо тебе в своем историческом особняке. Теперь жди меня, я скоро вернусь, увидимся, сосчитаемся, поделимся – и воспоминаниями, и деньгами. Мне жить теперь в Питере негде, так я к тебе приеду. Если только этот журналист въедливый не посадит тебя раньше. Тогда, может, и здесь увидимся. До скорого.

– Записал? Дай ему это послушать. Пусть напоследок хоть перепугается.

Когда я ехал обратно в поезде и смотрел в окно на бесконечные вологодские леса, то вспоминал годы, когда писал о питерских «оборотнях», что о них думал тогда, и что узнал теперь. Вспомнил об особняке, который Смольников отжал у государства, – об этом я тоже тогда писал, возмущался, мол, как такое могло случиться, историческая ценность и прочее. Однако Смольников и поныне в нем живет. Тогда на Крестовском острове среди парка оставались заброшенными и обветшалыми, еще с блокады, наверное, несколько особня-

ков в стиле модерн. Один из них выделялся, и имел еще историческую ценность, великие артисты и писатели собирались там у кого-то из царской фамилии. Этот-то особняк и захватил себе Смольников. Финны сделали ему ремонт, мебель и прочее купил во Франции, и так далее. Я часто бывал около того места – недалеко от дуба, посаженного, по легенде Петром Великим, почти засохшего, в кованой ограде царского времени. Там же, через узкий живописный канал, построили позже особнячки для членов Конституционного суда, когда его перевели к нам из столицы. Но Смольников испоганил этот особняк, несмотря на евроремонт. Огородил его двухметровым кирпичным забором, прихватив и четверть гектара старинного парка. Я вспомнил, как пятнадцать лет назад это меня обижало и злило, и больше всего, этот хамский глухой забор.

Таким образом, ничего из этой поездки у меня не вышло. Для следствия и суда над Смольниковым, как не было доказательств и свидетелей, так и не появилось. Ничего не получалось у меня с укреплением правопорядка в городе, для чего я и вошел в одноименную комиссию. Вез я из зоны не обвинение, а только привет заключенного. Но, при случае, хоть его я передам полковнику Смольникову.

13. Похороны

Когда поезд утром подходил к Питеру, я вышел из купе и позвонил следователю Седову.

– Доброе утро, Сергей Лукич. Я вернулся. Что у вас новенького?

– Николай Иванович, успех! «Лотерейщик» у нас, в камере. Вчера его уже допрашивали с Кашиным. Даже не пытаются запереться.

– Мои поздравления! Не ожидал, что так быстро у вас получится! Вы молодцы! О «потрошителе» что-нибудь есть?

– Нечего. Но это не плохо, и не хорошо, лучше бы и не было о нем новостей. Сегодня похороны последней его жертвы – психиатра. В двенадцать, в крематории. От нас поедет туда кто-нибудь.

– Я тоже съезжу. Увидимся сегодня?

– Не уверен, полно разъездной работы.

Мне очень хотелось узнать подробнее о поимке и допросе «лотерейщика», но к Кашину ехать было уже поздно, я забежал домой, умылся и сразу поехал в крематорий.

Я приехал одним из первых. У гроба, судя по глубокой скорби на лицах, находились пока только родные погибшей. Пожилые люди сидели на стульях, рядом с ними чинно и тихо сидели маленькие мальчик и девочка, но скоро их увели. Никто не снимал на видео, но я знал, что записи камер

наблюдения ведутся, и наверняка поступят потом в архив полиции. Снимать посетителей таких похорон считается полезным и важным. Даже через много лет, сопоставляя кадры и лица на похоронах с криминальными обстоятельствами смерти усопшего, многое можно потом обнаружить. По той же причине и я непроизвольно рассматривал всех подходящих и обступавших открытый гроб. Была у меня слабая надежда опознать кого-нибудь, кто был на похоронах годичной давности, другой молодой женщины, дочери моей близкой знакомой, и, как теперь выяснилось, убитой тем же маньяком. Иногда ведь эти нелюди освежают себе острые ощущения на похоронах, и появляются на заднем плане.

У гроба собралось уже много людей. Кроме родственников, собравшихся отдельной кучкой, тут были, по виду, и врачи-коллеги, – тихо и скорбно, как давние знакомые, приветствовавшие друг друга, – и, судя по растерянному виду, даже некоторые пациенты покойной.

Начались выступления, каждое по-своему трогательное и горькое. Особенно мне запомнилось одно, седого пожилого человека, по-видимому, тоже врача и коллеги покойной.

– От нас ушел прекрасный человек, любящая и заботливая мать, замечательный врач и наш коллега. Случай, слепой случай унес ее от нас. Или это не был слепой случай? Она ведь хотела помочь этому человеку, вылечить его от психического недуга, и он так с ней поступил. Как будто злой рок иногда неожиданно и негаданно вмешивается в нашу жизнь,

все переворачивает или обрывает навсегда, и ничто не может этому помешать и уберечь нас от этого ужаса. Как ни горько признать, но такова наша жизнь, и никто не способен защититься от подобного зла. Но нам нельзя отчаиваться. Нельзя впадать в уныние и обреченность. Это ведь только и нужно злу, которое обрушивается порой на каждого и нас, нам надо выстоять, надо выжить, нам надо победить зло и утвердить добро. Для этого бог вдохнул во всех нас жизнь, для этого мы ходим по земле, и мы обязательно победим зло, в каком бы обличье оно ни представало перед нами. Мы уже побеждаем это зло, просто оттого, что живем, и будем всегда его побеждать. К этому призывает нас бог и природа – побеждать несмотря ни на что.

Выступления только начинались, когда я увидел в дверях Алену Юрьевну. Я не был уверен, но надеялся, что она придет, и мы с ней немного поболтаем – во второй раз наедине. В общей скорби, среди незнакомых грустных лиц она показалась мне радостным и светлым лучиком. Когда проводы покойной подошли к концу, и собравшиеся начали расходиться, а у гроба оставались только самые близкие, я поспешил за ней.

– Я скучал без вас, – первое, что я сказал, когда догнал, и мы вышли из ворот крематория.

– Как это неожиданно.

– Мы бываем с вами наедине только на похоронах или, наоборот, перед выемкой мертвого тела из могилы. Совсем

не располагает к романтике.

– Вы склонны к романтике?

– Я склонен в вас влюбиться.

– Вы мне это уже говорили. Но вы очень не вовремя уехали, Николай, пропустили самое важное и долгожданное. Его не только поймали, но уже и допросили.

Она впервые назвала мое имя без отчества, и я подумал, могу ли теперь ее называть просто Аленой.

– Разве всех их поймали?

– Так не бывает – сразу всех.

– Тогда я еще успею поучаствовать в общей радости.

– Вы оптимист.

– К сожалению. Вы, наверное, тоже были на допросе? Что же это за субъект?

– Странный тип. Скажем так, по первым впечатлениям, – неврастеник и параноик с комплексом неполноценности. Такой букет он приправил мнимым возвеличиванием. Деньги для него – фетиш, – впервые в жизни до них дорвался, как сумел. Но, оказалось, он еще и очень сентиментален, плакал на допросе. Детство без родителей. Вырастила старшая сестра, которая и сама-то была тогда девчонкой. Своего рода – героиня. Но чтобы обоим выжить – с ранних лет воровала. И теперь не остановилась – снова отсиживает. Так юность у обоих и прошла – по колониям.

– Почему плакал?

– Сестру больше не увидит. Та должна скоро вернуться из

заклучения. Ждал ее очень, а теперь и сам туда же, в зону, похоже, навсегда. Плакал, не стесняясь. Я тоже, знаете, глядя на него, чуть не заплакала. У каждого свое горе.

– Что о сообщниках? Это теперь главное.

– Впутал его в эту «лотерею» дружок по последней отсидке. Сразу имя и фамилию его назвал. Чувствовалось, хочет сотрудничать со следствием. Хотя это уже вряд ли ему поможет. Инструкции от сообщника получал из Польши обычными мейлами, они даже не разговаривали по телефону. Только это, остальное мы уже знали.

– Вы давно ловите маньяков?

– Нет, совсем недавно, и только в вашей компании, – она поддерживала мой шуточный тон, и это меня радовало. – В остальное служебное время я ловлю продавцов наркотиков. Но мне пока попадаются самые мелкие. А вообще, я психолог, поэтому меня и взяли в ФСБ.

– Слишком много в этом крематории собралось сегодня психологов. Самых разных. Наверное, плохо у вас, психологов, со своей наукой получается.

– Душа, говорят, потемки. Никогда в ней ничего не поймем.

Мы подошли уже к стоянке машин.

– Я вас отвезу. Вам куда?

– Спасибо, но сегодня я на своей.

Мы остановились около ее старенького японского автомобильчика, и я спросил:

– Вы думаете, нам не поймать его сообщника?

– Только не в Польше, – она пожала плечиками и открыла дверь своей машины. – Но нам и без него осталось многим заниматься. Второй маньяк еще ужасней. Я с содроганием думаю, что он живет где-то рядом с нами, ходит по улицам города и высматривает...

На прощание она мне только грустно улыбнулась. Я с сожалением проводил взглядом ее машину и побрел к своей. Из ворот крематория выходил пожилой коллега погибшей, который у гроба сказал тронувшие меня слова. Он тоже меня заметил, и на прощание покивал головой. Я подошел к нему.

– Извините, вам в центр? Я вас могу подвести.

– Спасибо, не откажусь.

Мы тронулись.

– Мне кажется, вы из полиции?

– Не ошиблись. От вас, психологов, ничего не утаишь, насквозь видите.

– К сожалению, не всегда. Вы уже знаете, за что и почему была убита Нона Григорьевна?

– Ответ на первый ваш вопрос – ни за что. А вот почему – это я хотел узнать как раз у вас, у психолога. Ваша коллега погибла от руки маньяка, серийного убийцы. За ним тянется длинный шлейф подобных убийств, женщин, возможно, и детей, в самой жестокой и извращенной форме. И пока, к сожалению, мы не можем его остановить.

Мои слова заметно поразили старика, он надолго замол-

чал. Тогда я спросил:

– Что в этих людях испорчено внутри. Или это не люди?

Он посмотрел в боковое окно, и как на лекции, сухо перечислил:

– У многих – раковые опухоли в мозге, иногда разрастаются во всю голову. Реже – шизофреники. У остальных – несчастное детство с половыми извращениями от самых близких людей. В результате – стойкие обиды на всех вокруг или исключительно на женщин. К несчастью, ничего из этого не распознать заранее, как и не умеем это вылечить.

– Значит, или родились уродами, то есть от природы такие, или больны, да не сумели им помочь. Сами и не виноваты?

– Никто не знает. Мы вообще ничего о себе не знаем. О звездах знаем, о человеке нет, только вид делаем.

– Вы в бога верите?

– Раньше не верил. Теперь только в него и верю.

– Как же бог на все это смотрит?

– Он не знает каждого. Как не знает и каждую букашку, каждую зверушку. Слишком их много, и каждая из них – ничто, через миг рождается новая. Богу важна только общая жизнь на земле, а в отдельности – разбирайтесь сами, на то вам и свобода.

– Очень жестоко.

– Свобода – это не только жестоко, но и очень страшно. Многие от нее сходят с ума, особенно в наше время. Не зна-

ют, что с собой делать.

– Интересно с вами разговаривать... А что вы думаете о наказании для таких, о смертной казни? Бог бы это одобрил?

– Вы меня как священника спрашиваете. Не знаю. Если вы о том, подставить ли еще и правую щеку, когда ударят в левую, то пусть в эту секунду ваши руки решат – они умнее головы. Вообще, меньше голове доверяйте, и будете счастливее. Открою вам страшный секрет – мы ничего о себе не знаем, мы – это ученые, которые себя так называют. Мы не понимаем ни жизнь, ни «нежизнь», ни Бога, ни Дьявола. Зачем все это вокруг нас? Никто не понимает. Или, возможно, это не нужно – понимать? Достаточно и того, что жизнь продолжается на земле, все вокруг зелено, птицы поют, солнце каждое утро поднимается...

– Только, чтобы не убивали друг друга.

– Это дьявол убивает через человека. Другого нет объяснения. А если серьезно, в каждом маньяке есть что-то, что за гранью человеческого понимания. Это уже не человек, это что-то другое в его образе, это нелюдь, из другой жизни, или из «нежизни». У него все другое в голове, ведь он внешне вполне нормален, он понимает, что делает зло, и одновременно получает от этого удовольствие. Он чужд нам совершенно, как будто из другого мира, как будто послан сюда для чего-то страшного и непонятного. Разве можно чем-нибудь объяснить, почему такой субъект убивает одного за другим – женщин, детей. Потом оставляет их, уже мертвых, у себя, иг-

рает с ними, так сказать, умывает по утрам, занимается с ними сексом, даже украшает их, – наводит косметикой румяна, чтобы скрыть мертвенную бледность, подводит брови, красит губы. И это еще не все. Есть и такие, которые не замечают, – или даже им это нравится – когда тела убитых начинают разлагаться. Другие срезают на память кожу с их лиц, или половые органы, вырезают глазные яблоки. Что это? Сумасшествие? Нет. Такой субъект вполне разумен, очень хитер, избегает возмездия – навсегда или на многие годы, за которые успевает убить десятки, даже сотни ни в чем не повинных людей, никогда не подозревавших об ужасах, таящихся рядом с ними. Эти люди только похожи на нас, но это не люди. В голове у них все по-другому. Они не различают, где добро, а где страшное и бесчеловечное зло. По нашей теории это объясняется уродливым детством или извращенной потребностью в дружбе и ласке, которых были лишены такие субъекты. Это как бы «по Фрейду» сублимировалось у них, в тягу к послушным и готовым на все трупам. Но ведь есть и такие, кто убивает людей просто ради удовольствия самого убийства! Без причины, без повода, наугад. Им нравится сам этот акт, нравится пытать свои жертвы, видеть и слышать их страшные мучения. Они изобретают даже собственные орудия пыток – самые изощренные, которых не было даже у средневековых инквизиторов – они пытаются электротокком, долбят череп и заливают внутрь кислоту, снимают кожу с живых. Делают это совершенно осознанно, в здравом, но

перевернутом уме, не зная и не желая знать, что это бесчеловечно. Это ведь даже против природы живого существа вообще, это за гранью всего, так не делает никто из животных, это какие-то поступки из другого мира, из другого сознания. Но это еще не весь ужас. Такие задатки могут проявляться у субъекта с четырехлетнего возраста. Сначала ему нравится убивать и мучить животных, а уже в одиннадцать лет он убивает одноклассников в школе.

– Что же нам делать?

– Не знаю.

– Но что-то ведь надо делать!

– Только помнить, что они живут среди нас. По виду, вполне нормальные, но каждый поджидает новую жертву, и обязательно рано или поздно ее находит. А это уже кое-что, или даже очень много – знать и быть настороже.

– Всегда быть настороже – тоже страшно.

– В природе все живое настороже. Всегда и во всем. Расслабишься – и конец. Только так.

В центре я посадил психиатра и позвонил Кашину. Спросил, могу ли к нему приехать через полчаса, тот ответил, что ему удобнее встретиться со мной через час, тогда я нашел кафе, перекусил и затем поехал к нему.

14. Конфликт с майором

Когда я поднялся в кабинет Кашина, меня попросили подождать – у него шло совещание. Минут через десять из кабинета вышли насколько возбужденных незнакомых мне мужчин, и я зашел в кабинет. Тут было душно, как всегда бывает после долгих заседаний, и Кашин выглядел усталым. Мы, молча, пожали руки, и я привычно сел напротив него.

– Петр Васильевич, поздравляю вас с успехом. Похоже, я пропустил в отъезде самое важное.

– Да, с «лотерейщиком» покончено. Вчера мы его допросили. Мерзкая тварь. Раскололся сразу. Столкнул на рельсы девушку намеренно. Выбрал из нескольких стоявших в первом ряду на платформе женщин – подходящую под описание, придуманное и переданное сообщником. Признался, что на эти внешние признаки они и ставили деньги, даже сам играл в это, – поэтому почти весь банк уходил им в карман. Он даже с десятков поездов пропустил, выбирая подходящую под это описание жертву. Об остальном ничего толком не знает. Другка своего по последней отсидке, который эту «лотерею» придумал и который заправлял всем из Польши, он даже не встречал после заключения, и по телефону-то всего несколько раз разговаривали. Мейлами тот руководил, и биткойнами расплачивался. Прочее – одни слюни. Ничего существенного больше мы не узнали.

– Алена Юрьевна сказала, что он плакал.

– Ревел. Дошло, наконец, до этой мрази, чем это закончится. А плакал потому, что сестру свою любимую никогда больше не увидит. Ждал ее, когда она вернется после отсидки. Да вот разминулись. Бывает.

– Ваши дальнейшие действия, Петр Васильевич?

– Ах, комиссар, комиссар... какие могут быть еще с ним действия!

– Не с ним – вы меня понимаете. Я говорю – по сообщникам, что замешаны в этом деле.

– Если вы, Николай Иванович, спрашиваете меня, как депутат, то я вам отвечу так, вопрос с серийным убийцей, которого мы называли «лотерейщиком», окончательно закрыт. Осталась только нудная писанина для суда, а потом с плеч долой.

– А известный нам сообщник?

– Как вы хорошо знаете, он живет не в Питере, а даже совсем в другой стране. К тому же, в очень недружественной к нам стране.

– Но его жертвы были здесь, наши граждане. Его надо найти и привлечь!

– Вы говорите совершенно справедливо, и я с вами полностью согласен. Но это верно, так сказать, юридически и отвлеченно. А если поднимать вопрос о его уголовной ответственности и возмездии, то мы живем в разных, что называется, юрисдикциях. Им, в Польше, плевать на жертвы в на-

шем городе, чем больше – им даже лучше. Вы только послушайте, что говорят их политики!

– Нельзя закрывать это дело. Его надо задержать.

– Это нам-то, питерским полицейским? У нас мало тут другой работы? Он же в другой стране, Николай Иванович!

– Когда-то мы умели справляться и не с такими преступниками, не считаясь с границами.

– Очень и очень давно, три четверти века назад. Или вы хотите спровоцировать международный скандал? Тогда они все это перевернут и раструбят на весь мир о русских террористах. Вы – идеалист, Николай Иванович.

– Но оставлять на свободе убийцу – как это называется? При неоспоримых доказательствах его преступлений, и который заслужил высшую меру.

– Называется, Николай Иванович, суровой реальностью или жизнью. Вы витаєте в облаках. У вас небольшой опыт в области практики правопорядка.

– Небольшой. Но как вы знаете, я пытаюсь его укрепить, а его практику выпрямить. Для этого здесь и нахожусь.

– Это я уже слышал. Поэтому и помогаю вам, чем могу.

– Я хочу сам допросить этого человека. Лично.

– Зачем?

– Майор Кашин, я все-таки не ваш подчиненный. Видеться с подследственным – одно из моих депутатских прав. О чем я буду его допрашивать – пока еще не знаю, не решил.

– Полковник Смольников, которому я подчиняюсь – а те-

перь и исполняющий обязанности начальника Управления, – распорядился закругляться с этим делом, а не ворошить его, как вы собираетесь делать. Это слишком чувствительное для общественного спокойствия дело. Мы только-только его успокоили. Кроме того, у нас еще один маньяк на свободе! Вы это забыли?

– Опять полковник Смольников! Как-то он слишком жестко опекает мои действия у вас. Вам не кажется это подозрительным? Хорошо, Петр Васильевич, тогда так. Вам требуется новый депутатский запрос, чтобы допустить меня к этому задержанному? Я его завтра получу и привезу.

– Что вам от него надо?

– Я уже вам сказал – пока не знаю. Запишите в своей бумаге, если это потребуется для Смольникова, что в порядке надзора и укрепления правопорядка депутатской комиссией.

– Как вы мне надоели со своим укреплением правопорядка... Извините, конечно, – ничего личного.

– Петр Васильевич, у вас своя ответственность, у меня – своя. Но это не только ответственность, когда серийные убийцы остаются безнаказанными и на свободе. Это еще и здоровье общества, и даже личная совесть. Этот выродок не должен уйти от расплаты, я хочу до него добраться, во что бы то ни стало.

– До поляка?

– Он гражданин этой страны, или им был. За что, кстати, он сидел?

– Возил синтетические наркотики из Польши. Фуры гонял оттуда с яблоками. Был мелким предпринимателем. Фруктовый бизнес с дурью в тайниках.

– Петр Васильевич, я не могу это так оставить. Половина дела ведь вами сделана!

– Неужели только половина? Преступного игорного сайта больше нет, серийного убийцы тоже, угроза следующих якобы случайных убийств снята. Но депутату, понятно, и этого мало... Ладно, укрепляйте правопорядок дальше. Но только своими силами и под свою ответственность. Потому что я должен выполнять приказ полковника Смольникова. Никакого отношения ни я, ни моя группа иметь к этому не будут. И во всех ваших вылазках по укреплению правопорядка вас всегда теперь будет сопровождать следователь Седов. Если вас это не устраивает – ничего иного сделать или разрешить вам не могу.

На этом мы с Кашиным разговор закончили и на прощание, молча, пожали руки.

15. После шоу

Шоу в клубе «Мачо-стрип» уже заканчивалось. Артистам оставался последний номер, самый эффектный и совершенно неожиданный, после чего всегда начинались восторженные крики и аплодисменты. Шестерка танцовщиков отступала тогда назад вглубь сцены, вперед выбежал Ураев, затем по лесенке он сбегал в зал, к столикам, и тут происходило нечто совершенно неожиданное для зрителей. Он подбегал к девушке, сидящей у столика, высоко ее поднимал вместе со стулом, прижимал к себе, ее ноги в чулках оказывались за его спиной, и, не отпуская стул с девушкой, он вбегал с ней обратно на сцену. И тут, под громкий всплеск музыки, он начинал свои коронные «перекаты» бедрами, когда только от них, даже без девушки, публика заходила в восторге, здесь же на сцене происходила еще и откровеннейшая имитация полового акта с партнершей. Публика, отойдя, наконец, от радостного изумления, с ликованием вскакивала из-за столиков и бурно аплодировала. Разумеется, девушкой на стуле была «своя» танцовщица Люба.

После этого заключительного номера, и после того, как Ураев бережно принес Любу на стуле обратно к ее столику, она, разыграв перед соседками смущение, еще недолго посидела, но потом незаметно вышла из зала. Мужчины еще обходили столики, иногда подсаживались к гостям по

их приглашениям, получали под «резинку» шортиков сотенные купюры. Люба быстро умылась, спустилась к служебному входу и присела здесь в закутке, чтобы ожидать Ураева. Мужчины после шоу освежались в душе, и она терпеливо сидела в полутьме, ни о чем не думая, слушая отдаленную музыку и глядя на мелькающие тени вверху лестницы.

Она любила Ураева. Любовь ее была одновременно и страстной, и какой-то жалостливой, почти материнской. Ей хотелось заботиться о нем, во всем ему служить, лечить, утешать. Она чувствовала и знала, что с ним что-то «не так», ему нужно совсем другое, но и она ему нужна, и только поэтому он с ней, а не с другими, которые повсюду вешаются ему на шею. Она даже не ревновала к нему всех этих голодных до секса женщин в зале. Она давно понимала, что он их не видит, они для него не женщины, они не способны возбудить в нем ни малейшего желания, – чтобы они для этого ни делали, как бы ни кривлялись перед ним. Только она знала, что ему было нужно, она одна умела удовлетворить его, а потом приласкать, пожалеть и успокоить, как ребенка.

С кем он встречался, чем тогда занимался, когда исчезал, она знала, он не скрывал этого от нее. Он даже рассказывал ей иногда подробности, и она терпела это в ужасе, с трудом удерживаясь, чтобы не зажать себе уши. Но она чувствовала, что это ему нужно, как тяжело больному, и только так ему становилось легче. Она знала, что когда его большая страсть утихнет и удовлетворится, тогда он, как ребенок,

снова уткнется ей головой в грудь – весь в ее любви, беззащитный и несчастный – и будет вздрагивать от какого-то своего скрытого от всех ужаса.

Когда она оставалась одна, тогда просто запрещала себе об этом думать, как будто этого ничего не было, и она об этом ничего не знает, что он не мог такое в здравом уме делать, не мог так поступать с этими женщинами. В те ужасные минуты, без нее, он был совсем другим, чужим и далеким, и она не хотела его таким знать. С ней же, в постели, он был всегда нежный, и какой-то очень виноватый и неуверенный. Тогда она не верила ничему, что он иногда рассказывал о себе, не хотела верить, что он такой больной, страшный и очень опасный. Но все равно эти мысли просачивались ей в голову, и даже иногда будили в ней ревность. Но ревность эта была неживой и тоже страшной, которую тоже хотелось гнать из себя, – ревность к тем женщинам, которые все-таки сумели привлечь и удовлетворить ее любимого, но только ценой своей ужасной смерти.

Ураев сбежал к ней по лестнице к выходу, оставив наверху остальных танцовщиков, подмигнул ей, взял за руку, и они вышли на улицу.

– В магазин будем заезжать? – спросил он, открывая свою машину.

– Я утром все купила, ничего не нужно. Поздно приедем.

– Какая нам разница? Завтра отдыхаем. Ты ее покормила? Или это он?

– Конечно, кормила. Девочка.

– Милая?

– Очень.

Когда они выехали из города, Люба подвинулась и прижалась к Ураеву. Тот обнял ее за шею, держа ладонь на руле, и она притиснулась к нему еще ближе.

Два года назад Ураев подобрал ее на Невском, в такое же ночное время, после шоу. Люба занялась проституцией еще в школе, для «интереса», а когда осталась без родителей, и было уже не до учебы, то этим кормилась и жила. Отца она помнила только, как он насиловал ее с двенадцати лет. Мать это знала, но она почти не жила с ними – всегда на своей плохонькой, сколоченной и горбылей и старых ящиков даче. Дочь она к себе забирала только на лето, или когда отца опять приходилось помещать в больницу – когда у него обострялась его шизофрения, – и жить с ним становилось невозможно. В пожилом возрасте он часто бывал буйным, давно нигде не работал, денег в доме, кроме его пособия, не было, да и это он пропивал. Кончилось все ограблением им винного магазина в компании с бомжами, судом и его заключением, ставшим для него бессрочным. Через несколько месяцев он был убит там в драке. Это они узнали, когда мать вызвали в отделение полиции, передали под расписку свидетельство о смерти мужа, объяснили, что он был убит, ведется следствие, и ей будет позже извещено о результатах. Ничего больше об отце они не узнали, потому что даже не ин-

тересовались этим. Мать окончательно переселилась на дачу, Люба осталась одна в их запущенной «двушке», бросила школу, но проработав с месяц продавщицей, бросила и это, и пошла на панель.

На улице, она легко сумела получить себе «нишу» – садомазохизм. Она предлагала любителям извращений не только широко известную роль «хозяйки» с плеткой, приковавшей за руки к кровати партнера, и разыгрывающей истязание. Она предлагала другое, что ей и самой неожиданно понравилось. Она была готова за деньги сама стать рабыней у партнера и испытывать от него самую настоящую боль, от которой могла даже «искренне» закричать. Она была некрасивой, худенькой, ее никто бы не выбрал, сравнив с подружками, но то, что она обещала, не могла дать ни одна из них. Самое неотразимое, что было в ней, – она не разыгрывала свою страсть, – ей само это нравилось под наркотиками. Она позволяла сечь свои ягодицы плетками, связывать себя веревками, чтобы они глубоко и больно впивались в нее, пережимать себе груди петлями, и чуть ли ни подвешивать себя за них, пережимать соски зажимами, зажигать над гениталиями свечи, чтобы с них капал расплавленный воск. И все это с неподдельным интересом и удовольствием, которые расплаляли клиента еще больше. Люба готова была на любую новинку, предлагаемую клиентом, но только чтобы без крови, и чтобы никаких следов потом не осталось.

Наркотики ей охотно давали сами клиенты, но позже она и

сама стало их покупать, а позже и приторговывать ими. У нее всегда они были с собой – для клиентов и изредка для себя – амфетамин, гашиш, экстази. Из-за них она чуть не попала за решетку год назад. Всех девочек с улицы тогда неожиданно отловили и замели в местное отделение. И это, несмотря на то, что их «папа» исправно платил местным ментам, и все было до этого тихо. Но кто-то что-то потребовал, или проверил, или появились новые лица, и прошел этот шмон. У Любы нашли в сумочке несколько доз, совсем немного, но, главное, разнообразных – явно на продажу, – и возбудили дело. Пошли допросы, угрозы, обвинения, довели дело до суда, но Любе повезло – для первого раза ограничились условным сроком.

После первого с ней знакомства Ураев стал ее постоянным клиентом. У Любы все клиенты были какими-то странными и ущербными, она к этому привыкла, но этот был красавец, мускулистый и крупный. Но в первый же день она поняла, что с ним что-то не так. С сексом у него совсем ничего не получалось. Она чувствовала и видела, что он почти не возбуждался, когда она раздевалась и принимала свои обычные позы, как будто чего-то ему не хватало, как будто «мотор» у него сразу глох. Первый раз она намекнула ему попробовать причинить ей какую-нибудь боль. От начал ее мять и тискать, пальцами впиваясь в ее плоть, и она даже вскрикнула от неожиданности. Тем не менее, она сразу ощутила, что ей это тоже приятно, даже через боль, и она разрешила

ему продолжать, и стала от него вырваться, только когда почувствовала, что еще чуть-чуть, и он ей что-нибудь сломает или порвет. На этом все тогда и закончилось. Но как только он ее отпустил, так сразу весь будто обмяк, все в нем остановилось. Она попробовала его возбудить руками, но ничего не получалось. И только когда он начал опять больно мять ей ягодицы одной рукой, а другой начал мастурбировать, так сразу громко задышал, потом задрожал, выгнулся, и, наконец, у него все получилось, он брызнул ей в бедро, потом привстал и омочил ей семенем живот.

После этого он уткнулся ей головой в грудь, затих, и через несколько секунд начал всхлипывать, как маленький ребенок. У Любы тогда сразу пробудилась к нему жалость, она его обняла, начала шептать ему на ухо ласковые слова, успокаивать, как дитя. А он, всхлипывая, еще теснее к ней прижимался, как будто ища у нее защиты, несчастный и одинокий. В тот раз Люба впервые и совершенно неожиданно почувствовала к нему любовь, какую-то материнскую, жалостливую и горькую.

Каждый раз, когда они встречались, Люба делала все, чтобы угадать его желания, доставить ему радость, чтобы он опять прижался к ее груди, как ребенок, и всхлипывал, а она бы лежала и гладила его, успокаивала и жалела, рассказывая, что все хорошо, все у него получилось, и он молодец, он такой красивый, сильный, ему не нужно плакать, она его любит и никому никогда не отдаст. Для нее это были самые ра-

достные минуты, лучше всякого секса. Однако каждый раз она чувствовала, что ему по-прежнему чего-то не хватает, и он знает что, только не решается ей сказать.

Люба увидела, как он убил женщину только один раз, зато рядом с ней, ее подругу, но получилось это случайно. Они были уже несколько месяцев знакомы, она уже не остерегалась его, как других клиентов, возила его к себе домой, и они встречались через день. Один раз поздно вечером он забрал ее с улицы, как обычно, на своей машине, и она села рядом с ним, но он не тронулся, а смотрел в окно на ее подружку, тоже стоявшую у дверей бара. Заметив его внимательный взгляд, Люба почувствовала укол ревности, но промолчала.

– Слушай-ка, заберем ее с собой, – вдруг сказал Ураев.

– Зачем?

– Заберем. Пожалуйста. Пересядь назад. Пусть она мне это сделает по быстрому. А ты сзади посмотри на это. Давай?

Люба, молча, открыла дверь и перешла на заднее сидение. Ей это очень не понравилось, было противно, но она стерпела.

– Как ее звать?

Люба назвала имя, тот окликнул ее в окно и рукой пригласил в машину. Подружка села рядом с ним, и они тронулись, через пару кварталов заехали в темный двор и остановились. Ураев молча расстегнул ремень и приспустил брюки. Подружка поняла все без слов и нагнулась к нему под руль.

Люба сначала отвернулась, но потом нагнулась через

спинку переднего сидения и на все это смотрела. Впервые она тогда почувствовала, как это все отвратительно, что делает она сама и все другие девчонки с улицы. Но это длилось слишком долго, подружка начала уставать, но как профессионалка виду не показывала, разыгрывая страсть. Но Ураев – и Люба это сразу заметила, – начал раздражаться, на себя самого, начал царапать ногтями сидение, потом даже спину подружки. Та вздрогнула, не ожидая этого, подняла голову, и тут случилось страшное, отчего у Любы пережало горло. Ураев выхватил нож и ударил той сбоку в горло. Она коротко визгнула, и сразу визг смешался с мокрым хлюпаньем крови в ее горле и стих. Люба оцепенела и смотрела на это из-за спинки сидения, не веря глазам, не осознавая, что произошло. Ураев отбросил в сторону нож, рукой из-под руля схватил ту за волосы, потянул вбок, а пальцы другой руки засунул ей глубоко в распоротое горло. Кровь лилась по его руке, и он шевелил там с наслаждением пальцами, и вдруг отдернул окровавленную руку, прижал между своих ног и начал мастурбировать. Люба не выдержала, она зажала себе рукой рот, чтобы не закричать, выскочила из машины и побежала по улице.

Следующие недели она пряталась от Ураева, а заметив, что он ищет ее на улице, убегала от него. На его звонки не отвечала. Она теперь боялась за свою жизнь, она чувствовала, что рано или поздно этим кончится и с ней. Она боялась уже с любым другим мужчиной, который выбрал ее на

улице и куда-то вез на своей машине. Она чувствовала, что когда-нибудь это обязательно случится и с ней. Только такое можно было ждать от этих странных, нездоровых мужчин, которым нужна были не ее любовь, как всем нормальным, а только ее боль. Но одновременно Люба тосковала без Ураева, по его рукам, его ласкам. Никогда раньше, и ни с кем другим она ничего похожего не испытывала, она никогда раньше по-настоящему не любила. Больше всего ей хотелось опять приласкать его у себя на груди, утешать, как ребенка, такого большого и сильного, но несчастного и беззащитного в эти минуты, и полностью в ее власти. Наконец, через три недели любовь у нее в душе пересилила страх. В те же дни начались неприятности из-за найденных у нее наркотиков. Она чувствовала себя одинокой и несчастной, и вечерами, когда оставалась одна, тихо и долго плакала. Его настойчивые звонки давно прекратились, и она не выдержала этой пытки и сама набрала его номер.

– Ты меня тоже убьешь? – это были ее первые сказанные ему слова.

– Я люблю тебя, ты мне нужна! – выкрикнул он ей в ухо. – Не бегай от меня, пожалуйста!

Они не стали после этого жить вместе, но Ураев устроил ее к себе в клуб. Сначала ей пришлось работать на кухне, но потом они вдвоем придумали номер со стулом и сексом на сцене, который скоро превратился в самый «улетный» хит. На панель она с тех пор больше не выходила.

Через час пути они свернули с асфальта на гравийку. Тут начало трясти, и Люба отодвинулась от Ураева. Они подъезжали к даче, доставшейся ей от родителей. Ее мать умерла здесь же, два года назад, уже пожилой, Люба была у нее очень поздним ребенком.

Люба вышла из машины первой, открыла ворота, и Ураев въехал. Весь участок зарос высокой травой, никто здесь теперь ничего не вскапывал и не косил, сад заглох. После смерти матери Люба сюда не ездила, крыша уже местами текла, крыльцо покосилось. Люба не продала дачу только потому, что Ураев вдруг заинтересовался ею, начал сюда приезжать – один, как он ей говорил, и Люба делала вид, что ему верит, отгоняя от себя, как всегда, плохие мысли. Она с этим уже давно смирилась, не имея сил или воли противиться ему. Она слишком боялась его потерять, вернуться на панель, к извращенцам и наркотикам, попасть, рано или поздно, в тюрьму, – ничего иного она без него не ждала.

– Где она? – спросил Ураев, когда они вошли в дом.

– В подвале.

– Там же холодно.

– Я накрыла ее старым тряпьем.

Ураев поднял дощатый люк в подвал и заглянул в темень. Под люком лежала горка старых грязных одеял, и, не спускаясь, он протянув сверху руку сдвинул их в сторону. Под ними на сырой земле стояла пластиковая клетка, в которых

перевозят кошек. Он ухватил клетку за ручку и вытащил наверх.

В клетке сидела крольчиха. Люба купила ее утром на рынке и привезла сюда на электричке. Это сделать ее попросил Ураев. Последние недели он стал особенно нетерпелив в их сексе, или в том, что можно было называть этим словом. У них ничего не получалось, он не возбуждался, даже причиняя ей боль. Она всячески старалась угодить ему, но всего того, что она умела и терпела, ему было мало, он начинал раздражаться, злиться, и часто это кончалось ее истеричным плачем от безысходности и бессилия.

Ему было нужно другое, но то, что она никак не могла ему дать, и остаться после этого живой. Она не только чувствовала это, она знала – ему нужна была кровь. Только ощутив теплую живую кровь на своих руках, он был способен после этого сам помочь себе и испытать оргазм. Люба в таком сексе была ему уже не нужна, и это ее пугало. Единственное, но и самое ценное, что у нее оставалось, его беспомощность после секса, когда он прижимался к ней, как к своей матери, дрожал и всхлипывал. Тогда она чувствовала, что без нее он не может жить, никогда не уйдет и не оставит ее одну в этом страшном мире.

Ночами она иногда просыпалась от его криков. Его часто мучили кошмары. Он говорил, что у него такое с детства, и каждый раз, засыпая, он спускается в ад, в мир ужасов. Поэтому он не переносил ни наркотиков, ни алкоголя. Когда-то

он их пробовал, в надежде найти избавление от ночных пыток, но с утра добавлялась головная боль и еще какой-то новый страх перед неведомым несчастьем.

Люба, как ни старалась, не могла понять, что с ним, как ему помочь, как вылечить от этого недуга и ужаса. Однажды она набралась смелости и сама заговорила об этом. И тогда он неожиданно полностью раскрылся перед ней, стал опять рассказывать обо всем, что натворил, обо всех, кого убил, и даже, – она сразу почувствовала это – начал получать удовольствие от этих воспоминаний. Она не выдержала, и как уже бывало с ней, зажала руками уши и выбежала из комнаты.

Ураев попросил Любу купить на рынке эту крольчиху, чтобы попробовать положить с ними в постель. Сначала Любу передернуло от такой мысли, но она не подала вида и согласилась – в конце концов, известно для чего разводят и продают кроликов. Может быть, это как-то облегчит его проблемы, и ему не придется больше убивать женщин, чтобы увидеть их кровь.

Пушистую тихую крольчиху положили в постель, подстелив по нее широкую полиэтиленовую пленку, потом легли сами по обе стороны. Ураев стал тереться животом о кроличий мех, и Люба увидела, как он стал возбуждаться. Это ее сначала обрадовало, но одновременно испугало, и даже вызвало подобие ревности – сама она была ему уже не нужна. Но все-таки он протянул к ней руку, потянул к себе бли-

же, начал распалиться, и она ощутила своим бедром бедного теплого зверка между ними. Она хорошо знала, как это бывает с ним во время секса. Но в этот раз он еще стал выгибаться, потом вдруг начал шарить рукой вниз на полу, схватил там приготовленный нож и занес его над кроватью. Люба, испугавшись, откинулась в постели назад и в сторону. Нож ударил крольчиху сбоку в живот, и зверек пискнул, дернулся, но другая рука Ураева прижала его к постели, а нож полоснул по брюшку вниз, вываливая оттуда внутренности на подстеленный полиэтилен. Ураев сразу бросил нож на пол, свободную руку запустил в распоротого зверька, и начал пальцами тереть его внутри, и одновременно другой рукой сжимать себе промежность. Люба большего не выдержала. Она вскочила с кровати, выбежала на крыльцо, опустилась там на ступени и закрыла глаза.

Уже светало, когда из-за утреннего холода она вернулась в дом, Ураев спал, рядом с ним в луже крови лежала растерзанная крольчиха. Люба, взяла полиэтиленовую пленку за углы, завернула кровавое месиво, и вынесла его в сени. Вернулась в комнату и, продолжая дрожать от холода и нервов, накинула на себя старый ватник. Лечь обратно в кровать она не смогла, вышла опять на крыльцо и там снова села. Не было у нее ни мыслей, ни чувств, ничего не хотелось, все было безразлично. Было только очень жалко мертвую растерзанную крольчиху, которую она привезла в электричке, потом играла с ней, кормила морковкой. Теперь надо было

как-то поступить с этим тяжелым полиэтиленом свертком. Мысль о том, что можно было бы мясо поджарить и съесть, сразу вызвала у нее приступ тошноты. Надо было закопать это где-нибудь здесь, и поскорее, чтобы убрать скорее с глаз. Люба взглянула на дальний заросший бурьяном угол участка, у забора, на границе с лесом, и она сразу вспомнила, что Ураев просил ее туда не ходить и не смотреть, что там. Она туда и не ходила, только один раз прошла мимо и взглянула краем глаза. Там, у забора, среди бурьяна была видна раскопанная в нескольких местах земля, похожая на три свежих могилы.

16. Новые кресты

На следующий день рано утром я позвонил следователю Седову. Он был уже в курсе, что Кашин назначил его провожатым по моим «вылазкам», как тот выразился. Я объяснил моему новому опекуну мое желание – ехать в следственный изолятор и допрашивать «лотерейщика», – и подчеркнул, что это срочно, и Кашин мне это разрешил. Поэтому текущие дела ему пришлось отложить, и мы договорились встретиться через полчаса. На допрос «лотерейщика» предстояло ехать в «Новые кресты», загород.

«Новые кресты» недавно построили на смену печально известной исторической достопримечательности Питера, – тюрьмы почти в центре, на берегу Невы, всем известной еще с позапрошлого века, как «Кресты». То были два тюремных здания, каждый из перекрещивающихся блоков с единственным входом-выходом. Их закопченные кирпичные стены помнили всю изнанку истории города и страны.

Сев в мою машину, Седов сказал:

– Ничего нового, Николай Иванович, вы от него не добьетесь. Напрасная это затея. Теряем только время.

Всю дорогу, почти час, мы ехали молча. Я продумывал все возможные варианты и уловки при разговоре с «лотерейщиком», но не хотел ими делиться раньше времени.

Снаружи и даже внутри следственный изолятор «Новые

кресты» выглядел, как санаторий. Но это были тоже «кресты», современная копия «Крестов» на Неве, дряхлых и напитанных за два века болью и тоской. Здесь же все было светлое и чистое, даже имелись движущиеся пешеходные ленты в коридорах, как в аэропортах. Но при нас они не работали, и мы долго шагали мимо чистеньких светлых дверей камер к назначенному нам кабинету. Конвоир и подследственный нас уже там ожидали.

Когда сели за стол, и конвоир вышел, я внимательно рассмотрел серийного убийцу – такого человека, или «нечеловека», я видел впервые. Всего по нескольким нервным движениям его рук, головы, шеи я понял, это слабовольный, всегда и везде, куда бы он ни попадал в жизни, сразу падавший на дно любого общества, а теперь еще испуганный и сломленный отчаянием.

– Вы мой адвокат? – спросил он, и нервно повел шеей.

– Нет, еще круче. Я ваш депутат. Проверяю, все ли тут по закону, и как положено.

– Я уже все рассказал, ничего не утаил. Не сам я это придумал, не сам! Меня другой на это подбил! С вами же следователь, что вчера меня допрашивал, я все ему рассказал, ничего больше я не знаю. Скажите, меня могут помиловать?

– Нет.

– Но ведь я не умру?

– Пока нет. Где ваш напарник?

– Валя? Где-то в Польше, не знаю, я не видел его после

зоны, мы даже по телефону говорили всего несколько раз, все только по интернету, и деньги он переводил мне по цифре. Мне могут разрешить свидание?

– За что?

– Не знаю...

– Он звонил или вы звонили?

– Я звонил всего раз, и только когда начали той лотереей заниматься. Потом он мне это запретил.

– С какого телефона? С того, который у вас изъяли?

– С него, с него. Там и номер его остался, можете проверить, всего раз я звонил.

– Кого на свидании хотите увидеть?

– Сестру родную. У меня больше никого нет. Она меня вырастила... мы не виделись несколько лет... я ее очень ждал... – его губы задрожали. – Нам бы с ней свидеться...

Вы депутат, вы это можете. Пожалуйста, прошу вас!

– Она в заключении.

– Вернуться должна скоро, она мне писала – может, через месяц. Я буду еще здесь, до моего суда. Пожалуйста! Хотя бы на пять минуток...

– Можно. Без проблем. Ее доставят на ваш суд, как свидетельницу. Расскажет присяжным заседателям, какое у вас было несчастное детство. Разжалобит всех, если сумеет. Не сомневайтесь – обязательно приедет, даже если ее срок еще не выйдет. На суде обязательно встретитесь. Вам так нравится?

– Вы издеваетесь надо мной?

– Я всегда говорю правду, и никогда не издеваюсь. Вы с ней увидите. Как депутат, я могу это устроить. Но это надо еще заслужить.

– Как? Что мне сделать?

– Позвонить своему сообщнику в Польше и выманить его сюда. Если сумеете развести его на эту подставу – то увидите сестру, даже поговорите и обниметесь с ней. Я обещаю, я приложу для этого все силы. У меня получится, я – депутат.

– Он сюда не придет. Он умный. Это бесполезно.

– Надо сделать так, чтобы получилось, и чтобы он сюда приехал. Тогда я тоже сделаю так, чтобы вы с сестрой увиделись и обнялись.

– Что я ему скажу?

– Об этом поговорим чуть позже. Сейчас я хочу знать – вы готовы сотрудничать, или напрасно время теряем?

– Даже не знаю... Он потом меня убьет.

Я, молча, встал и пошел к двери. Седов щелкнул по кнопке вызова конвоира и тоже поднялся.

– Постойте, не уходите, я согласен, я позвоню ему, все сделаю, не уходите!

В дверь уже вошел конвоир, и мы чуть с ним не столкнулись. Я сказал тому:

– Уведите подозреваемого. Мы на полчаса прервем разговор.

Я повернулся к «лотерейщику»:

– Пока думайте, что будете ему говорить.

Когда подследственного увели, и мы остались одни, я сказал Седову.

– Теперь нам нужен его мобильный телефон с его родной сим-картой. С другой это не сработает, – и я взглянул произвольно в глазки видеокамер на стенах и под потолком. – Не должно ничего сообщника насторожить. Надо, чтобы на экране его телефона высветился тот же, известный ему питерский номер. Он потом будет и сам звонить сюда по нему. Необходима родная сим-карта.

– Как вы собираетесь заманить его сюда?

– Сейчас услышите. Мы продолжим игру, которую начали, взломав «лотерейный» сайт неделю назад. Все пока складывается в нашу пользу. Но говорить с ним будет не этот подследственный убийца. Говорить с ним буду я.

– Блестяще. Это войдет потом в учебники криминалистики.

– Только мне нужен для этого его личный мобильный телефон. Он лежит здесь, в этом дворце предварительного заключения, никуда из него не мог деться после его задержания и помещения сюда. Где-то валяется тут на складах.

– Не получится. Для доступа к вещдокам я должен получить разрешение начальства.

– Этот мобильник – не вещдок. Он не мог проходить в деле, как вещественное доказательство его преступлений. Не телефоном он убивал людей. Это его личная вещь, как ру-

башка или штаны.

– Но в отличие от рубашек и штанов, мобильники отбирают у всех заключенных.

– Вы прекрасно знаете, Сергей Лукич, почему их отбирают. Не как орудия преступлений, а как средство связи, а это разные вещи. Но обещаю вам, этот мобильник я не выпущу из своих рук. Он только поздоровается с сообщником, скажет несколько слов, и дальнейший разговор буду продолжать я.

– Думаю также, здесь мобильная связь надежно перекрыта...

– Есть связь в этом кабинете! – я показал ему на экран своего мобильника.

– Николай Иванович, со своей стороны я не возражаю, но моих полномочий недостаточно, чтобы получить телефон из хранилища и использовать его здесь для следственных действий.

– Главное – получить, Сергей Лукич, остальное приложится. Это обычное следственное мероприятие, все совершенно законно! Мы и приехали сюда для такого! Помогите мне, пожалуйста! Я выманю этого мерзавца из-за границы, мы его поймаем. Чуть-чуть только помогите мне.

Недолго подумав, и взглянув мельком в глазки видеокamera, Седов кивнул мне. Когда мы вышли в коридор, он сказал:

– Попробуем. Только не очень-то я в это верю.

Телефоны заключенных хранились отдельно от одежды и прочих личных вещей, но, поскольку наш подозреваемый поступил сюда позже, чем за трое суток, то в общее хранилище, куда-то далеко в другой корпус, его вещи отправлены еще не были. Но сначала нам с Седовым пришлось сходить в кабинет дежурного начальника этого исправительного заведения и получить официальное разрешение на использование мобильного в следственном действии, но без права выноса из здания. Показав удостоверение депутата, расписался за мобильник только я, – по мнению кладовщика, как более высокое по положению лицо.

В следственный кабинет мы вернулись через час, с коробкой, величиной почти с обувную. Телефон этот я заранее включил, проверил сеть и перевел на громкую связь, чтобы слышали разговор и мы, и все микрофоны в кабинете. Потом я спросил Седова:

– У меня к вам вопрос, товарищ следователь. С сим-карты этого телефона вы сняли данные после задержания – номера телефонов и прочее?

– Первым делом.

– Спасибо, это все, что мне надо было знать для начала.

Я вырвал из своего блокнота страницу и написал крупными буквами несколько абзацев текста. Когда привели подследственного, я дал ему это в руки.

– Читать не разучился? Прочти и запомни смысл. Потом по телефону скажешь это дружку своими словами, как су-

меешь. Повторяю, читай и запоминай, потом говори только своими словами. И помни, если тот почувствует обман – тебе сестры больше не видать.

Тот кивнул и стал про себя читать, шевеля губами.

Минут через десять я нашел в телефоне подследственного номер этого убийцы Вали, и соединился с ним в каком-то доме в далекой Польше. С первыми звуками голоса я передал телефон подследственному. Тот как-то испуганно и неловко взял его и начал говорить:

– Валя? Это я. Прости, что звоню, но тут такое срочное дело... Бандиты наехали на нас, – он не отрывал глаз от моей записки. – Им деньги нужны... Наш сайт повалили... Они говорят, что ты им должен что-то. На счетчик тебя ставят. Вот... Они тут рядом... Поговори сам с ними.

– Кто такие! Ты что, им все рассказал? – голос этого Вали из Польши загремел по громкой связи в маленьком кабинете.

– Они сами все это узнали... Пытать меня утюгом начали, чтобы номер твой узнать... Поговори с ними, Валя...

Я взял телефон в свои руки.

– Слушай, Валя, ты что, не видел неделю назад надпись на своем мочильном сайте? Ты что, думал в этом городе можно мочить людей без нашего разрешения? Да мы тебя достанем теперь не только в Польше. Как заяц побежишь! Мы болясы с тобой точить не будем!

– Что вам надо?

– Не сообразил еще? Половину всего, что ты взял в нашем

городе без спросу.

– Что тогда?

– Для начала базар остановим. Сайт твой поднимем, работай дальше, только платить будешь нам. И живым тебя оставим, сука!

– Ты кто?

– Для тебя – смотрящий. Тебя на счетчик ставлю, с сегодняшнего дня! А лучше приезжай, Валя, так верней уладим это дело.

Я зажал телефон рукой, протянул его подследственному и прошептал:

– Читай, читай дальше, что в бумажке!

– Это, как его... у меня телефон они отобрали, сказали, сами будут с тобой потом разговаривать. Так ты не сомневайся, если в следующий раз позвоню не я...

– А ты случаем не из ментовки сейчас со мной говоришь? Что-то не очень мне верится во все это. Тебя сейчас менты не держат за...

На этих словах я выхватил телефон из его рук и разорвал соединение. Телефон положил в коробку, но не выпустил из пальцев, и руку не вынул, оставил ее в коробке. Через несколько минут, когда мы отошли от нервного напряжения при разговоре, я спросил у подследственного:

– Кем твой Валя был в зоне?

– Фраером. Я за него держался. Он защитить мог, блатные его не трогали.

– Как он тебя уговорил на эту «лотерею»?

– Деньги обещал, хвастал, что хорошей жизнью теперь живет, фамилию сменил, и все такое.

– Новую фамилию знаешь?

– Откуда!

Не вынимая руки из коробки, я сдвинул пальцем крышку телефона, поддел батарею, нащупал под ней сим-карту и выдернул ее. На прощание я сказал серийному убийце:

– Хорошо ты сыграл. Но больше нам не потребуешься. Что я обещал – сделаю. Сестру увидишь.

Когда его вывели из кабинета, Седов мне сказал:

– Не верит Валя. И никогда не поверит.

– Что-нибудь придумаем.

Я очень хотел сказать ему про это сразу, но перед видеокамерами и микрофонами кабинета это делать было глупо. Но как только мы сдали телефон на склад, и пошли по длинному светлому коридору к выходу, я сказал ему:

– Сергей Лукич, я должен вам признаться. Я вынул сим-карту из телефона. Она у меня в кармане.

Тот резко остановился.

– Мы должны вернуться.

– Сергей Лукич, мы должны продолжать следственные действия. У нас все получается. Помогите мне в этом.

– Это незаконно. Это называется уничтожение улик. За это есть статья уголовного кодекса.

– Вы это видели? Нет, не видели. Поэтому вы лично ни в

чем не виноваты. Улика целехонька, но она теперь здесь, у меня в кармане. Она мной не уничтожена, поэтому состава преступления не имеется. Кроме того, эта сим-карта будет мной возвращена. Она взята мной только для нового следственного действия. Через несколько суток я напишу объяснительную записку и сам ее сдам, куда положено. За это время этот телефон никому не потребуется, если вообще когда-нибудь и кто-нибудь возьмет его снова в руки. А главное, вы уже с самого начала сняли с этой сим-карты все, что было нужно – сами мне это сказали. Каюсь, не оформил, как полагается. Но обстоятельства не оставили выбора. Или вы думаете, можно было иначе? Но как?

Седов мне ничего не ответил, но пошагал рядом дальше по коридору. На КПП он тоже ничего не заявил охране, и мы, молча, вышли из «Новых крестов» и сели в машину.

Через час молчаливой поездки я высадил Седова у его следственного отдела. После этого я поехал домой, чтобы найти нужный номер телефона. Он был среди записей старых контактов в криминальном мире – мне со многими приходилось там встречаться по газетным делам. Я быстро нашел этот номер – очень известного в свое время городского «авторитета», и моего, тем не менее, хорошего знакомого, – и позвонил ему.

17. Вор в законе

Мне было совершенно ясно, что сообщник Валя не верит всему тому, что услышал от подельника по «лотерее», мелкой сошки, которую ни в грош не ставил. Никогда он не поверит настолько, чтобы явиться сюда, к нам в руки. Возможно, на всякий случай, он заплатит «отходняк», если допустит, что это наехали на него бандиты. Он знал их очень хорошо, много лучше, чем мы, и понимал, что надо обязательно «делиться». Поскольку деньги в этой среде – признак уважения и власти, то этого будет достаточно. Но приехать сюда, по телефонному звонку «шестерки», попавшей в чьи-то руки, и очень вероятно, «ментовские» руки, – он и не подумает.

Но нам были нужны вовсе не эти «кровавые» деньги, нужен был второй преступник, даже худший убийца из этих двоих – «хоть тушкой, хоть чучелом». Он был мне нужен так же, как и другой объявившийся маньяк, «потрошитель», который убил полгода назад дочку моей давней знакомой, с которой у нас была чистая студенческая любовь, и когда на похоронах меня все принимали за отца убитой девушки. Что тот убийца, что этот – было мне сейчас безразлично. Все эти нелюди – были для меня одно и то же дьявольское отродье, которое надо было уничтожить. И раз уж я оказался среди них, и что-то мог еще сделать, то остаться в стороне, как будто меня это не касалось, было бы плевком в мое до-

стоинство. Поэтому пока была еще малейшая возможность вести с одним из таких нелюдей игру, и добраться до него, я собирался это делать – когда-нибудь и что-нибудь у меня обязательно получится, и мы встретимся, – не с одним, так с другим. Главное, не сдаваться, а драться и драться, вставать и снова драться! Неожиданно, это стало для меня смыслом жизни, все прочее отодвинулось в сторону.

Кашин вчера мне сказал, что этот Валя гонял из Польши фуры с яблоками, закладывая в них наркоту, за что потом и отсидел срок. Но я хорошо знал человека, который держал в те годы под своей рукой половину всей оптовой торговли фруктами в нашем городе. Я не знаю, был ли он уже тогда «вором в законе», хотя кавказские авторитеты всегда любили короноваться, и в тех кругах по-прежнему очень уважают это звание. Однако теперь все изменилось, об этом нынче молчат, за это теперь статья уголовного кодекса и тюрьма, как за «первую роль» в организованной преступности, да и много лет прошло с тех пор. Имя авторитета было Шато, и сразу, как только Кашин вчера мне сказал про фуры с яблоками, я сразу о нем вспомнил. Потом когда сегодня утром ехал в «Новые кресты», и говорил там по телефону с этим Вале́й, я тоже все время думал о своем давнем знакомом Шато. И вот теперь я ему позвонил.

В разгар моей журналистской деятельности, когда я уже получил популярность и даже некоторое влияние на городскую политику из-за моих статей и выступлений по телеви-

дению о питерских «оборотнях», я стал бороться «своим пером» еще и с сомнительными приемами работы полиции. Они мало отличались тогда от приемов и манер «оборотней». Обыкновенным было подбрасывание «неоспоримых» улик в карманы и квартиры не только подозреваемых – для «упрощения» следствия, – но и вполне невинных граждан, ставших чем-то неудобными или, наоборот, нужными правоохранителям тех лет. Удивительно, но даже совсем недавно такое случилось и в столице с известным журналистом. Но в отличие от прошлых лет, в недавнем этом случае в «липовых» уликах, предъявленных полицией, сразу усомнилась вся современная журналистская братия. Разразился скандал из-за арестованного журналиста, начались даже акции протеста, и не только в столице. В конечном счете, журналиста выпустили и оправдали. Но одновременно стало ясно, что «посеянные» пакетики с наркотиками, патроны россыпью, даже «макаровы» с предысторией до сих пор оставались обычными и неотразимыми аргументами в следственных действиях. За много лет до этого, когда я был газетчиком, то только начинал с этим бороться.

Шато, хозяин оптового фруктового рынка города, и криминальный авторитет – что было обыкновенным по тем временам, – попал в следственный изолятор города именно по таким основаниям – нашли наркотики в багажнике его автомашины. Это были пакетики с белым порошком, который оказался амфетамином. Затем обыскали его квартиру и на-

шли свыше пяти граммов кокаина и даже весы для его расфасовки. Ничего кроме этого предъявить следствию не сумели. Но посадить его полиция хотела, и он, действительно, по моему мнению, мог это заслуживать. Но надо было прижимать его по закону, а не таким преступным способом, каким можно засудить любого. Так «авторитет» Шато попал мне тогда «на перо».

В своей статье, а потом и в обращении в прокуратуру, я требовал, чтобы расследование такого резонансного дела с известным в городе персонажем вели не полицейские, которые задержали подозреваемого, а следователи ФСБ, и были обязательно проведены надлежащие анализы всех вещественных доказательств. У меня не было никаких аргументов, только интуиция, свойственная журналистам, и еще молодое желание отстаивать закон, вопреки разгильдяйству или коррупции. Вскоре в результате экспертизы выяснилось – никаких следов Шато на предметах, изъятых в ходе обыска в его доме, не имелось. Анализы мочи, смывов с рук и срезов ногтей также не выявили ни следов наркотиков, ни употребления их подследственным. Дело разваливалось на глазах изумленных горожан, наблюдавших с интересом за этим. Через пять суток Шато был освобожден из-под ареста, дело прекращено, а против полицейских выдвинуто обвинение в превышении полномочий и фальсификации доказательств при задержании.

Через несколько дней после этого мне вечером позвони-

ли. Очень вежливо, по-восточному церемонно меня спросили, можно ли ко мне приехать с благодарностями, и буквально через десять минут раздался звонок в дверь. В дверях стоял криминальный авторитет Шато. Удивившись такому гостю, я растерянно пригласил его войти, тот шагнул через порог, а все сопровождавшие его, которых я видел сначала за дверью, остались на лестничной площадке. В руках он держал два пакета.

Не раздеваясь и широко улыбаясь, он протянул мне оба свертка и сказал:

– Дорогой, уважаемый Коля, прими от меня, пожалуйста, эти два подарка. Ты меня очень выручил.

От неожиданности я замешкался, и это слишком затянулось, стало выглядеть неудобным – он так и стоял с протянутыми ко мне руками. Поэтому я взял у него оба пакета. В одном, тяжелом, на ощупь была бутылка. Второй был полегче – мягкие и упругие пачки, – несомненно, деньги. Я не был готов принимать сейчас от кого-либо деньги. Деньги – это хорошо, но только когда они не обязывают и не унижают, и ты точно знаешь, что их заслужил и законно получил. В этом случае все было не совсем так. Я не знал его отчества, и ответил неуверенно:

– Спасибо, господин, э-э... Шато.

– Шато, верно! Такой поэт у нас был великий!

– Спасибо, Шато, – я по-дружески ему улыбнулся. – Коньяк я твой приму, спасибо, выпью за твою свободу. Но день-

ги возвращаю, – и вернул ему их, не развернув пакет, и не узнав, сколько там было.

После этого мы недолго еще у меня посидели, поболтали о том и о сем. Среди прочего, помню, были у нас и такие фразы:

– Ты, Коля, смелый, никого не боишься – пишешь, выступаешь!

– Боюсь иногда, Шато. Но без этого человеком себя не чувствуешь.

– Это точно ты говоришь. Какой тебе характер достался – такая будет твоя судьба. Себя не изменишь.

– А за тебя полиция взялась очень серьезно, Шато, – гляди, посадят. Не боишься?

– Тоже боюсь иногда.

И мы с ним дружно расхохотались.

Вот такой был у меня случай. Примерно тогда же, когда тот Валя возил фрукты и наркотики из Польши, а Шато был в самом зените своего криминального авторитета. Я тогда не собирался с ним больше никогда встречаться или вести дел, но все равно, если возьмешь у такого человека деньги, он будет считать тебя «прикормленным» и всегда готовым к услугам. Можно было бы на это, конечно, наплевать, однако позже, – и это главное, – ты сам будешь чувствовать, что стал ниже его, и он тебе навсегда «хозяин». А сошелся ли с ним на «ты», и в друзьях ли значишься, не имеет никакого значения. Когда же ты сам на виду, пишешь в газеты, гонишь волны,

это бывает очень важно. Поэтому всегда лучше оставлять их себе чем-то обязанными. Тем более, такие люди никогда не забывают оказанных им услуг. Поэтому чем больше накапливается у тебя таких историй, тем лучше и спокойнее себя чувствуешь, и лучше работается. Но коньяк я тогда у него взял, и не пожалел. После того случая мы несколько раз с ним еще виделись мельком – на судебных заседаниях, где он проходил свидетелем, – и как старые знакомые каждый раз тепло здоровались.

Когда я вернулся из «Новых крестов» и собирался ему звонить, тогда очень надеялся, что он так и не короновался в «вора в законе», иначе сотрудничество в любой форме с «ментами» стало бы для него позором и клеймом, если не того хуже. Но я также знал, что в его мире всегда понимали, что за серьезную услугу надо заплатить не меньшей, и когда бы для этого ни наступило время. Поэтому я ему и позвонил.

Его вклад в организованную преступность города лишь тех лет потянул бы на реальный долгий срок. Если с тех пор он не сбавил обороты, то, вероятней всего, искать его в Питере, то есть на свободе, было уже бесполезно. Поэтому набрав его номер, причем старый городской, а не мобильный, которого не знал, я с некоторым волнением ждал ответа.

Женский голос вежливо спросил «кто это?». Если спрашивают «кто», значит, похоже, он не в тюрьме, живет в своем особняке на берегу Финского залива. А если на свободе, значит, не осужден, обычный гражданин, не преступник,

и можно с ним по-дружески поговорить, как бывало. Так и произошло, он был у себя дома. Услыхав и узнав с радостью его голос, я сначала серьезным голосом представился, начал даже напоминать ему тот давний случай, но это оказалось лишним – он все прекрасно помнил, и даже, оказалось, не упускал меня из виду с тех пор.

– Здравствуй, дорогой! Куда пропал? В газету не пишет, в телевизоре не показывают. Что такое!

– Не до этого, Шато, другим теперь занят. Как твое здоровье?

– Хорошо, хорошо, все хорошо.

– Слушай, я бы к тебе заехал вечерком на полчаса.

– Почему на полчаса? Мы поужинаем с тобой! Ты адрес мой знаешь?

– Скажи.

Вечер был прекрасным, ехать по Приморскому шоссе было удовольствием. Слева, за редкими мелькающими соснами блестел залив на заходящем солнце, справа шелестел густой парковый лес. Не доежая Комарово, и тоже среди сосен, – новенький особняк в старом дворянском стиле с островерхими башенками, как строили тут когда-то, в тогдашней русской Финляндии.

Шато мало изменился с тех пор, как мы виделись в последний раз, только усы его стали пышнее, и с проседью. Мне не потребовалось намекать ему, зачем я так срочно приехал, не проявляя к нему интереса уже много лет. Он все понимал

– нужна было помощь, услуга за услуга, потому сразу и пригласил. После обмена фразами о чудесной погоде и о прекрасном его особняке на взморье я перешел к своей просьбе.

– Шато, один поддонок из Польши убивает в нашем городе людей. Просто так, играет ими на деньги. Ты это представляешь! В нашем городе, в моем и твоём, устроил игру на людей! Выбирает подходящего и убивает. И ты этого мерзавца когда-то, возможно, знал.

– Что за сволочь?

Я ему все объяснил и закончил так: этот выродок мне нужен здесь, а не в Польше. Он в твоём бизнесе тогда гонял фуры с яблоками. Если ты его не помнишь, то он-то тебя, прекрасно помнит по тем временам. Не знаю, как сейчас, а тогда ты был хозяином половины города во фруктовом и овощном бизнесе, а он в нём мелкой оптовой сошкой.

– Приукрашиваешь. Да и не те уже времена...

– Шато, мне он нужен. Он хуже, чем маньяк. Теперь я гоняюсь за всеми ими, хочу всех их уничтожить в нашем городе. Я только этим теперь и занят.

– Хорошо, что я могу сделать?

– Только позвонить. И пригласить.

– И что? Ты думаешь, он сразу приедет?

– Но ещё пригрозить. Ты хорошо это умел, Шато. Пригрозил, чтобы он испугался за свою шкуру. Только подумай – он в твоём городе убивает людей за просто так, будто случайно, на улице, ни за что!

– Дерьмо! – и он выругался не по-русски.

– Пугни его, Шато, мол, крутым ты был, стал еще круче, хозяин города. А не приедет извиниться за базар – ты его накажешь – даже в Польше, это не за морями, да хоть где, он не спрячется от тебя. В таком духе.

Повисла пауза, Шато оценивал юридические или иные последствия для себя. Вероятно, здесь было для него не все так просто. Сотрудничать с полицией для «вора в законе» – это не только позор.

– Ты теперь мент? – спросил он осторожно.

– Нет. Я только депутат. Борюсь за справедливость. Я не арестовываю и не сажаю в тюрьму. У меня нет погон. Я – не мент, Шато. Я только хочу вытравить эту нечисть из нашего города.

– Это правильно. Надо подумать. Когда?

– Прямо сейчас. Я дам тебе мобильный телефон.

– Сразу, сейчас? Ай, Колька, ты все такой же, не изменился! Молодец!

Я вынул из кармана свой второй телефон с заранее вставленной сим-картой, позаимствованной из «Новых крестов». Мне не было ясным до конца, согласился ли разговаривать Шато, но я уже начал искать в телефоне нужный номер. Шато явно колебался, но еще не отказал, поэтому, занимаясь телефоном, я чуть не молился, чтобы абонент оказался доступен, и ответил на этот питерский номер, хорошо ему знакомый, но ставший подозрительным с сегодняшнего утра. Дру-

гой такой возможности не было, и никогда больше не будет. В этом нервном напряжении я искренне удивился удаче, когда услышал в телефоне знакомый мне с утра голос. Я сразу сосредоточился и погрузился в разыгрываемую роль «решалы».

– Валя? Мы с тобой утром уже разговаривали. Мне показалось тогда, ты мне не поверил. Сейчас рядом со мной твой хороший знакомый по фруктовому бизнесу в Питере. Зовут его Шато. Вспомнил? Он стал еще круче. Поговори с ним, – и я передал тому телефон.

– Валя, ты знаешь, кто с тобой сейчас говорит? Шато. Ты возил мне яблоки из Польши. Вспомнил? Ты, собака, что делаешь в моем городе! Ты спросил разрешения? Ты что, не знаешь, как наказывают за это? Мокрушничать вздумал в моем доме... ты, вафля! Ты знаешь, что с тобой я сделаю!

– Шато... постой, я не знал... я готов...

– Сначала ты сюда приедешь прощение просить.

– Шато, я все, что должен, биткойнами отдам, далеко мне ехать к тебе, прости. Мы давно знаем друг друга! Я виноват! Все будет ништяк. Включи, пожалуйста, мой сайт обратно. Я деньги теряю... Я тебе половину отдам!

– Какой тебе еще сайт!

Я не успел рассказать Шато все подробности, поэтому сначала завертел головой, чтобы он отказал, а потом замахал рукой, чтобы разговор плавно заканчивал.

– Включу его, когда приедешь!

– Мне опасно ехать к вам... прости меня Шато... Я не могу.

– Даю тебе трое суток, хочешь жить – доберешься. В Польше ты или не в Польше, мне плевать, – мокруху в доме так просто не прощают. Из-за твоего базара мне лицо перед своими людьми терять? Ты, сволочь, мой авторитет в городе грубо пихнул! Приедешь, как малыга, прощение у меня в ногах просить – только тогда договоримся. А иначе макну тебя, не раздумывая. Это для тебя далеко, для меня – близко. Все. Номер телефона знаешь, мне передадут. Считай дни, сучь, и только не опоздай.

Я взял у него из рук телефон и закончил разговор:

– Валя, замечывать стрелку буду я. Позвонишь мне, когда ждать тебя. Теперь все, до встречи.

– Постой-ка... чтобы с нами был мой дружок.

– Будет.

– Он рядом с тобой?

Я не ответил и быстро разорвал связь.

С минуту мы сидели молча. Потом Шато спросил:

– Расскажешь потом, что ты с этой сволочью сделал?

– Обязательно.

Я встал и протянул ему руку. Слов было сказано достаточно.

– Куда! А ужин?

– В другой раз, Шато. Тогда обо всем и расскажу.

18. Встреча

Все следующие дни время тянулось для меня очень медленно. Сначала я съездил к Кашину, все ему рассказал, что произошло в «Новых крестах», умолчав только о сим-карте, и очень подробно о нашем телефонном разговоре с подельником Вале́й в особняке на взморье. Кашин слушал меня очень внимательно, переспрашивал и уточнял, но по проskalзывавшей у него иронии, я чувствовал, что он не верит в успех этой затеи. Я и сам не до конца этому верил. Слишком ненадежно было все спланировано, и никогда в жизни точно так не получается: преступник оказывается умнее, всегда вмешивается случайность, и чаще на его стороне. Вся затея держалась на тонком волоске, слишком много было неопределенности, все зависело от нашей способности к импровизациям по ходу дела.

Я не скрыл перед Кашиным своих сомнений, и просил его лишь, чтобы точно и вовремя доставили подследственного на будущую встречу, если она состоится. Это было критично важным, потому что в четкости конвоя и его согласованности я не был до конца уверен. Заминка в доставке его из «Новых крестов» или, при необходимости, в дальнейшем перемещении его по городу, сразу породит, а то и укрепит у Вали сомнения в его свободе. Тот мог выкинуть любой непредсказуемый фортель, чтобы снизить себе риски, и вообще, мог-

ло случиться что угодно. Для этого проще всего ему было начать водить нас по городу, тогда любая наша промашка – и тот мог растаять для нас бесследно. Неизвестны были, ни новая его фамилия, ни место пересечения им границы. После недавнего прекращения регулярного воздушного сообщения с западными странами оставались только вероятные наметки его маршрута: самолетом Варшава-Таллин и далее автотранспортом, или аналогично через Хельсинки. В любом случае, не зная его новой фамилии, на пограничном переходе его было не задержать – ни до, ни после нашей встречи.

Дождаясь звонка из Польши, и чтобы поднять себе настроение, я сделал еще полезное дело, которое долго откладывал – позвонил полковнику Смольникову, через секретаря, как это полагается. Соединили меня с начальником полиции города не сразу, но как депутату не отказали. Так я впервые приступил к обличению этого преступника, избежавшего наказания, а что будет после этого – пока сам не представлял. Я даже не поздоровался с ним, мне было это неприятно, и, с трудом удерживая себя в рамках, представился ему так:

– Это депутат Соколов. Вы должны меня хорошо помнить. Я добивался пятнадцать лет назад, чтобы вас отдали под суд, как всех остальных «оборотней» из вашего отдела.

– Что за ерунда! Ты в своем уме?

– Постойте, не вешайте трубку, я привез вам привет издалека.

– Ты знаешь, кому звонишь, Соколов!

– Я хотел только передать вам привет, полковник, который привез, он у меня в диктофоне. Встречаться нам не нужно, я его перешлю электронной почтой.

– Ты, я вижу, опять за старое взялся. Свобода надоела? Что за привет?

– Сюрприз. От вашего давнего подчиненного.

– Жалею, Соколов, что не посадил тебя тогда, и надолго.

– Да, ваших десяти суток за подставное хулиганство мне оказалось недостаточным. Просчитался тогда былой капитан Смольников, просчитался. Ладно, когда прослушаете этот сюрприз, советую хорошенько поразмышлять. Если надумаете что-нибудь дельное, позвоните – мой номер телефона вы легко узнаете.

Я первым отключил связь. Ничего чудесного я не ожидал от дальнейшего. Смольников был в городе вторым человеком по власти, и слишком опытным, чтобы начать «дергаться» или даже беспокоиться. Но я исполнил просьбу, передал привет из зоны, и тем самым отрезал себе пути к отступлению. Теперь мне оставалось – только вперед, выполнять свой долг, который сам себе придумал и навязал. После этого я сразу послал электронное письмо на имя начальника полиции города, с файлом записи послания от его давнего оперативного сотрудника, осужденного «оборотня».

Подельник по «лотерее» Валя позвонил мне через два

дня.

– Я вылетаю. Теперь до вас и не доберешься... Где встретимся?

– Шато это решит.

– Тогда я тебе перезвоню.

Он снова позвонил мне только через полтора дня, и уже к вечеру, я стал даже беспокоиться.

– Я могу приехать через полчаса, – сказал он сразу, даже не назвав себя, и мне показалось, с усмешкой.

– Тебе Шато – мальчишка! Через три часа.

Я назвал ему ресторан, согласованный ранее с Кашиным, и его адрес.

– Если хотите внутри ресторана, в зале, то это мне не годится. Только снаружи, на веранде. Чтобы я всех сначала увидел с улицы. Шато я уважаю, но с ментами встретиться не хочу – можешь это ему передать.

– Хорошо. Я найду тебе такое место. Рассчитывай тогда на десять вечера, не раньше.

Когда в этом телефоне слышались гудки, я достал другой и позвонил Кашину.

– Валя уже в Питере.

– Удалось? Неужели! В городе? А я не верил, ей богу. Поздравляю!

– Сглазите, Петр Васильевич. Уже начались его фокусы. Тот ресторан ему не подходит, хочет с верандой, чтобы он мог сначала издали нас рассмотреть. Надо срочно подыскать

другой. И все там заново спланировать и даже отрепетировать. Наметили на десять часов. Он снова будет мне звонить.

– Хорошо, Николай Иванович, что-нибудь найдем, успеем!

Голос Кашина буквально звенел от радости, но меня это не заразило. Впереди я предвидел неожиданности и осложнения, поэтому все, о чем беспокоился, выложил майору:

– На входе в ресторан брать Валю теперь не удастся, все должно быть иначе. Петр Васильевич. Потребуется театральная игра, как на сцене, три гостя за столиком, один из которых, похож на Шато. Обязательно кавказкой внешности. Найдете? И не забудьте наклеить ему усы, сталинские.

– Все успеем.

– И, пожалуйста, повсюду приглушите свет – и проверьте, как это будет выглядеть с улицы. Решать, конечно, вам, но за отдельный столик на веранде надо посадить арестованного убийцу, ряженого Сталина и следователя Седова. Седов – вместо меня. Сам же я, с телефоном, останусь снаружи, подстрахую и понаблюдаю за всем этим.

– Может быть, и так. Еще это обдумаем. Конвой из «крестов» попрошу женский, в вечерних платьицах.

– Очень мило. Только не из девочек, пожалуйста, кого-нибудь постарше и опытней. И еще, для меня самого – полицейскую рацию.

– Хорошо, комиссар. А я не верил, ей богу! До связи. Все это сделаем!

У меня было еще время заехать домой, перекусить и одеться теплее на вечер.

Сколько лет я раньше писал о преступниках и преступлениях, столько же лет получал угрозы по телефону и по почте. Надо было или совсем забыть об этом, или отойти в сторону. Я выбирал всегда первое, но став депутатом, проявил некоторую осмотрительность, и только потому, что в комиссии, куда меня включили, я получил право на ношение оружия. ЧОП, который выполнял некоторые услуги для Заксобрания, мог оформлять трудовые соглашения с теми, на кого распространялось такое депутатское право, и выдавать им оружие, как своим сотрудникам. Я воспользовался этой возможностью, оформил договор и выбрал у них шестизарядный никелированный револьвер Смит-Вессон. С таким оружием я имел дело, когда еще работал в частном сыске, и мне захотелось вспомнить свою молодость. В этот вечер, на встречу, я взял этот револьвер с собой.

Когда Валя мне снова позвонил в десятом часу, все наши были давно готовы и ждали на полутемной, уютной веранде ресторана. Рассадка было уже четко продумана Кашиным. На всех столиках, кроме двух наших, лежали таблички «Зарезервировано». От улицы столики отделял ряд высоких цветов в горшках. Лица главных фигурантов этого следственного мероприятия, только угадывались с улицы за этими пышными цветами. За одним из столиков сидели Седов, — он был вместо меня, — рядом с ним подставной Шато, по-

хожий на Сталина, и, напротив, со стороны конвоя в светлых платьицах, арестованный «лотерейщик». Женский конвой из трех женщин сидел ближе к улице, перед цветами в горшках. Пистолеты им было негде спрятать в платьях, и они лежало у них в сумочках, рядом с каждой на столике.

– Куда мне ехать? – спросил меня по телефону Валя.

Я назвал ему адрес. Потом начал объяснять дорогу, чтобы понять, на чем, и откуда, он собирается сюда добираться, но он сразу прервал связь, чтобы никто не смог вычислить его местоположение.

Как и договорились, я остался снаружи. Сначала ждал в машине, которую припарковал через улицу напротив веранды ресторана, потом вышел и прошелся метров по пятьдесят в каждую сторону. Немного дальше, среди машин у тротуара, легко угадывались две полицейские, с тонированными стеклами. В одной из них сидел Кашин. За десять минут я вернулся в свою машину, проверил полицейскую связь и отключил ее. На веранде все выглядело отсюда так, как и должно было в поздний и темный вечер буднего дня – тихо и спокойно. Прохожих было мало, и я напряженно всматривался в каждого, стараясь опознать среди них Валу. И вдруг со стороны нашей веранды – треск, шум, стук падающих стульев и звон бьющегося стекла!

Я успел только увидеть, как «лотерейщик» перепрыгивал через цветочные горшки и падал на четвереньки на тротуар между прохожих. Я сразу щелкнул выключателем своей по-

лицейской рации и среди треска помех услышал возбужденный голос Кашина на фоне женских криков – конвоиров:

– Ушел! Все за ним! Снимаю всех, только за ним!

Я видел, как из обеих полицейских машин выскочили несколько оперативников, а с веранды, стуча каблучками по лесенке, три женщины конвоира, и все побежали вдоль по улице. Я взглянул на веранду и поразился – за нашим столиком по-прежнему сидели, только двое, но как ни в чем не бывало. Это были Седов и «сталин». На веранде опять все выглядело тихо и чинно, как будто ничего особенного не произошло. Это немного меня успокоило: Валя мог опоздать и ничего этого не увидеть. Но наша затея уже с треском проваливалась, спасти могло только чудо, или вечерняя темень. Вся эта неразбериха случилась и продолжалась полминуты, не больше, потом протекла еще минута или две, и уже начался одиннадцатый час. И вдруг новый телефонный звонок, это был снова Валя.

– Я не вижу на веранде своего дружка. Двоих вижу. Где третий?

– Он в туалете.

– Я подожду. Это ты там сидишь?

– Я сижу. Я и Шато. Что, не узнал его, постарел?

В эти секунды я всматривался в прохожих, потом выскочил из машины и быстро пошел по тротуару в противоположную сторону той, куда побежали оперативники – только там оставался еще шанс встретить Валу. Я чувствовал,

что Валя уже никогда не поднимется на эту веранду, и единственное, что могло еще спасти операцию – это узнать и задержать его на улице. Вдруг я услышал в прижатом к уху телефоне:

– Встань, если это, действительно, ты сидишь за тем столиком. Хочу проверить.

Я понял, что это конец игре, и мы в ней проиграли. Поправить дело и поймать его теперь могли только десятки полицейских в оцеплении, но их, конечно, здесь не было. Я зажал рукой телефон, включил полицейскую рацию и крикнул:

– Кашин! Седов! Он где-то рядом, но внутрь уже не войдет, он все понял! Не вижу его, бегу искать! – я прижал к уху свой телефон, но там уже были одни гудки. Валя убежал от нас.

Я продолжал идти в ту же сторону, но Валя мог следить за верандой откуда угодно, если он опоздал и не видел наш позор, По вероятности это было, как «орел или решка». Я искал глазами только торопливо уходящего с этого места человека, он не мог быть похожим на других прохожих, он мог только убежать сейчас от нас. Если я правильно угадал направление, и если буду так бежать по улице дальше, то догону или замечу его – перекресток был еще далеко. А если бы от тротуара неожиданно рванула его машина, быть может, я заметил бы ее номер, и Кашин сумел организовать ее перехват. Все это бешено прокручивалось у меня в голове. И в этот момент я увидел его.

Он не убежал, но явно спешил, и его трудно было не отличить от других редких прохожих. Он, конечно, меня еще не заметил, и поэтому нельзя было теперь бежать, чтобы не спугнуть, если он обернется, и я перешел на быстрый шаг. Вдруг опять в моем кармане звякнул телефон, и я на ощупь принял звонок.

– Передай Шато, чтобы он с легавыми не водился, это недостойно вора в законе. И мои извинения перед вашей ментовской компанией, что мы не свиделись. Всем привет.

Теперь было совершенно ясно, что бежавший впереди меня человек – это Валя – только он мог в этот момент держать руку с телефоном у своего уха. Это было в двадцати шагах передо мной, я нащупал на груди револьвер и бросился к нему ближе. Я бы мог в том состоянии, в котором находился, даже стрелять в него, прямо на улице, в упор, и только выбрав для этого момент, чтобы не попасть в прохожих. Но этого не произошло. Он меня заметил, или, вернее, услышал в вечерней тишине стук моих каблучков, подбежавших к нему сзади. Он повернулся на меня и сразу бросился вбок, в широкую подворотню, и потом в темный питерский двор-колодец.

Я включил рацию:

– Преследую его. Он забежал во двор. Справа от подворотни витрина магазина. Нужна помощь!

В глухой подворотне рация, мне казалось, шипела под ухом еще громче, и я ее отключил, но успел услышать голос

Кашина:

– Осторожней, Коля! Я иду...

Я вынул револьвер и вошел в темень двора. Глаза привыкали к темноте, двор был освещен только окнами соседних домов. Тут было все плотно уставлено машинами, и я, пригибаясь и заглядывая в каждый просвет между ними, двинулся по их рядам. Я опасался только его ножа, полагая, что пистолет он не мог бы провести через границу, а нож мог купить здесь где угодно. Поэтому, если бы он сейчас выскочил из-за машины с ножом, то я успел бы остановить его пулей.

В дальнем конце двора было меньше машин, в углу чернели несколько гаражей. Если Валя еще не выскочил за моей спиной со двора на улицу, то мог быть сейчас только там. Я ускорил шаг и остановился перед гаражами. Между ними был узкий проход к ступеням «черного» входа в дом, под жестяным козырьком. Впереди было совершенно черно – в тени от соседнего дома и в стороне от освещенных окон. Я громко крикнул:

– Валя, я пришел за тобой. Или ты поднимешь передо мной руки, или умрешь прямо тут.

Ни ответа на это, ни шороха я не услышал. Я ступил на доски прохода, и они громко скрипнули в тишине. Тут оказалось еще темнее, я ничего не видел ни перед собой, ни под ногами, но он мог видеть меня вполне отчетливо на фоне освещенных окон за моей спиной.

– Валя, ты отсюда не выйдешь. Полиция рядом, двор оцеп-

лен! – тут я вспомнил о своей полицейской рации, щелкнул по выключателю и громко, скорее, для Вали, чем для Кашина, крикнул в микрофон:

– Я нашел его! Он за гаражами, в углу двора. Он не выйдет отсюда!

Одновременно с последними словами, я услышал впереди выстрел – оглушительный в обставленном гаражами проходе, он отдался еще и эхом от жестяных стенок. Меня сильно тряхнуло в левое плечо, и сразу второй выстрел, – ударило выше локтя. Чтобы не опрокинуться и опереться на соседний гараж, я вскинул эту руку, – или, вернее, только захотел так сделать – потому что рука меня не послушалась, не поднялась, и я завалился на стену гаража, сполз по ней боком, ударился затылком и растянулся на спине на досках прохода.

Следующее, что я услышал – как Валя выскочил из-под козырька ступенек у дома и с грохотом бросился по проходу в мою сторону – больше ему бежать оттуда было некуда. Он бежал ко мне, и на каждом его шагу, когда приближался, меня больно подбрасывало на досках, которые были подо мной. Но я не мог подняться и заслонить собой выход из этого прохода, левая рука меня не слушалась, в плече разливалась боль. Но, валяясь так на спине, я успел еще поднять и отвести в сторону правую руку с револьвером.

Но Валя этого не видел в полной темноте, или не успел среагировать. На бегу через узкий проход он перепрыгнул через меня, и в прыжке дважды, не глядя, выстрелил вбок

и вниз – в меня, лежащего под ним на спине. Обе пули ударили в дощатый пол – в сантиметрах от моего сердца и перебитого плеча. От этого доски трягнуло, и сломанные мои кости снова отозвались болью.

Но правая моя рука с револьвером была откинута вбок и лежала наготове. Когда его кроссовки мелькнули над моим лицом, я согнул ее в локте и дважды выстрелил, не глядя, просто вверх, в ночное небо. Через три секунды за моим затылком я услышал удар и падение на землю тела. После этого наступила полная тишина. Я понял тогда, что попал.

Много позже я узнал, что первая моя пуля вошла ему под пупок, прошла наискось живот до сердца и остановилась в нем. Вторая, которая на полшага опоздала, попала в спину у поясницы, скользнула под кожей вдоль позвоночника до лопатки, и там вышла. Эти детали судебной криминалистики, расположение ран, каналов обеих пуль, входных и выходных отверстий, оказались скоро очень важными, чтобы мне избежать суда и не попасть за решетку за убийство. Полковник Смольников постарался сделать все, чтобы так произошло.

Что касается меня, то первая его пуля попала мне в ключицу, переломила ее, срикошетила, но, слава богу, не в шею, а в плечо, и выскочила наружу. Вторая сломала мне руку ниже плеча, и осталась там.

Что было потом, я плохо помню. Меня скоро нашли, делали инъекции, чтобы поднять артериальное давление и вывести из болевого шока, однако потеря крови после обоих

ранений, в плечо и руку, была, на мою удачу, совсем небольшой. Тем не менее, в той же темной щели между гаражами я надолго потерял сознание.

18. В больнице

Когда я очнулся, я не сразу понял, где нахожусь. Сначала было такое состояние или, вернее, видение, как будто я опускаюсь из-под облаков на землю, очень медленно, как на парашюте, потом начал слышать звуки и голоса людей, но они были где-то очень далеко подо мной. Когда я окончательно отошел от наркоза, то все вспомнил – темный двор, выстрелы. Ноющая боль в плече окончательно пояснила, почему я тут оказался, и что со мной случилось.

Плечо, рука и весь верх груди оказались в гипсе, значит, уже оперировали – это хорошо, одним мучением стало меньше. Подвигал ногами и правой рукой – все, как будто, работает. Я оглядел палату – четыре койки, и только на одной кто-то спал. Затем я взглянул на яркие окна и увидел на них решетки. Я не удержался и выругался от изумления. Сосед пробудился и молча обернулся на меня.

– Извини, друг, что разбудил... Решетку на окне увидел. Где это я?

– Больница имени доктора Гааза. Тюремная.

– Зачем мне тюремная?

– Заслужил, значит. Просто так сюда не попадают. Повезло. За что тебя?

– Убил одного. Или не убил, не знаю. Вчера, кажется... Или уже не вчера...

– Позавчера тебя привезли из реанимации – вот и считай, когда убил. Больно?

– Не знаю еще.

Вошла медсестра.

– Как самочувствие, больной?

– Живой.

– Вас в туалет проводить?

– Сам.

– Завтрак сейчас вам принесу. Что-нибудь еще нужно?

– Юрист мне нужен. Как у вас с этим?

– Я передам майору.

– И еще мой телефон.

– Телефоны тут запрещены.

Минут через пятнадцать в палату вошли уже трое, в белых халатах, – двое мужчин начальственного вида и та же медсестра.

– Соколов, как вы себя чувствуете?

– Отвратительно.

– Что болит?

– Ничего. Я просил юриста. Кто из вас юрист?

– Я начальник отделения. А это лечащий врач. Вы под арестом.

– Какого лешего! Я депутат!

– Возможно. Но вы убили человека. Нам передали только это.

– Убил? Слава богу. Как вы меня обрадовали! А то я со-

мневался. Вы уже сообщили обо мне в Законодательное собрание города? Повторяю вам, я – питерский депутат.

– Нет. У нас другая работа.

– Тогда посадить в изолятор надо вас, вы уже нарушили закон – неприкосновенность народного депутата!

– Спокойнее, пожалуйста, Соколов. Судя по бумагам, там стоит подпись полковника Смольникова. Если бы вы не были депутатом, то начальник полиции города вряд ли стал вами заниматься.

– Опять Смольников... Послушайте, я думаю, лично вы ни в чем не виноваты. Вам меня принесли – и вы лечите. За это спасибо. Извините за резкость. Все у меня теперь, кажется, работает, кроме руки. Но мне нужен, прежде всего, мой телефон. Если вы лично соблюдаете законы нашей страны, то, пожалуйста, организуйте это. А ваш Смольников скоро окажется на моем месте, за такими же решетками.

Телефон мне принесли только через день. Но до этого приходил прикрепленный ко мне юрист, недавний студент, очень «зеленый». Он впервые встретился с народным депутатом в тюремной больнице, поэтому ничего толкового сказать или сделать не мог, и ушел разбираться и читать законы. Еще приходил вчерашний майор в белом халате, и мы с ним на этот раз мирно и приятно побеседовали.

Об освобождении меня из этой «тюряги» распоряжения ему не поступало, поэтому я этот вопрос даже не поднимал, да я уже не очень и торопился. Все равно, будет полезнее с

моими защитными ранами, пластиной с винтами, да под гипсом на четверть груди, еще где-нибудь неделю поваляться под присмотром, а тут мне даже нравилось. Ходил я в назначенное время в столовую, ни о чем плохом не думал, общался с больными зеками – они тут казались обычными людьми, тихими и вежливыми, все одинаково напуганные своими болезнями и болями. И вообще эти дни меня не покидало радостное чувство, как от выполненного трудного, но очень полезного дела. На волю я даже не торопился, представляя, как придется одному, и без руки, хозяйничать в пустой квартире.

Когда мне вернули мой телефон, я был уже полностью уверен в своей правоте и в том, что закон будет на моей стороне. Со мной случилось то, что зовется необходимой обороной, и это было мое полное конституционное право. Я не стрелял первым, хотя очень этого хотел и так бы, наверное, поступил в других обстоятельствах. Я только защищался от выстрелов, от которых две пули из четырех перебили мне плечо и бросили на доски. Поэтому я даже не стал названивать знакомым адвокатам и просить их о помощи. На суде я был готов защищать себя сам, безо всякой юридической помощи. Я даже не позвонил в секретариат Заксобрания. Пусть узнают обо всем как-нибудь сами, заодно и пойдем, как в нашем городе закон защищает депутатов. Наши «комиссары» действительно пришли первыми, через несколько дней, когда по состоянию здоровья мне разрешили свидания. Но их впустили ко мне тоже по спецпропускам, как и положено

для зоны лишения свободы.

Это были двое знакомых мне в лицо депутатов из нашей комиссии. Забавно было наблюдать, как они с опаской на все вокруг поглядывали – в нашей больничной, но самой настоящей «зоне», – а разговаривали тихо и осторожно. Принесли они апельсины и персики, передавали привет от депутатов комиссии, но о моих выстрелах говорили как-то неопределенно, и без своей оценки. Я понял, что в комиссии мнения разделились, или у них еще не было информации, или, скорее всего, уже была, но слишком однобокая, из кабинета Смольникова. Вероятно, меня представили, как превысившего полномочия, которых у меня, на самом деле, и не было. Я не имел право участвовать в подобных оперативных действиях. И револьвер был мною получен только для самообороны, а я погнался за тем человеком, выследил и застрелил его. Тем более, на этого убитого мной человека не было заведено уголовного дела, он не был в розыске, даже не значился еще подозреваемым. Кроме того, он был иностранным гражданином, и теперь наверняка начнется трудное разбирательство с их посольством. Поэтому, поскольку народный депутат – то есть, я – был задержан на месте преступления с оружием в руках, а причина и виновник смерти иностранного гражданина несомненны, то арест на месте преступления вполне правомерен по тому же закону о депутатской неприкосновенности. ЧОП, который выдал мне револьвер, заключив со мной трудовое соглашение, сразу его расторгнул, со-

славшись на пункт в договоре о ненадлежащем обращении с оружием, а револьвер потребовал немедленно вернуть после окончания следствия.

В общем, от визита своих коллег я ожидал большей поддержки. Хотя я понимал, что только мы, работники следственной группы Кашина, знали, что это был второй серийный убийца, худший даже, чем первый «лотерейщик»: тот был лишь исполнитель, а этот – несомненный организатор всех убийств. Но нашим депутатам он подавался подчиненными Смольникова чуть ли, не как турист иностранец, случайно подвернувшимся на моем пути.

Тем не менее, все необходимые обращения к прокурору города были уже направлены, и ожидалось, по крайней мере, освобождение меня из-под ареста в тюремной больнице, и в самые ближайшие дни. После этого на общем депутатском собрании будет решаться вопрос о лишении меня неприкосновенности, выдача разрешения прокуратуре для возбуждения уголовного дела и избрания меры пресечения. Мне «вырисовывалось», по меньшей мере, полгода в следственном изоляторе – в лучшем случае, в тех же «Новых крестах», куда мы недавно ездили с Седовым. А если питерский суд под давлением начальника полиции города Смольникова, все-таки признает меня виновным, то еще долгие месяцы апелляций в вышестоящие суды, вплоть до Конституционного. Я все равно выйду на свободу и буду оправдан, но очень нескоро. Все решало, насколько Смольников сумел уже коррум-

пировать судебную систему в Питере.

В общем, слишком рано я радовался окончанию этого дела. Похоже, оно для меня только начиналось. Теперь вместо радости в груди у меня стала нарастать злость. Поэтому первый звонок, который я сделал по возвращенному мне телефону, был полковнику Смольникову.

– Это депутат Соколов. Я тут лежу на больничной койке в очень хорошей больнице, куда вы меня устроили. Спасибо, отлично меня лечат. Вы не хотите, заодно, поздравить меня с пресечением преступной «лотереи смерти» в нашем городе?

– Разве это ваша заслуга? Если убитый вами иностранец даже и был организатором серийных убийств, то он был нужен нам живым, чтобы предстать на суде, хотя бы во избежание новых неприятностей в международном плане. А то, что вы сделали – это называется самосудом, даже при лучшем для вас исходе этого уголовного дела. Думаю, предстоящий суд оценит ваш поступок по достоинству, и точно так же, как я.

– Вы уверены, что я надолго задержусь за решетками и не успею объяснить причины, по которым вы хотите меня изолировать? Полагаю, что в зоне под вашим присмотром я долго не проживу, поэтому пока я депутат, сделаю все, чтобы посадить вас первым. Вы прослушали привет, что я привез вам из вологодской колонии?

– Полная ерунда. Бессильная злоба осужденного преступника. Никто не будет эти сказки слушать. И я уверен, он ни-

когда не подпишется под этим. Это – лишь злобная болтовня, такое можно услышать в зоне от любого зека.

– Скоро будут другие доказательства. Вы не только сядете в тюрьму, вы еще и возвратите свой особняк на Крестовском острове. Это Федеральная собственность. Как вы сумели ее приватизировать? Вы вернете особняк, передадите его детскому садику.

– Ты меня сместишь, Соколов. Я уже старый, где мы будем с женой жить?

– У сына большая квартира, и еще несколько, которые сдаст. Если он откажет старикам, передайте, я займусь им следующим – откуда деньги на четыре новых квартиры у майора полиции?

На этом Смольников разорвал со мной связь, и после этого у меня осталось очень неприятное тревожное чувство.

На третий день мне разрешили посещения. Первым оформил спецпропуск и пришел ко мне Кашин, и тоже принес разные фрукты. Наверное, я в больнице похудел, или как-то изменился, потому что заметил, как он странно на меня поглядывал. Но меня больше интересовало, что произошло на веранде ресторана, рядом на улице, и все прочее. Хотя я и находился под стражей, но имел право это знать. Я оставался депутатом, и не мог быть так быстро исключен из следственной группы и лишен в ней своих полномочий. Это понимал и Кашин.

Поэтому он рассказал мне обо всем кратко, но достаточ-

но, и с важными подробностями. На веранде ресторана произошло тогда следующее. Рассаживал всех Кашин. С арестованного «лотерейщика» сняли наручники, усадили за столик между Седовым и ряженым «сталиным». Женщин-конвоиров посадили за соседний столик. Всем заказали прохладительные напитки и мороженое. Один из оперативников был одет во все белое с фартуком, он разносил между столиками, как официант, и оставался все время на виду. Второй сидел сзади, в проходе на кухню.

С приближением десяти часов напряжение у всех нарастало. И вдруг за минуту или две до этого часа арестованный закричал на всю улицу – «Валя!». Все на веранде вскинули головы в том направлении, и в этот момент он перевернул столик, оттолкнул в стороны Седова и «сталина», рванулся к барьеру и перепрыгнул через цветочные горшки на тротуар. Женский конвой за соседними столиками не успел даже привстать, они только вскрикнули.

Кашин усмехнулся:

– Девочки с пистолетами и моргнуть не успели. Я тогда крикнул в рацию для тех, кто оставался в машинах, – сбежал, давай все за ним! Те из оперативников, что оставались на веранде, уже были не нужны, я их тоже за ним бросил... Но усадил обратно Седова и «сталина», потому что на улице все утихло, как будто ничего не случилось. Валя вполне мог еще придти. И он же пришел, верно? Ведь он вам еще раз звонил?

– Трижды звонил. Первый раз хотел узнать, где его дру-

жок, почему за столиком только двое. Потом во второй раз – почему я не привстал из-за стола, когда он это попросил для проверки.

– Хитрый мерзавец! Он и потом звонил?

– Потом передал всем извинения, что не появился. И пожурил Шато за то, что с ментами связался.

– Правильно вы с ним поступили, комиссар. Туда ему и дорога.

– Однако Смольников теперь хочет судить и посадить меня за это. Решетки заметили на окнах?

– Через несколько дней я вас отсюда вытащу.

– Лучше мне скажите, вы поймали «лотерейщика»?

– На следующее утро, на вокзале. Все окончилось хорошо. Даже лучше, чем я ожидал. Не считая, конечно, ваших ран. Вы меня извините. В этом я, наверное, тоже виноват, не все предусмотрел.

– Я вам так и не рассказал, зачем ездил в вологодскую колонию строгого режима.

– Я догадываюсь, и даже в курсе. Мне сам Смольников немного рассказал об этом. Приказал мне следить за вами.

– Ваш Смольников – преступник, и бывший «оборотень», чудом избежавший наказания.

– Возможно, но было это очень давно. А теперь он – исполняющий обязанности начальника полиции этого города и мой непосредственный начальник.

– Вы предлагаете забыть все прошлые его преступления?

– Я ничего не предлагаю, уважаемый Николай Иванович. Но я полагаю, вам надо быть с ним очень и очень осторожным. Особенно, оказавшись на койке, под этим окном с решеткой.

– Спасибо за совет, майор, обязательно им воспользуюсь. Но для меня часы уже пошли, и чтобы остаться на свободе я должен успеть первым.

– Ваше дело. На всякий случай, и это строго между нами – телефон он ваш поставил на «прослушку».

– Разве это законно?

– Нет.

На этом, после пожеланий скорейшего выздоровления, визит Кашина, завершился.

На другой день меня навестил следователь Седов, и я был очень рад нашей встрече. Мне с ним было всегда легко и интересно, и мы сразу перешли здесь на «ты». После обычных вопросов о здоровье, я дождался, наконец, возможности задать свои вопросы.

– Расскажи мне, как поймали «лотерейщика»?

– В электричке. С раннего утра на вокзалах проверяли по ориентировке все отходящие составы. На Московском вокзале увидели в вагоне похожего на него типа: дремал у окна, рядом с ним девочка-подросток, напротив женщина. Разбудили, попросили предъявить документы, тот сначала замаялся спросонья, но, когда увидел наряд, выхватил из своего полиэтиленового мешка отбитое горлышко стеклянной бутыл-

ки и – к горлу соседней девчонки. В общем, наряд сразу вызвал подкрепление, поезд задержали, начали с ним разговаривать. Но какой-то дурной тот был с утра, – ночь не спал или успел где-то дури курнуть – ничего не понимал и не требовал, только одной рукой прижимал девчонку к себе, а другой водил стеклом по ее горлу, и уже кровь немного из нее потекла. Короче, когда подошли сзади еще сотрудники, ничего другого не оставалось, как на поражение. Стреляли ему в затылок наискось, чтобы не задеть никого. Не задели, все нормально.

– Мертвый?

– Нет, живой еще был, в больницу повезли.

– Не в эту?

– Возможно, в эту самую, она лучшая. Может, еще встретишь его за столиком в столовой, если тут задержишься, – и мы с Седовым немного поохотали.

– Нет, с пульей в голове долго не живут. Что у тебя-то было?

– Да, ничего особенного, но только я никак не рассчитывал, что у Вали мог быть с собой пистолет. Промашку я выдал основательную. Откуда он у него, Сережа?

– «Макаров» с нехорошей историей, снят был с убитого сотрудника год назад. Успел твой клиент забежать к кому-то перед нашей встречей, разбираемся с этим. Машину его тоже нашли, взял ее в Эстонии напрокат в аэропорту. Все теперь установили, новую его польскую фамилию и прочее. Приго-

дится, особенно на суде, когда тебя судить начнут, – и мы с ним опять хохотнули, на этот раз невесело. – Не вешай голову, прорвемся, Коля! А ту сим-карту я уже вынул из телефона, сам верну ее на место, об этом и не думай. Никто не знает и никогда не узнает.

Больше всех я ждал к себе Алену, и она пришла, принесла мне букетик цветов и апельсины.

– Какой вы молодец, Николай! – сказала она мне вместо приветствия, и мне впервые стало легче на душе. Она была первой, кто мне это так просто сказал. Все-таки в глубине души у меня было беспокойно после убийства того человека, хотя и не совсем человека. А когда такое говорит женщина, все сомнения уходят.

– Вы похудели. И стали еще мужественнее.

– Мне нужно сказать спасибо?

– Как хотите.

– Спасибо.

– Вам тут хорошо? – она с сомнением взглянула на черные решетки на окнах.

– Очень хорошо. Я даже хочу тут подольше остаться. Нет, я серьезно. Дома меня никто не ждет, а тут регулярное питание, уход, компания опять же любопытная... Правда, потом могут отсюда больше не выпустить. Вы будете мне тогда приносить передачи?

– Обязательно. Какая-то ерунда с этим произошла... У вас же была необходимая оборона, безо всякого превыше-

ния! Любой юрист докажет! Просто какая-то глупость! Нет, лучше давайте говорить о чем-нибудь хорошем.

– Давайте. Можно о любви?

– Не знаю. Нет, не надо о любви.

– Остается только о плохом. Наш незнакомец больше никого не выпотрошил за это время?

– Нет. Или еще не нашли.

– Тогда будем ждать, делать нечего. Ну, и тема у нас для разговора, ничего другого не можем найти. Точно, как в прошлый раз на похоронах, опять не получается.

– Николай, мы должны обязательно его поймать. Я все время думаю об этом, все время жду, просто мучаюсь по ночам. Мне их так жалко! Женщин всех этих...

– Мне тоже жалко. А у вас еще и женская солидарность. Не надо вам представлять себя на их месте. С ума от этого можно сойти. Вы же никогда не будете на их месте, забудьте это, тут вероятность одна на миллион, или на десять миллионов, – опасней улицу переходить. Я его поймаю, обещаю, специально для вас поймаю.

– Я вовсе не за себя боюсь, я вообще боюсь. Но, знаете, я вам верю. Вы и психолог, наверно, лучше меня.

Так мы перекидывались с ней шуточками еще минут десять, пока не пришла медсестра с уколами антибиотиков. Алена встала и начала прощаться. Я очень хотел сказать ей на прощание что-нибудь нежное, но при медсестре это было уже неудобно.

В конце второй недели в мою палату вошли двое местных начальников в белых халатах, с ними мой «зеленый» юрист, и объявили, что мое содержание у них под стражей заканчивается, мной теперь займутся другие правоохранители, и я свободен. Но я как-то уже привык к своей койке и палате, кроме того, мне больно было трясти свое сломанные кости и переезжать куда-то в другую больницу. Я чувствовал, что мне нужен какой-то уход и бытовая помощь, поэтому попросил оставить меня тут еще на несколько дней. Необычная для них была эта просьба, совсем не по правилам, сразу они не ответили, но, в конечном счете, я тут задержался еще на неделю.

Когда я выходил из больницы, мое плечо было свинчено на пластине, рука держалась выше локтя на стальной спице, оба моих перелома укрывал гипсовый панцирь, прижатый к груди ремненным фиксатором. Тем не менее, я чувствовал себя неплохо. Хотя каждую ночь ныли и болели переломанные кости, и пальцы на руке нормально не сгибались, но общая вялость, обычная при болезнях, уже проходила. Поэтому как-то утром я оделся, собрался, подписал нужные бумаги, получил пропуск на выход за тюремную охрану, вызвал из проходной такси и вернулся к себе домой.

19. Прямой эфир

Через несколько дней покой моей домашней жизни, весьма затруднительной при больной руке, был прерван звонком из секретариата Заксобрания. Милая девушка сообщила, что

назначен день предварительного рассмотрения моего дела по инциденту, повлекшему смерть иностранного гражданина. Будет рассмотрен запрос прокуратуры о начале следствия и о возбуждении против меня уголовного дела. Мое присутствие на заседании комиссии, принимая во внимание, что я нахожусь еще на больничном листе, не обязательно, но крайне желательно. Комиссия будет обсуждать представление полиции и прокуратуры о случившемся, чтобы рекомендовать общему собранию депутатов дать свое согласие на возбуждение против меня уголовного дела и на проведение следствия, или, наоборот, отклонить ходатайство прокуратуры.

Я ответил девушке, что, конечно, обязательно буду присутствовать на этом заседании. Мне не нужно было придумывать, что скажу депутатам комиссии, я все давно решил еще в больнице. Я был во всем прав, а это главное, и мне подобало не защищаться, а нападать. С утра перед заседанием я специально не принимал болеутоляющих лекарств, чтобы не замутнить себе голову, но все-таки немного нервничал, и у меня сильно разболелось плечо.

На заседание я приехал много позже, когда уже заканчивался очередной доклад полиции о положении в городе, и его обсуждение депутатами. Этого я слушать не хотел, тем более вникать и обсуждать – я еще не отошел от событий минувших недель. Мое персональное дело по повестке дня должно было рассматриваться в «разном». Поэтому я еще немного посидел в коридоре и зашел в зал только когда председатель

объявил это «разное».

Стараясь не привлекать к себе внимание, я прошел в конец длинного стола, занял свободное место и осмотрел присутствующих. Сразу бросились в глаза двое в полной представительной форме рядом с председателем. Это были заместитель прокурора города, и сидевший с ним рядом и.о. начальника полиции города полковник Смольников. Я прислушался и вник, что говорил председатель.

– Товарищи депутаты, члены комиссии Укрепления правопорядка, сейчас мы должны рассмотреть, очень неприятный вопрос внутреннего характера, о разрешении проведения следствия по делу нашего депутата Соколова Николая Ивановича, и возбуждения против него уголовного дела. Прошу членов комиссии учесть в своих выступлениях, что по настоянию большинства депутатов, репортаж с этого заседания нашей комиссии транслируется в прямом телевизионном эфире. Поэтому прошу, так сказать, соблюдать корректность. Первым по этому вопросу выступит и.о. начальника полиции нашего города полковник Смольников. Вам слово, полковник.

– Товарищи депутаты, буду краток, поскольку суть этого вопроса была уже ранее доведена до вашего сведения в печатном виде. Депутат Соколов, рекомендованный вами и допущенный нами к совместной работе в полиции, самовольно, без получения на то разрешения от руководителя группы, вмешался в оперативные действия, на что не имел право,

начал преследование подозреваемого, в результате чего им был убит иностранный гражданин. При этом Соколов применил оружие, выданное им только для личной обороны. Полагаю, это крайне возмутительное преступление должно быть по всей форме расследовано, получить правовую оценку в суде, а виновный понести наказание. На этом у меня все.

– Спасибо, полковник Смольников. Заслушаем теперь по этому вопросу заместителя прокурора города. Прошу вас.

Заместитель прокурора города повторил все сказанное Смольниковым, и из нового добавил только следующее:

– Хочу сразу отместить возможные домыслы, что народный депутат защищен законом от любого задержания, следствия и суда. Это неверно. И данный случай с депутатом Соколовым тому пример. В законе наше страны ясно прописано, что в случае задержания депутата на месте преступления, с неоспоримыми уликами, он подлежит аресту, с последующим проведением дознания, следствия, и так далее, как обычный гражданин. Депутат Соколов был задержан на месте преступления с револьвером в руке, из которого и был убит иностранный гражданин. Поэтому прокуратура города в моем лице официально ходатайствует перед Заксобранием о снятии депутатской неприкосновенности с депутата Соколова, привлечении его к следствию по этому делу, и заключении его по суду под стражу.

После этого председатель предложил депутатам задавать вопросы обоим выступавшим, но, поскольку никто их не за-

дал, выдержал долгую паузу и сказал:

– Теперь я попрошу депутата Соколова ответить на эти очень серьезные обвинения и высказать личное мнение о случившемся. Прошу вас, Николай Иванович.

Я встал и начал говорить, сначала очень неуверенно, но потом, как начал вспоминать все подробности, от заманивания к нам этого серийного убийцы и до выстрелов его в меня, стал все больше распалаться. Но более всего меня злило, что приходилось оправдываться, как будто я сделал что-то плохое и недостойное. Все бумаги, которые Смольников заранее представил депутатам, были насквозь лживы, все в них было подтасовано, перевернуто с ног на голову, по ним я действительно выходил злостным преступником. Поэтому я чувствовал, что любые мои слова кажутся им сейчас жалкой попыткой оправдаться, и было это не только оскорбительно для меня, но и бесполезно, по крайней мере, в этот раз и в такой обстановке. Вообще, для пользы дела, мне нужно было говорить спокойнее, рассудительнее, взывая к логике. Но меня возмущал сам этот факт, что приходится оправдываться из-за хорошего, на мой взгляд, поступка, когда все так очевидно: серийный убийца первым четырежды стрелял в меня, моя рука была перебита, а если я не задержал его, то остановил навечно, и этот нелюдь получил по заслугам. Когда я это говорил, то обращался к депутатам и смотрел только на них, перескакивая взглядом через двоих в форме. Но когда случайно всмотрелся в наглые и ухмыляющиеся глаза

полковника Смольникова, меня прервало.

– Полковник Смольников, вы вообще знаете законы нашей страны? Вы знаете, что такое необходимая оборона?

– Прекрасно все я знаю! – Смольников грубо прервал меня. – Однако, вы сейчас, Соколов, сидите среди нас, уверенный и наглый, а убитый вами иностранный гражданин лежит в морге. Кто из вас стрелял первым?

– Это вам скажет любой грамотный человек, прочитав заключение мед эксперта: человек с пулей в сердце никак не мог стрелять четыре раза подряд, да еще из разных мест и положений. Мог стрелять только первым, а потом уже получить пулю в сердце. Этого вам не достаточно? Вам, полицейскому со стажем, достигшему такого высокого положения! И это, несмотря на свой личный опыт – опыт преступника! – опыт «оборотня» в погонах, на счету которого вымогательства и многие убийства!

Когда я произнес последние слова, сразу краем глаза заметил, как все головы за столом дружно повернулись в мою сторону. Глазок телекамеры в конце стола тоже дрогнул и приподнялся – прямой телевизионный эфир оперативно переносил крупным планом мое лицо и голос в квартиры петербуржцев.

– Вы, Смольников, преступник! Рэкетир и убийца! Ваше место – не в кресле начальника полиции города, а в тюрьме! Я, как депутат, избранный гражданами Петербурга, обвиняю вас в преступлениях, совершенных вами пятнадцать лет на-

зад.

Я взглянул на председателя и по изменившемуся его лицу понял, что он сейчас меня прервет, поэтому поторопился:

– Вы, Смольников, пятнадцать лет тому назад вымогали у предпринимателей сотни тысяч долларов, убивали со своими подручными всех, кто вам мешал или готов был дать показания и привлечь вас к ответственности. Вы недавний «оборотень в погонах», один из тех, кто навсегда замарал честь правоохранителей нашего города, и кто избежал правосудия, а теперь – неизвестно почему! – в двух шагах от занятия высшей должности в полиции нашего города. Только поэтому вы хотите посадить меня и заткнуть мне рот. Но вам это не удастся! Я обещаю вам – вы сядете в тюрьму раньше, чем сможете упечь туда меня. Против вас – свидетели и факты, у вас же – ложь и подлог...

– Достаточно, Николай Иванович! Достаточно! – привстал и прикрикнул председатель, но я еще не закончил:

– Как только у меня заживет рука, я сразу всем этим займусь. Вы понесете, полковник, заслуженную кару за свои преступления. Я вам обещаю это!

– Николай Иванович, хватит! Это выглядит как уличный скандал. Нас смотрит сейчас весь Санкт-Петербург. Так нельзя! Мы здесь укрепляем правопорядок, а не разбалтываем его! Я понимаю ваше состояние после ранения, но мы не можем тут начинать судить и оскорблять, кого бы то ни было.

Председатель сделал длинную паузу, и над столом повисла неловкая тишина. Никто не понимал, как реагировать на все это, и что можно после этого сказать или спросить. К моему удивлению, после паузы председатель добавил следующее:

– Тем не менее, я против лишения Соколова депутатской неприкосновенности и возбуждения против него уголовного дела и следствия, меня не убеждают предоставленные полковником Смольниковым факты. Более того, я полагаю, мы должны обратиться в Москву с просьбой направить к нам по этому делу своего независимого следователя.

Я не стал дожидаться выступлений депутатов по всему тому, что они здесь услышали, их голосований и вынесенных решений, я встал из-за стола и направился к выходу. Заметив, как глазок телекамеры повернулся и стал провожать меня, я обернулся к нему и помахал нашим телезрителям на прощание рукой.

На следующий день после открытого эфира вдруг раздался звонок телефона с неизвестного мне номера:

– Я извиняюсь, это Николай Соколов? Вы меня не знаете, а если видели в суде давно, то, конечно, не помните. Я вам звоню по тем делам пятнадцатилетней давности, об «оборотнях», о которых вчера упоминалось в репортаже. Я вас сразу узнал вчера по телевизору. Ночью не спал, все вспоминал... Я знаю всех, кто работал тогда со Смольниковым, я сам работал в его отделе пятнадцать лет назад. Это такая гнида! Я знаю всю кухню этих «оборотней»!

– Слушаю вас. Очень рад вашему звонку! У меня сразу вопрос – на суде выступите? Вы очень этим поможете!

– На суде? Вот этого не знаю... Но если что другое... расскажу.

Я его поблагодарил, и номер телефона этого человека у меня остался.

20. На детской площадке

После воскресного шоу, перед выходным днем, Ураев привез Любу к себе домой. Утром, после позднего завтрака он спросил:

– Ты мне поможешь?

– Ну, конечно. Что нужно?

– Тут, недалеко, по дороге к газпромовскому небоскребу.

Там есть детская площадка.... Ты мне поможешь увести оттуда девочку.

– Зачем?

– Ты знаешь зачем!

– Никогда!

– Люба... – сказал он угрожающим тоном и подошел к ней. – Ты это сделаешь. И чтобы все получилось тихо и без криков.

– Оставь меня в покое! Тебе нужно в больницу!

– Я знаю, что мне нужно. И ты мне поможешь! – он взял ее выше локтя и сильно сжал.

– Мне больно! Я не пойду с тобой, отпусти!

– Мы пойдем с тобой на площадку, выберем там маленькую девочку, и ты уговоришь ее сесть в мою машину.

– Ты – зверь!

Ураев размахнулся и сильно ударил ее сбоку по лицу. Люба опрокинулась, как пластиковая кукла упала и ударилась

головой о пол. Она даже не попыталась встать, а перевернулась на грудь и затряслась в истеричном рыдании. Ураев присел на кровать рядом.

– Не реви, хватит, успокойся. Не ори, тебе говорю, соседи слушают!

– Я уеду, я не могу больше тебя видеть!

– Уезжай. Сейчас же! И чтобы в клубе я тоже больше тебя не видел! Гуляй себе дальше по панели!

Люба затряслась на полу еще сильнее, но уже тихо, зажимая себе рот руками.

– Ну! Долго ты еще? Или убирайся отсюда!

– Я не могу это, пожалей меня! Я все сделаю для тебя, только не такое. Пожалуйста, не делай этого!

– Успокойся. Просто отвезем ее на дачу. И ты можешь сразу уезжать.

– Отпусти ее потом! Пожалей!

– Хорошо. Я отвезу ее потом с разрезанным животиком к доктору.

Люба распласталась по полу и снова затряслась в беззвучном рыдании. Потом приподняла к нему лицо и дрожащим, срывающимся голосом попросила:

– Убей меня лучше, убей, я не хочу больше жить! Убей!

Ураев встал с постели, прошел в кухню и заварил кофе. Через пять минут он крикнул в дверь:

– Кофе хочешь?

Люба еще несколько минут лежала, но все-таки тяжело

поднялась и прошла в ванную. Когда она умылась и присела в кухне за стол, Ураев сказал.

– Я ничего не сделаю ей сегодня, я тебе обещаю. Просто отвезем ее на дачу. Ну, мир?

– Но потом ты ее убьешь?

– Опять начала! Да, я такой, я зверь, я не знаю, кто я, но я не могу без этого! Не могу! Ты это понимаешь!

– И не хочу понимать, не хочу... – она уже не плакала, просто неподвижно сидела за столиком и смотрела в окно. – Лучше мне умереть. Правда. Лучше всего.

– Еще успеешь, все там будем. Я, может, тоже хочу, все этого хотят. И что!

– Отпусти меня, пожалуйста, не заставляй меня это делать, я не смогу после этого жить, это же ребенок!

– Один только раз. Ты ничего не будешь знать, тебя с нами не будет, и ты ее больше никогда не увидишь. Ну, договорились?

Люба не могла ответить, ни согласиться, ни отказать, она даже не могла решить, что ей теперь делать, внутри у нее все остановилось и оцепенело. Если бы сейчас рядом оказались рельсы и поезд на них, она бы не раздумывая, бросилась под него. Это было бы самое лучшее, самое простое и верное.

– Ну, пойдем? Одевайся. Возьми что-нибудь теплое на вечер, и для нее тоже.

Как во сне, в ступоре, она оделась, пошла за Ураевым, и тот крепко держал ее за руку. Они проехали на машине два

квартала, вышли, и, не доходя детской площадки, присели у дома на скамеечке. Минут десять Ураев внимательно наблюдал за играющими детьми. Потом, не поворачиваясь и не отрывая глаз от детей, сказал:

– Видишь ту, в зелененьком, около качелей? Она одна. Видишь? Я тебя спрашиваю! Видишь?

– Вижу.

– Возьми эти конфеты, – он вынул из кармана горсть шоколадных конфет, – угости ее, поговори о чем-нибудь, сама придумай о чем! Скажи, мама просила за ней заехать и отвезти домой. Улыбайся, не реви! Приведи ее к машине. Никто из взрослых не смотрит, все будет хорошо. И не торопись. Успокойся и делай все тихо – наверняка! Если тут не получится – придется ехать в другое место. Поняла?

Неуверенной и шаткой походкой Люба подошла к этой девочке. Присела перед ней на корточки, протянула на ладони конфеты, заговорила с ней. Ураев внимательно следил за несколькими взрослыми, что сидели невдалеке – никто не обращал на них внимания, все были заняты своими детьми. Он не ошибся, девочка была тут одна, а это было самое главное. Он несколько раз уже приходил сюда раньше, подолгу сидел, наблюдая за детьми, и уже мог легко определить, кого из детей тут оставили одних, пока их взрослые уходили по своим делам. Самого Ураева в детстве бабушка часто оставляла одного в одном или другом дворе с песочницей и незнакомыми детьми, и он считал это нормальным, привычным, а

теперь еще и лучшим местом для своей цели.

Когда издали Ураев заметил улыбку на лице Любы, ему стало спокойнее – с утра он видел только испуг и слезы на ее лице. Когда же она начала показывать девочке рукой на их машину, Ураев поднялся со скамеечки, и очень спокойным шагом направился туда же.

Когда Люба привела девочку, Ураев уже сидел за рулем и наблюдал в боковые окна за взрослыми на детской площадке. Никто из них не встал и не показался ему чем-либо встревоженным. Задняя дверь машины была им уже открыта, Люба выпустила девочку и села рядом. Ураев еще раз оглядел детскую площадку и тронулся.

– Тебя как зовут? – спросил Ураев, когда они немного отъехали.

– Леночка.

– Вот и познакомились. Сейчас мы остановимся у магазина, купим с тобой шоколадок, пирожных, конфет. Какие твои самые любимые?

– Не знаю. Всякие, А где моя мама?

– Мы едем к твоей маме, будем с ней пить чай с пирожными и конфетами. Как папа зовет твою маму?

– У меня нет папы.

Они остановились у магазина, и Ураев вышел. Когда он вернулся с двумя свертками, в машине было тихо. Девочка глядела в окно, Люба невидящими глазами смотрела куда-то перед собой. Чтобы разогнать гнетущую тишину, Ура-

ев включил радиоприемник и нашел музыку.

– Сейчас мы поедem на дачу, и там нас ждет твоя мама. Ее сегодня рано отпустили с работы.

– Из школы?

– Да, мы с ней вместе работаем. Сегодня у нас будет праздник. Будет весело, тебе понравится. Скоро приедем, это недалеко. Ты знаешь, что еще я купил для тебя? Куклу. Держи. Тетя вынет ее сейчас из коробки.

Через час они въехали в ворота дачи. В доме было прохладно, и Ураев включил сразу все электронагреватели.

– А где моя мама? – спросила девочка и начала всхлипывать.

– Она опаздывает, мы начнем кушать торт без нее, и она как раз приедет.

Он тихо и раздраженно сказал Любе:

– Поиграй с ней!

– Не могу.

Ураев включил старенький телевизор, нашел что-то детское, и усадил девочку в кресло.

– Поставь чайник, собери на стол, не будь такой мегерой!

Люба непослушными, как будто ватными руками занялась хозяйством. Когда доставала из колодца воду, заглянула вниз, в глубокую холодную темень. На несколько мгновений задержала там взгляд, вздрогнула и отпрянула. Принесла полное ведро, поставила чайник на электроплитку, накрыла скатертью стол.

По телевизору шли забавные для девочки мультики, она оживилась, чему-то радовалась, смеялась, хлопала в ладоши. Ураев подсел к ней рядом, обнял за плечи, прикладывал к ее волосам лицо, как будто вдыхая ее запах. Потом он начал ее гладить, сначала волосы, затем тоненькую шейку, спину, легко обнял за талию. За столом Ураев усадил девочку рядом с собой, угощал, смешил, и та заливалась счастливым смехом. Люба следила за ними краем глаза, и думала, ужасаясь, – кто перед ней? Счастливый папочка с дочкой или страшный сумасшедший человек, который ее убьет через час в этой же комнате? Даже понимая и зная, чем это неминуемо закончится, у нее в груди не угасала надежда, что все обойдется, он не мог так искренне радоваться этому ребенку, если бы в нем не оставалось хоть немного человеческого, доброго, такого, как у всех людей. Ведь в нем есть хорошее, но скрытое и несчастное, недаром она его полюбила, она не могла ошибиться в своих чувствах, она его любит, по-настоящему, как никогда и никого не любила. Если бы эта девочка – только бы представить такое чудо! – была их ребенком, как бы они были счастливы, как бы у них все хорошо сложилось, как бы она заботилась о них, как любила! Она ведь так всегда хотела свою семью, сидеть вот так же втроем или вчетвером за чайным столом и так же беззаботно смеяться, как эти двое...

В комнате было уже жарко от нагревателей. Ураев разделся до футболки и стал расстегивать кофточку у девочки.

– Давай это снимем, Леночка, стало так жарко!

– А где моя мама?

– Твоя мама позвонила сейчас по телефону, просила тебе передать, что ее в школе опять задержали. И чтобы ты после чая легла в постельку, как всегда. А проснешься – она уже с нами. Ну, давай баиньки на часок, давай?

У Любы после этих слов внутри похолодело. Она пристально всмотрелась в радостное лицо Ураева, силясь понять, что он задумал. Было ведь еще совсем светло, неужели он начнет с девочкой делать что-то прямо сейчас, в этой единственной в доме жилой комнате, при ней, совершенно не беспокоясь, как она сможет это видеть и слышать, а потом и жить с ним, как будто этого никогда не случилось. Что со мной происходит! Как я до этого дожилась!

– Люба, ты нам постелешь кроватку? Мы так хотим спатеньки.

– Я не хочу спать. Я хочу к маме. Где моя мама? – и девочка тихо всхлипнула.

Люба молча начала стелить широкую кровать. Она уже ни о чем не думала, не надеялась, не ждала. Хотелось скорее уйти, убежать отсюда как можно дальше, никогда больше не видеть ни его, ни этой дачи со свежими могилами у забора, ничего не знать, и все навсегда забыть.

Ураев поднял девочку на руки и уложил в кровать, но та продолжала всхлипывать, размазывать по лицу слезы и крем от торта. Когда Люба постелила простыни, положила подушки и одеяла, отошла и остановилась, не зная, что ей после

этого делать, Ураев очень тихо ей сказал:

– Постели еще сверху полиэтиленовую пленку, как в прошлый раз.

Люба очень медленно и аккуратно постелила пленку, разгладила ее ладонями, отошла от постели, повернулась и в последний раз взглянула на девочку.

– Ты не хочешь поиграть с нами в постели? – спросил ее Ураев еще тише, сидя уже на кровати и снимая брюки.

Люба не ответила. Она вышла из комнаты в сени, потом на крыльцо, опустилась на ступени, но посидела тут недолго. Вернулась обратно в сени и подошла к лестнице на чердак. В детстве она часто лазила туда играть, а когда повзрослела, помогала матери и поднималась на чердак с тазом мокрого белья, потом развешивала его там на веревках.

Она взглянула вверх, в проем на потолке, и, как будто решившись на что-то, быстро забралась туда по шаткой лесенке. Все тут было ей знакомо с детства, но теперь захламлено старыми вещами и очень пыльно. С толстой поперечной балки свисали никому теперь не нужные и потемневшие от сырости бельевые веревки. Люба распутала две самые длинные, отцепила бельевые прищепки, сложила вдвое и проверила их на прочность, подергав за концы. Перекинула сдвоенную веревку через балку над головой и на свободном конце завязала петлю-удавку. Проверила веревку еще раз, ухватив петлю обеими руками, повиснув и приподняв ноги.

Под Любиными ногами, под несколькими слоями до-

сок, находилась комната, где остались Ураев с маленькой несчастной девочкой. Люба прислушалась, девочка успокоилась, не плакала, и Ураев ей что-то ласково говорил, но слов было не разобрать. Люба отошла в угол, ухватила рукой старый, знакомый ей с детства сундучок, и подтащила его под петлю. Взобралась на сундучок, надела себе на шею удавку, затянула ее потуже, закрыла глаза и прыгнула вниз.

Как только Люба повисла в петле, от неожиданной боли из-за врезавшихся в шею сдвоенных тонких веревок она испугалась, стала биться, раскачиваться, пытаясь ногами подтянуть обратно под себя сундучок. Но она прыгнула от него слишком далеко. В глазах начало туманиться, а боль от веревки уходит, как и все остальное из ее жизни. Она почти перестала уже биться, будто получила, наконец, то, что желала, взобравшись на этот чердак – вечный покой. Однако старые гнилые веревки не выдержали ее предсмертных рывков и оборвались, сначала одна, за ней и вторая. Уже потеряв сознание, одной ногой в другом мире, Люба упала и очень сильно, громко ударилась головой о доски.

Внизу, в комнате, от неожиданного удара в потолок, девочка вскрикнула и стала громко плакать. С этой минуты она плакала, уже не переставая, умолкая только, когда совсем выбивалась из сил.

Ураев вскочил с кровати и задрал голову к потолку, откуда сыпался из щелей мелкий сор. Он так увлекся тем, чем занимался, что не мог сразу сообразить, что там могло стря-

стись, и как туда залезть, чтобы это выяснить. Когда, наконец, он пришел в себя, то выбежал в сени и сразу полез по лестнице наверх.

Люба лежала навзничь, на ее груди – кольца бельевой веревки с туго затянутой петлей, врезавшейся глубоко в шею. Припав на колени рядом с ней, Ураев попытался ослабить удавку, но ничего не получалось. Только глубоко вдавив пальцы в ее тонкую шею, он сумел ослабить узел и растянуть петлю. Под ней, на посиневшей шее, багровели сдвоенные полосы от веревок. Он приложил ухо к ее сердцу, затем щеку к полуоткрытым губам, начал ритмично надавливать на грудь, – как видел, такое делали в кино с утопленниками и ранеными. Люба не подавала признаков жизни, и он не мог понять, жива ли она, но потащил ее к лестнице. С трудом и не сразу, сумел спустить ее вниз по шатким ступенькам, – и все это происходило под несмолкаемый крик и плач девочки за дверью комнаты.

Спустившись, он понес Любу не в эту комнату, из-за бесящего его детского плача, а на крыльцо. Положил ее на верхние ступени и снова старался разобраться и понять, жива ли она, и что делать с ней дальше. Увидав Любу на чердаке с петлей на шее, Ураев испытал сначала одновременно и шок, и панику, и страх за ее жизнь. На крыльце же она теперь лежала такой тихой и бледной, что он почувствовал жалость к этому худенькому неподвижному телу. Она была единственной, кто его любил и жалел, с кем он даже дружил, расска-

зывая иногда о себе, обо всех своих горестях и радостях. Теперь он остался совершенно один, ему не с кем перекинуться даже словом – он будет всем страшен и отвратителен, если расскажет что-нибудь про себя, и лишь она, зная все это, любила его. Только в эти минуты он понял, как было ему это нужно, и он всего вдруг лишился.

Он понес ее на руках с крыльца в машину, и, прижавшись к ней, чувствовал, что она еще не похолодела, мертвенное оцепенение не наступало. Он хотел верить, что она жива, ей нужно только чуть-чуть помочь, и она придет в себя. Он уложил ее на заднее сидение, сбегал в дом и принес ее одежду, одеяло с постели, бережно укутал ее. Она была теплой, глаза ее были закрыты, и Ураев окончательно поверил, что она жива, и надо было ее куда-то везти, а не закапывать тут, у забора, о чем он уже успел подумать.

Ураев побежал в дом за своими вещами, и опять в комнате ему по ушам хлестнул детский крик и плач. У него в голове мелькнуло – что теперь делать с этой девочкой? – было уже не до игр, да и плач ее, наверное, будет уже никогда не унять. Он открыл люк в подвал рядом со столом и заглянул вниз – из темноты на него пахнуло холодом и вонью гнилой картошки. Отпихнув на постели девочку, он вытянул из-под нее простыню, одеяло, и сбросил их в люк, то же самое – со вторым одеялом и подушкой. Из холодильника вытащил все оставшееся от чаепития, и, свалив все в коробку от торта, опустил туда же. Морщась от несмолкаемого плача, он кое-

как одел девочку, на руках опустил ее вниз, в холодную темень подвала, и захлопнул крышку люка. Плач прекратился, и Ураев с облегчением побежал к своей машине.

Когда включил там тусклый свет, и снова рассмотрел Любино лицо, чтобы понять, жива ли она, в глаза ему опять бросились полосы от петли на ее шее. Теперь они выглядели, как темно синие сдвоенные борозды, похожие на жуткое ожерелье. От этого в голове у него понеслись беспокойные мысли – если им ехать сейчас в больницу, это означало разбирательство и неминуемое привлечение полиции. Любому врачу сразу станет ясно, что с ней произошло, а в больницах имеются инструкции для подобных случаев. Как бы ни было сейчас важно для Любы, но теперь это отпадало – чем бы для нее ни закончилось. Однако если ехать с ней к нему домой – тогда, возможно, придется через некоторое время расчленять ее труп, чтобы вытащить и избавиться от него – ведь она может умереть без медицинской помощи и завтра, и послезавтра. Поэтому Ураев, выехав на шоссе, поехал к Любиному дому.

По дороге он остановился, сбегал в магазин и купил еду, молоко. Когда они въехали во двор ее дома, наступили уже сумерки. Людей вокруг было мало, и не обращая ни на кого внимания, он на руках отнес ее в квартиру. Когда он укладывал ее в кровать, ему показалось, что она пошевелила руками, повернула голову. Он сел рядом с ней, и стал тихо ждать, когда она придет в себя. Так прошло несколько часов. Ино-

гда он засыпал, но начинал сползать со стула, и тогда сразу просыпался. Уже на рассвете, когда он так очнулся, увидел, что она смотрит на него. Первой была у него мысль, что она все-таки умерла – так неподвижно глядят только мертвецы, и сразу сонливость отлетела. Он близко нагнулся к ее лицу и почувствовал легкое дыхание на ее губах.

– Люба... ты меня слышишь?

Она чуть заметно кивнула и закрыла глаза, из сжатых ее век выкатились слезы. Еще через несколько минут она попросила:

– Помоги мне встать. Мне нужно в ванну.

Ураев бережно довел ее до двери. Он остался стоять и ждать, когда она выйдет, он не мог поверить, что так легко этот кошмар для него закончился.

– Я бы что-нибудь съела, – сказала Люба, когда вышла из ванной. Он пошел с ней на кухню, присел и смотрел, как она с аппетитом ела. Когда вернулись в комнату, она снова легла.

– Еще полежу. Ложись рядом, ты не спал...

Ураев разделся, неловко лег рядом и сразу отодвинулся от нее, но потом потянул руку и легко тронул ей волосы. Через минуту он заснул на несколько часов, и проснулся от шума воды в ванной. Испуганный, он вскочил: спросонья ему показалось – петля и вода могли означать одно и то же. Но послушав прерывистый плеск воды, он успокоился. Через полчаса Люба вышла, и он прошел в коридор, чтобы взглянуть на нее.

– Как ты себя чувствуешь?

– Лучше. Голова только болит. Что ты на меня так смотришь? Ужасно выгляжу? Вернулась с того света? Не ожидал?

– Нет... эти синяки на шее. Надо будет как-то объяснить их в клубе. Нельзя тебе на сцену.

– Повяжу что-нибудь сверху, никто не увидит. Я не могу тут сегодня сидеть одна.

– Отдохни. Я что-нибудь скажу менеджеру.

– До вечера долго, я отдохну. Пожалуйста, не отговаривай меня...

– Как хочешь. Но мне надо еще домой.

Ураеву хотелось побыть одному, он очень устал от всего вчерашнего. И надо было переодеться перед клубом – вчера он уехал из дома, одевшись в старое, для поездки на дачу.

Они посидели еще полчаса, выпили кофе, и он стал собираться. Только тогда Люба решила спросить:

– Где девочка?

Ураев долго молчал, надевая туфли, потом ответил:

– Я оставил ей еды, все, что там было. И одел.

– Она же маленькая, она ничего сама не может! Где она?

– В подвале.

– Господи...

– Ничего страшного, я сегодня к ней поеду.

– Чтобы убить?

– Не знаю.

Когда Люба осталась одна, она села за стол, охватила го-

лову руками и, уже не сдерживаясь, громко зарыдала.

Вернувшись домой, Ураев позавтракал, – он любил и умел готовить себе еду. Затем поставил будильник, прилег и заснул на несколько часов. Каждый вечер танцы на сцене требовали полной отдачи, всех его эмоций и всех сил.

Вышел он из дома, как обычно, за два часа до начала шоу, свежий и отдохнувший. Но как только он открыл дверь на лестничную площадку и сделал шаг за порог, он чуть не столкнулся с молодой женщиной. Она осматривала его дверь, или, возможно, ждала кого-то около его квартиры. Она явно смутилась, когда их глаза встретились. Несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, но затем женщина быстро отвернулась, и постучала каблучками вверх по лестнице. Это было тоже необычно – все жильцы здесь поднимались на лифте. Ураев проводил взглядом ее спину, и только потом запер свою дверь.

21. Звонок Алены

Я узнал, что похитили маленькую девочку с детской площадки около газпромовского небоскреба от Алены. Она позвонила мне рано утром, очень взволнованная, и сбивчиво рассказала все, что ей было об этом известно. Единственная свидетельница на детской площадке видела, как девочку увела молодая женщина, они сели в поджидавшую их машину и сразу уехали. Девочка не сопротивлась, и как будто, была знакома с той женщиной. Ничего подозрительного в этом никому на площадке не показалось. Попытались с той свидетельницей составить фоторобот той женщины, но ничего из этого не вышло.

Голос Алены в телефоне был беспокойный, почти взвинченный:

– Николай, я знаю, кто мог это сделать! Тот самый, который кликнул по педофильной рекламе на «лотерейном» сайте, которую мы вывесили. Он живет совсем рядом с той детской площадкой. Я уже узнала по нашим каналам его адрес и фамилию! Ваша гениальная идея взлома «лотерейного» сайта снова результаты.

– Кашин в курсе?

– Он говорит, для обыска нет оснований. Но я думаю – достаточно! А вы?

– Не знаю. Надо сначала понаблюдать за ним...

Я не был готов высказать свое мнение, я еще не вник новый оборот дел, и мало что знал. И вообще мы занимались маньяком, а не вероятным педофилом, кликнувшим по подставной рекламе. Но Алена еще более возбужденно крикнула мне в ухо:

– Мы опоздаем, эти нелюди не будут дожидаться! Позвоните Кашину, Николай, пожалуйста, вы – депутат. Надо срочно делать у него обыск!

– Хорошо, Алена, я позвоню ему, сейчас же. Только не делайте, пожалуйста, глупости.

– Разве я когда-нибудь делала глупости!

Я позвонил Кашину, и сразу почувствовал, что ему сейчас не до меня.

– Послушайте, Николай Иванович, у меня есть список более десятка подозреваемых педофилов, уже отсидевших даже по этой статье, из них половина – рецидивы. Никто мне ордер на обыск даже этих людей не даст, а вы хотите, чтобы дали из-за одного клика мышью по той провокационной рекламе, неизвестно еще законной ли! Так не работают в полиции, вы совсем новичок. Прошу меня понять, комиссар! Но я обязательно буду вас держать в курсе, не беспокойтесь, пожалуйста. Как ваши раны?

– Неплохо.

Алене я после этого не перезвонил, и теперь жалею об этом. Днем я ездил в больницу – ранее был назначен рентген моих переломов и прочее. После этого доктор сказал,

что все хорошо, кости начали срастаться, показал мне рентгеновские снимки и все на них объяснил. Нужен был покой, но в дальнейшем придется снимать пластину, крепежи, в общем, восстановление займет не меньше года, а то и дольше. Вернулся я домой уже к вечеру, растревоженные за день переломы сильно болели, поэтому ко всем обычным своим лекарствам пришлось принять сильное обезболивающее. Голова у меня тоже раскалывалась. Незадолго до восьми часов вечера раздался телефонный звонок.

– Николай, добрый вечер, это Алена. Не помешала? Слушайте, такое дело... Это очень и очень важно, слушайте меня! Когда я утром узнала имя и фамилию этого педофила – будем так его пока называть, – я через нашу службу вышла на тех, кто занимается видеокамерами слежения за автотранспортом. Так вот, среди автомашин, которые попадали в поле видимости камер, установленных вблизи дома убитой женщины психиатра, в то время была и белая «Ауди», зарегистрированная на этого Ураева. Это тот самый человек. Это он! Я уже позвонила Кашину, и он начинает, наконец-то, раскачиваться, что-то уже делает. Но я не могу сидеть, сложа руки. Не могу, когда я чувствую, – да, я чувствую это! – он тот самый «потрошитель», которого мы ищем. Я извелась вся, думая обо всех тех невинных женщинах, которых он убил – я уже вам это говорила! Они мне по ночам сняться! В общем, так, Николай, я начинаю действовать, уже начала!

– Алена, так нельзя! Это очень опасно, это все испортит.

Нельзя ничего делать в одиночку!

– Вы сами недавно это делали.

– И чудом остался жив. Нельзя, Алена! – ее возбужденный голос заражал меня нервозностью.

– Я ничего такого не делаю, и мой рабочий день давно закончился. Сейчас я вам расскажу, как хочу провести этот летний вечер. Никого я не собираюсь задерживать с пистолетом, как делали вы. Пожалуйста, не беспокойтесь. Но я еще не закончила, это далеко не все. Слушайте меня дальше, и очень внимательно.

– Я сейчас нахожусь на Невском проспекте, рабочий день мой закончился, поэтому не хочу звонить в отдел и предупредить о том, что собралась делать. Это пустяк, и лучше я вам сейчас это расскажу, но только на всякий случай. Для проформы, так сказать.

Голос у нее был одновременно веселый, шуточный, и беспокойный. Но я приготовился услышать что-нибудь опять очень неприятное.

– Пару часов назад я не выдержала и поехала по тому адресу, к газпромскому небоскребу. Там педофил этот живет, я утром вам об этом говорила. И, возможно, не только педофил, но одновременно и тот самый «потрошитель». Хотела просто осмотреться, поговорить с тетушками на лавочке, этак по-женски, и прочее. Но потом поднялась на его этаж, и тут он вдруг вышел из своей квартиры. Знаете, мы, наверное, несколько секунд глядели друг на друга. Страш-

ный взгляд. Или мне стало это чудиться теперь повсюду. Потом он спустился вниз, а я за ним. Короче, я поехала за его машиной, и сюда приехала. У него та же самая белая «Ауди», которую зарегистрировали видеокamеры у дома убитой женщины-психиатра. Это он, это «потрошитель»! Короче, я припарковалась за его машиной перед клубом «Мачо-стрип», на Невском. Он туда сразу вошел, а я пока сижу в своей машине.

– Ничего больше не делайте, Алена! Вы инструкции своего ФСБ о технике безопасности читали?

– Все я читала. И я сейчас не на работе. Слушайте, Коля, я тут куплю где-нибудь вуальку на лицо, чтобы он случайно меня не узнал, и успею на начало шоу в этом клубе. Днем я пробила информацию о нем по нашей базе данных. Он – танцовщик, часто пересекает границу, выезжает с трупной. Это мне интересно, я хочу посмотреть, как он танцует на сцене.

– Зачем!

– Разве я не могу оторваться вечером в веселом месте! Не одними же трупами мне заниматься! Там же, наверное, очень забавно!

– Я к вам сейчас приеду! Я сам приглашаю вас в этот клуб, если вы так туда хотите. Ждите меня в машине, я живу рядом, я буду через четверть часа!

– Вы что! Это только для женщин. Там танцуют одни полуголые мужчины. Или вы гей?

– Я не гей. Я люблю вас, Алена.

– Я это знаю, поэтому вам и позвонила.

– Тогда по другому – я дико вас ревную к этим голым «мачо».

– Но мне нужен там только один, на других я и смотреть не буду.

– Тем более. А если это действительно тот же самый? Потом он вам распорет живот. Он вас запомнил, он узнает вас и все поймет. Нельзя, Алена!

– Там же полно будет людей, я к нему и близко не подойду. Только взгляну, как он танцует. Вы ужасный перестраховщик, Николай.

– Я все равно вас ревную. И я за вас боюсь!

– Целую, Коля, у нас все еще впереди. Очень-очень нежно вас целую!

В трубке слышались короткие гудки, но я не перезвонил, я чувствовал, что это бесполезно. Вскоре я начал себя проклипать, что не поехал, не побежал к ней, даже сам по себе не отправился в этот клуб и не сел где-нибудь вдалеке от нее... Но было уже поздно.

22. В клубе

Столик Алены, по купленному ею билету, оказался с краю, рядом со скульптурой. Мужская обнаженная фигура в полный рост была выполнена в античном стиле, но не светлая и не мраморная, а из пластика, темного телесного цвета и с натуралистично вылепленными гениталиями. Алена заказала себе кофе с пирожным и осмотрелась. За столиками рассаживались почти одни только женщины, парочками или по трое, от тридцати до пятидесяти лет, веселые и раскованные, но в глазах – заметила Алена, – все прятали легкую неловкость. Общее ощущение веселого и озорного ожидания. Небольшая сцена закрыта занавесом, расписанным играющими фавнами и нимфами. Единственное, что смущало, даже раздражало Алену, и что все время лезло ей в глаза – эта обнаженная и очень эротичная скульптура мужчины.

Наконец, занавес распахнулся, и на сцену выбежали семеро молодых, в узких, обтягивающих бедра блестящих шортиках. Публика за столиками заплодировала, зашумела, и шоу мужских эротических танцев началось. Грянула музыка, и тела танцовщиков слились с ее пульсацией. Сначала все на сцене не слишком отличалось от обычных танцев – хотя и лишь одних полубнаженных мускулистых красавцев. Но это был только разогрев – и танцовщиков и публики за столиками. Затем начались танцы-игры веселого эротично-

го смысла и движений, которые в обычной обстановке показались бы неприличными и даже непристойными, но тут все выглядело совсем иначе, зрители этого ждали и хотели, условности исчезли, все начинало казаться очень естественным и красивым.

Алена, войдя в этот зал, опасалась увидеть на сцене что-нибудь худшее, ей совершенно не хотелось присутствовать при откровенном стриптизе и демонстрации мужских гениталий, но к ее облегчению до этого тут не дошло. Тем не менее, все остальное было очень эротично, и возбуждение сидящих за столиками женщин с каждым номером нарастало. Когда начинались «перекаты» бедрами, многие из зрительниц привставали и шаловливо вскрикивали. Это были волнообразные движения мужчин тазом, от живота вниз, к гениталиям, и вперед, как при половом акте, затем обратно вверх, назад и снова вперед. И это выполняло мускулистое красивое тело в одних лишь обтягивающих шортиках, под которыми откровенно угадывались все органы. Каждый из семерых молодцов, после общих эротичных танцев исполнял и такое соло, как на соревновании, и каждый раз это вызывало бурю шума и эмоций в зале.

Алена работала следственным психологом, тем, кто называется в криминальных романах профайлером. Поэтому увидеть Ураева на сцене, понять его психотип, имело для нее, прежде всего, профессиональный интерес. Она пришла сюда только потому, что на сцене выступит перед ней веро-

ятный маньяк и педофил. Это будет для нее бесценный опыт. Тогда ее женская интуиция, на которую она более всего надеялась, безошибочно определит и подскажет ей опасность этого мужчины и его потаенное – это было, по ее опыту, самое надежное. Бездонное бессознательное, доставшееся человеку от животных, всегда тоньше и быстрее чувствует то, что ускользает от рассудка. Возможно, она тогда почувствует и убедится, что этот человек и есть серийный убийца растерзанных женщин. Психопатию и жестокость в натуре человека не скроешь, она проявится даже в танце, а возможно, – яснее всего в танце. Тогда она найдет слова и аргументы, чтобы убедить начальство срочно провести у него обыск и задержать его. В любом случае, это облегчит его допросы, если дело дойдет до этого.

Когда недавно нашли тело последней разрезанной женщины, сопоставили оставленные следы и жестокий характер ее ранений с другими, найденными год назад и ранее, ни у кого не оставалось сомнений, что это совершает один и тот же серийный маньяк. Однако на Алену это подействовало еще и эмоционально. Она не испугалась за себя, но у нее возникла и не проходила острая жалость к тем женщинам, судя по всему, очень многим, которых настигла эта страшная боль, ужас последних минут и отвратительная смерть.

Когда Алена увидела и узнала на сцене интересующего ее человека, она стала наблюдать только за ним. Он был тут явный фаворит и «звезда», всегда на центральных позициях,

самый рослый и мускулистый, владеющим своим телом свободно и легко, и взгляд непроизвольно задерживался только на нем. Он и среди публики вызывал самые бурные и шумные эмоции. При общем возбуждении и пылкости его танцев, она заметила в нем и некую нарастающую иступленность, как будто он покидал в эти минуты сцену и переходил в какой-то свой личный мир. Ей показалось, что все это он делает только для себя, а не для публики, для каких-то своих затаенных потребностей, желаний или страстей. Он – не с ними, и не для них, все они чужие для него, и он совсем в другом сейчас мире. Он ненормален в каком-то неизвестном Алене смысле. Он одновременно и притягивал к себе какой-то откровенной звериной страстью и отталкивал скрытой, лишь подсознательно угадываемой странностью или даже пороком. Тем не менее, она подумала, что, возможно, не заметила бы этого, если заранее не подозревала в нем извращенца и маньяка, и ни искала любых признаков, подтверждающих это. Однако в его танце это прорывалось открыто, напоказ, поэтому так и возбуждало всех этих женщин за столиками, притягивало на бездонном бессознательном уровне, как обезьян в первобытном лесу или кролика перед удавом.

Последний сольный «перекат» выполнял Ураев, вызывая не только радостный шум, но и громкие визги у публики. Вдруг он замер в одной из своих самых эротичных поз, музыка остановилась, публика тоже моментально стихла. Затем Ураев легко сбежал по лесенке в зал, и сразу – к столи-

ку у сцены, недалеко от Алены. За столиком сидела девушка, и он вдруг подхватил ее вместе со стулом. Поднял над своей головой и понес ее вверх на сцену. По залу прокатился удивленный «Аах». Вновь заиграла прерванная музыка, с того же места и в том же пульсирующем ритме, и Ураев стал продолжать свой «перекат», но теперь с девушкой, прижатой со стулом к его бедрам. Девушка обхватила его тело ногами, прижалась к нему грудью и слилась с ним в ритме «переката». В зале некоторые дамы даже вскочили и начали прыгать от возбуждения. Шум и визг стоял невообразимый, пока Ураев, не закончил, не спустился с девушкой вниз, и не раскланялся перед ней у ее столика.

После завершающего группового танца, под гром аплодисментов все мужчины-танцовщики начали спускаться со сцены и обходить столики. Со смехом некоторые дамы протягивали к ним руки и легко гладили их разгоряченные, блестящие от пота и помады тела. Другие оттягивали некоторым молодцам резинку шортиков и запихивали под нее денежные бумажки.

Алена следила только за Ураевым. Он начал обходить соседние с ней столики, и она в легком замешательстве думала, как ей вести себя, когда он пройдет мимо нее, но ничего так и не решила. Когда же тот начал обходить ее столик кругом, она стала смотреть в другую сторону, однако сразу почувствовала, что это самое глупое с ее стороны, она повернулась к нему, и вдруг их глаза встретились. Повторилось то

же самое, что несколько часов назад у дверей его квартиры. Они смотрели друг на друга, не отрываясь, не менее трех секунд, пока у нее не пробежала по спине дрожь. Она резко отвернулась, и чтобы скрыть свое смятение стала быстро собираться, чтобы уйти.

Но сразу пройти к выходу было бы нельзя, танцовщики еще не закончили свой прощальный обход столиков, и ей пришлось бы протискиваться между ними и возбужденными дамами. Поэтому Алена осталась сидеть, разглядывая расписной занавес. В эти минуты к ней неожиданно сбоку подошла женщина и остановилась рядом. Алена от неожиданности даже слегка вздрогнула.

– Здравствуйте, Алена Юрьевна. Вы меня не узнаете?

Алена, не вставая, подняла на нее голову. Очень смутно лицо молодой женщины ей кого-то напомнило. Это было больное лицо. Даже обильная косметика не могла укрыть синеву под глазами, бледную кожу и красноватые белки глаз. Шея у нее была повязана широкой розовой косынкой. По этой косынке она с изумлением узнала ту, которая несколько минут назад танцевала на сцене эротичный номер с Уравным.

– Вы имеете в виду свой танец?

– Нет, нет, Алена Юрьевна! Вы год назад вели мое следствие по наркотикам.

Алена смутилась и непроизвольно покосилась на соседок, но всем было сейчас не до них, было очень шумно, и никто

их не слушал.

23. Похищение

Когда началось это шоу, Люба еще не приехала. Этим вечером она вошла в клуб очень поздно, незадолго до их коронного и последнего в программе номера со стулом. У нее по-прежнему очень болела голова, тошнило, но она крепилась, и все произошедшее вчера старалась скорее забыть, как будто этого никогда не было. Под глазами у нее синели предательские круги, на шее повязана широкая розовая косынка,.

Она вошла в клуб с главного входа, как посетительница, подмигнула знакомому швейцару, дождалась, когда закончится очередной номер, когда публика оживится и начнет рукоплескать. Среди радостного возбуждения она прошла к столику у края сцены, с табличкой «резерв» и с приготовленным для нее стулом, и здесь присела. Знакомая официантка сразу принесла ей бокал с колой – Люба ничем не должна была отличаться от прочих раскованных гостей в этом зале. Осторожно она оглянула дам за соседним столиком, рядом со скульптурой обнаженного мужчины. У одной из них лицо было прикрыто темной вуалькой. Это было так необычно, что она через несколько секунд, из любопытства, опять незаметно оглядела эту женщину и ее наряд. Когда Люба затем подняла и пригубила свой бокал, она поняла, что давно и хорошо знает эту женщину. Это была, несомненно, она. Та

самая, которая год назад допрашивала ее и вела дело о наркотиках, найденных в ее сумочке. Люба вспомнила, как ее зовут, и даже какие были у нее погоны на кителе, когда та выступала в суде.

Заканчивался предпоследний номер, после которого Ураев сбежит по ступенькам в зал, подхватит ее вместе со стулом и унесет на сцену под удивленный и дружный «Аах!» публики. У Любы всегда заходило сердце в эти секунды, и она с наслаждением вдыхала запах его разгоряченного тела рядом с собой, чувствовала его напряженные мышцы, когда на сцене охватывала ногами его бедра. Теперь она незаметно отодвинула от себя бокал, откинулась на спинку стула и ждала этого момента. И вот он уже бежит вниз по лесенке, музыка делает паузу, вдруг он оказывается перед ней, а она, как будто ничего не подозревая, весело и негромко вскрикивает от неожиданности, за ней весь зал повторяет удивленное «А!», и она уплывает над всеми на сцену. Гремит вновь музыка, заглушая радостный шум публики, она чувствует, как он в танце прижимает ее к себе, она раздвигает ноги шире, охватывая его бедра, вся в его власти, желая только, чтобы это никогда не закончилось, чтобы он не выпускал ее из своих сильных рук, а кружил ее и кружил...

То были самые счастливые секунды ее жизни, и самые краткие, улетающие безвозвратно. Затем Ураев бережно несет ее со стулом обратно к столику, благодарно ей кланяется, убегает обратно, и она вместе со всеми в зале с востор-

гом хлопает ему в ладоши.

Вскоре после этого – общий и прощальный выход танцовщиц на сцену, но, разумеется, ее среди них не будет. Однако лишь ее чувства и страсть на сцене были подлинными, лишь она не играла, у нее одной это были самые счастливые секунды, всегда искренние и неповторимые. В общем шуме аплодисментов и смеха, она незаметно вышла из-за столика, и, стараясь ненароком не взглянуть на женщину в вуальке, прошла в фойе, и оттуда за кулисы.

Танцовщицки приводили себя в порядок перед последним общим выходом и прощальным проходом между столиков для получения от зрительниц восхищенных улыбок или хрустящих купюр за пояса. Люба незаметно подошла к Ураеву, стоявшему в стороне от остальных, и шепнула ему на ухо:

– Знаешь, кого я увидела в зале? Следователя, женщину, которая вела мое дело по наркотикам.

– Из полиции? Что ей тут нужно? Одна?

– Не знаю. Может, наркотики здесь ищет?

– Или нас с тобой?

– Ты что!

– Где? Покажи.

– За столиком у скульптуры. У нее вуаль на лице.

Ураев прошел к краю сцены и рассмотрел женщину из-за занавеса. Вернулся обратно и спросил шепотом:

– Где ты ее раньше видела? Кто она?

– Меня допрашивала. Потом дело мое вела и на суде вы-

ступала.

– Я ее тоже знаю. Сегодня видел около моей квартиры. Кажется, та самая. И платье то же.

– Она следит за тобой!

– Так не следят. Она офицер, если на суде выступала.

– Что ей от тебя нужно? Секс?

– Это будет интересно.

– Не трогай ее. Она хорошая.

– Я люблю хороших. Посмотрим.

– Она в суде меня спасла, условного срока добилась. Не трогай ее.

– Зачем ей вуалька? Чтобы я не узнал? А выглядит очень прикольно, этак таинственно.

– Не трогай ее, слышишь!

Когда Ураев спустился со сцены в зал, то начал обходить столики так, чтобы увидеть даму в вуальке сначала со спины и только потом рассмотреть ее спереди. По пути он незаметно наблюдал за ней. Она поворачивала голову только за ним, другие ее, как будто, не интересовали. Когда он обходил ее столик, он намеренно на нее не смотрел, кланяясь и улыбаясь только ее соседкам. Вдруг резко и неожиданно повернулся к ней. Глаза их встретились – так же, как это было несколько часов назад, и это был прямой личный контакт, вуалька не помешала. И она вновь, как тогда, смутилась, слегка опустила голову. Сомнений не оставалось. Но Ураева удивило, что она не улыбалась, не смеялась, глядя на него, как делали

все эти женщины, а настороженно смотрела, то ли с любопытством, то ли со страхом.

Ураев завершил свой прощальный обход, затем взбежал на сцену, присоединился ко всем танцовщикам и еще раз раскланялся под аплодисменты и смех. После этого он первым бросился в раздевалку – он уже принял решение. Ураев не мог это так оставить – женщину, следившую за ним весь день, этого полицейского в вуальке, то ли действительно имевшую подозрения, или только плотский к нему интерес. За пять лет, как он приехал в этот город, и после полутора десятков мертвых женщин, которых после него здесь нашли или еще найдут, он сумел погасить чувство страха, которое первое время его мучило. В результате получилась некая смесь наглости и бравады с вызовом. Теперь он ничего не боялся, он давно приготовился к худшему, и даже удивлялся, что ничего не происходит, к чему давно был готов, и ему приходится тащить свой груз мучений и ночных кошмаров год за годом. Жизнь Ураеву давно была в тягость, он ждал и ждал какого-нибудь неизбежного конца, или коренной перемены, даже тюрьмы для себя – чего угодно, только скорее! Суд, признание, приговор – думал он – быть может, облегчит ему душу, вылечит, вернет обратно к людям, но одновременно понимал, что заслужил только смерть, и рано или поздно ее найдет. К этому он был готов, как к избавлению. У него было такое чувство, что он несется к какой-то развязке, и каждый день ее ждал. Тем не менее, пока был

жив, он еще поиграет со своей судьбой в кошки-мышки, – оттого, что терять ему было нечего, кроме своих нескончаемых мучений, которые лишь изредка прерывались жутким кровавым сладострастьем.

Он вбежал в пустую раздевалку и вынул из своего шкафчика коробку со шприцем и ампулами. Здесь, в шкафчике без номера и имени, он полагал, хранить некоторые вещи было безопаснее, чем в квартире. Сейчас у него оставалось десять минут, не больше. Публика расходилась, а ему надо было еще одеться, выскочить из клуба через служебную дверь, добежать до главного входа на Невском проспекте, и не упустить в толпе эту женщину-полицейского, когда она выйдет.

Никого в раздевалке еще не было, и он привычно подготовил два шприца для инъекции. Заняло это минуту, он всегда пользовался этим средством. В шприцах был тиопентал, препарат для анестезии ультракороткого действия – лишает сознания через десять секунд, но только на полчаса. Его используют ветеринары – для лошадей и крупных собак. В спешке осколки от пустых ампул он машинально выкинул в мусорное ведро. Оба готовых к использованию шприца бросил в полиэтиленовый пакет, опустил в карман и успел выбежать из раздевалки, когда остальные танцовщики только подходили к двери.

Когда Ураев, не сказав Любе ни слова, первым торопливо ушел в раздевалку, она поняла все. Она вернулась через вестибюль в зал к своему столику и вновь там села. Публи-

ка уже начала вставать и собиралась расходиться, но Люба продолжала сидеть, краем глаза наблюдая за соседним столиком. Когда дама в вуальке собралась тоже подняться, Люба быстро встала и подошла к ней.

– Здравствуйте, Алена Юрьевна. Вы меня не узнаете?

– Вы имеете в виду свой танец?

– Нет, нет, Алена Юрьевна! Вы год назад вели мое следствие по наркотикам, – и Люба заметила, как та смутилась и мельком оглядела соседок, но никто не обращал на них внимания.

– Разве? Да, припоминаю...

– Я только хотела вас предупредить. Вы меня извините, пожалуйста...

– Слушаю вас, – дама в вуальке повернула к ней голову и с интересом ее рассмотрела.

– Алена Юрьевна, уходите скорей отсюда! Ни с кем разговаривайте! Бегите отсюда! Я не шучу! Он убьет вас!

– Кто?

Люба отвернулась и, задевая плечами других женщин, побежала к служебному выходу.

Ураев выскочил на Невский проспект и встал у входа в клуб. Почти вся публика уже вышла и рассыпалась по безлюдному в этот час проспекту. Но Ураев продолжал ждать, в груди у него начал трепетать кураж, ему хотелось встретить эту опасность в лоб, какая бы она ни была, заговорить с этой

дамочкой и разобраться, зачем она ходит за ним весь день. Он не собирался оставлять ее после этого в живых.

Наконец, он увидал ее, подошел ближе и сразу взял ее под руку. Та вздрогнула, отпрянула от него, начала возмущенно вырывать руку.

– Добрый вечер, незнакомка, – сказал ей Ураев в самое ухо.

– Что вы себе позволяете! – почти вскрикнула та, и прохожие обернулись.

– Вы весь день бегаете за мной. Вот я, перед вами! Что дальше?

Ураев не давал ей пройти, остановился перед ней, он был выше ее на голову. Его машина стояла рядом, напротив входа в клуб, поэтому отпустить ее дальше он не собирался. Мимо по тротуару шли редкие прохожие, выходявшие из закрывающихся на ночь многочисленных ресторанов, веселые и занятые только собой.

– Пустите! Дайте мне пройти!

– Одну минутку! Зачем вы за мной следите?

– Отойдите от меня! Или я закричу!

– Кричите. Интересно, как это женщина-полицейский зовет на помощь? Ну, что же вы? Кричите!

– Вы – наглец и хам!

– Я – под подозрением? Скажите, мне это интересно. И я сразу от вас отстану.

– Да, Ураев, вы под подозрением!

– В чем же?

– Вам это лучше знать. Советую сознаться, и как можно, скорее. Прочь с дороги!

– Я вас провожу. И мы с вами поговорим.

– Мне не о чем с вами говорить.

Резко задев и оттолкнув плечом Ураева, она пересекла тротуар к своей машине, оставленной ею у входа. Тот двинулся за ней.

– Эта ваша машина? – он не мог скрыть удивленной радости – ее старенькая микролитражка стояла впритык к его «Ауди». – Что ж, Алена Юрьевна, тогда я с вами не прощаюсь.

Как только она сделала шаг с тротуара на проезжую часть, чтобы обойти свою машину сзади, Ураев правой рукой ударил ее шприцем сзади, ниже спины, левой рукой зажал ей рот, развернул и прижал спиной к багажнику ее машины. Вблизи никого не было, фигуры прохожих чернели только в десятках шагах от них. Изображая затяжной поцелуй, Ураев навалился на нее, прижимая к багажнику. Несколько прохожих прошли мимо, но сделали вид, что не замечают их. В этот час из ресторанов и клубов на Невский проспект выходило столько веселой публики, что подобное вовсе не выглядело необычным. Про себя Ураев медленно считал, на счете пятнадцать он почувствовал, как ее тело обмякло в его руках. Подождав еще, когда все прохожие пройдут, он приподнял ее за талию и перенес к двери своей машины. Открыл и

уложил ее на пол за передним сидением, всмотрелся в лицо – глаза полузакрыты, в темноте белели только узкие полоски между веками. Ураев обернулся и огляделся – вблизи по-прежнему никого не было, – он вытянул из пояса свой ремень и замотал им ей руки. Через полчаса это облегчит ему дальнейшую дорогу: на весь путь одного укола будет недостаточно.

Через полчаса, когда они выехали из ночного города на пригородное шоссе, женщина в машине Ураева очнулась и стала биться на полу за его спиной. Ему пришлось остановиться в тихом месте и сделать ей второй укол. Он знал, что это опасно, но выхода не было: этот тиопентал для собак и лошадей используют в Америке и для смертельных инъекций при казнях.

Когда они свернули на гравийку перед дачей, Ураев еще не решил, что ему делать с ней дальше. Женщина-полицейский за его спиной лежала в глубокой коме, и он слишком устал за день, чтобы продолжать ей заниматься и, тем более, получать от этого удовольствие. Наконец, он решил отложить все до утра, когда отдохнет – потому что, наверняка, будет не обойтись без пыток, чтобы узнать о подозрениях к нему. Это было важно и интересно – для этого, в основном, он и привез ее сюда. О девочке в подвале он вспомнил только, когда въехал в темный двор дачи.

Спотыкаясь в темноте, он перенес женщину в дом и положил на пол. Она была без сознания, дышала едва заметно,

и он снял с ее посиневших рук ремень. Зажег повсюду свет и включил обогреватели. Подошел к люку в подвал, открыл его и посветил вниз фонариком, из своего мобильного.

Девочка сидела среди кучи тряпья, которое он ей утром сбросил. Она испуганно и молча глядела на него, щурясь от света. Лицо ее было измазано, в руке она держала гнилую картошину, что нашла где-то здесь, и которую до этого со- сала.

– Я пить хочу... Пить... Можно, мне воды?

Ураев сходил в сени, набрал из ведра ковшик воды, но, подумав, вылил его обратно. Нашел тут тряпку, намочил ее в ведре, принес к люку и бросил ее девочке. Девочка испуганно отпрянула сначала, но потом подняла тряпку и начала ее сосать. Ураеву было теперь не до девочки, она ему только мешала. Сев в кресло, он стал рассматривать женщину, лежавшую на полу перед ним. Уже прошло более часа, как он отъехал от клуба, и более получаса, как он сделал ей второй укол, но она так и не выходила из глубокой комы, и, похоже, не выйдет из нее до утра. Никогда у него так раньше не случалось, всегда хватало одного укола, он всегда все успевал, а остававшаяся заторможенность приходившей в себя жертвы, не только не мешала, но даже облегчала ему все дальнейшее. Теперь оставалось ждать до утра и надеется, что она оживет и обретет сознание. Поэтому он стал думать, куда ее пристроить на ночь, чтобы спокойно выспаться. Наконец, придумал, приподнял ее за руки, подтащил к люку в подвал и медленно

спустил вниз на тряпье рядом с девочкой. Снял с вешалки старый грязный ватник и сбросил поверх нее. Девочка испуганно отодвинулась. Ураев захлопнул люк и надвинул на него обеденный стол.

24. Взлом квартиры

С раннего утра телефон Алены не отвечал. Я ждал, нервничал, и убеждал себя, что она просто отсыпается после вчерашнего веселья в клубе «Мачо-стрип». В девять я позвонил Кашину:

– Доброе утро... если только оно доброе. Я очень беспокоюсь...

– Знаю, знаю, – перебил он меня. – Все беспокоятся. Домашние Алены Юрьевны не дождались ее вчера домой. Она пропала, с утра мне названивают из ФСБ, никто ничего не знает! И муж не знает, с трудом его нашли – оказалось, они оформляют развод, давно вместе не живут. Может, вы что-нибудь знаете?

– Знаю! – крикнул я, не в силах сдерживаться, и выложил Кашину все, что мне вчера сказала по телефону Алена.

После этого я выскочил на дома и побежал по улицам к этому проклятому клубу. Через пятнадцать минут я был у его входа. Ее японская машинка так и стояла около него – сиротливо, и, как будто, взывая ко мне о помощи.

Дверь клуба была заперта, и я начал колотить в нее кулаками. Переговорное устройство я заметил только, когда из него послышался раздраженный женский голос:

– Закрыто! Приходите, пожалуйста, вечером.

– Я из полиции, откройте! – крикнул я, и заметил, как

прохожие на тротуаре оборачиваются на меня. – Откройте, я покажу вам свои документы!

Показать я мог только свой пропуск в полицейское управление, но этого оказалось недостаточным. Я вошел в фойе, и путь мне преградила уборщица. Из соседнего зала с любопытством выглядывали две официантки, наводившие порядок после вчерашнего шоу.

– Где Ураев? – не сдерживаясь, крикнул я.

– Дома, наверное, спит... – испуганно ответила уборщица.

– Адрес! Где он живет? Кто-нибудь знает?

– Менеджер знает. Будет вечером.

– Телефон менеджера!

Менеджер не спал и ответил мне, но адрес и телефон Ураева дать мне отказался:

– Уважаемый, я не могу проверить ваши документы по телефону. И вы далеко не единственный, кто мне надоедает и просит телефоны наших мальчиков.

На мою удачу скоро приехал наряд полиции во главе с Кашиним, а то мне было очень трудно оставаться в рамках. Я бросился к Кашину.

– Что известно об Алене?

– Ничего.

– Надо обыскивать квартиру Ураева, еще не поздно. Скорее! Надо его арестовать!

– Обыскивать? Я ордер на обыск этого клуба сумел получить – и то пока не оформил, – только для обнаружения нар-

котиков. А что я предъявлю для получения ордера на Ураева? То, что он кликнул по вашей провокационной рекламе с зайцем? Ну и что? Я тоже, может, кликнул бы, ради интереса. Или то, что он здесь танцует полуголый? Ну и что? Не запрещено. А то, что им заинтересовалась вчера вечером сотрудница ФСБ, – так, знаешь, если ты еще не заметил, она в нерабочее время тоже женщина. Поэтому нет законных оснований для обыска, товарищ депутат. Тем более, для ареста!

– Его машина крутилась в то самое время около дома убитой психиатрши! Алена мне сказала! Это тот самый, «потрошитель»!

– Знаю, знаю об этой машине, но этих белых «Ауди» в Питере сотни.

– Чего мы ждем! У нас достаточно всего! Алена умрет! Ничего нового вы нигде не узнаете, найдете потом только ее труп. Вы тогда начнете действовать?

– Вы думаете, у меня кошки не скребут!

– Тогда я сам еду к этому Ураеву! Скажите мне его адрес – вы знаете!

– Знаю, но не скажу. Потому что вы задумали опять что-то незаконное. Такое у вас, я вижу, в привычке. Поэтому считайте, это тайна следствия.

– Тогда имя и отчество, остальное узнаю сам, вас это не коснется.

– Не в том дело! Успокойтесь, комиссар. Нет!

Я отошел от Кашина и молча наблюдал, как они продолжают обыск. Из работников клуба, кто был здесь утром, никто и ничего ответить на вопросы полиции не смог, и вскоре полиция занялась тем, для чего и была сюда направлена – поиском следов употребления наркотиков. Я понял, что оставаться мне здесь совершенно бесполезно, и побежал домой, чтобы забрать свою машину. Но на ходу еще и звонил следователю Седову:

– Сергей, мне нужен адрес этого танцора Ураева!

– Зачем?

– Еду к нему в гости!

– Не вздумай! Я в курсе про его машину, что засветилась около дома убитой и прочее. Но этим должен заниматься Кашин. Ты все испортишь! А если ты к нему все-таки сунешься, и это окажется действительно «потрошитель», то он тебе, однорукому, живо выпустит кишки, и еще испытает оргазм!

– Скажи мне адрес, следователь Седов! Я – депутат!

– Слушай, я тут, на Петроградской стороне, разбираюсь с ночной поножовщиной в районе. Понимаешь, очень занят. Как освобожусь, тогда сразу узнаю его адрес и перезвоню тебе. Через час – полтора.

В телефоне слышались гудки.

Я все проклинал, утекало бесценное время. Но адрес Ураева мне было больше негде узнать. Я вспомнил, как в моем детстве в Питере на улицах стояли будки с надписью «Справочное бюро». За копейки через десять минут из окошечка

сообщали адрес любого прописанного в городе жителя. Но и тогда нужно было знать полное ФИО и год рождения. Не существовало больше этих будок, как и многого из далекого детства.

Чтобы убить время, я стал разбирать в ящике шкафа старый хлам и искать набор моих старых отмычек. Работая несколько лет в частном сыске, мне пришлось освоить и эту технику, пару раз она оказалась очень полезной. Это немного меня отвлекло, поэтому только в конце этого занятия, мне пришла в голову мысль – не дожидаться звонка Седова, а ехать к менеджеру клуба, который мне утром отказался сказать по телефону адрес Ураева. Увидев мой полицейский пропуск, он бы сейчас мне не отказал. Но прошло уже более часа, и ехать куда-то к нему было уже поздно, Седов должен был вот-вот позвонить. Я нашел свои отмычки, протер их, смазал, и Седов как раз позвонил:

– Коля, я решил поехать с тобой. Да, к Ураеву. Ведь Кашин не отменил своего распоряжения сопровождать тебя в твоих вылазках. Буду придерживаться его приказа. Забери меня напротив памятника «Стерегающему», это нам по пути. Но если Ураев тебя не приглашал, то его, наверное, нет дома, и напрасно мы к нему едем.

– Тогда осмотрим квартиру.

– Я не умею без ключей открывать замки.

– Я умею.

Через полчаса я тормознул в том месте и забрал его. Он

сел в машину, в бронезилете, с полицейской рацией на груди, и с «макаровым» в кобуре. В первый раз я видел его в таком снаряжении.

Около дома Ураева на стоянке было много машин, и, проползая мимо них, я искал глазами белую «Ауди» – ее тут не оказалось. Наконец, я нашел свободное место и остановился.

– Гроза начинается, уже капает, – сказал Седов, выставив ладонь и вылезая из машины. – Как душно! Сниму-ка я этот бронник.

– Только свою кобуру с пистолетом не снимай.

– Смеешься.

Мы поднялись на лифте и остановились у двери квартиры Ураева. Несколько секунд прислушивались к звукам за дверью – тишина, потом я позвонил, и снова мы ловили звуки, потом еще звонили, наконец, я вынул из кармана отмычку.

– А это зачем? – сказал Седов. – Это нехорошо. Так мы не договаривались.

– Сергей, мы с тобой недавно сумели договориться в «Новых крестах» о сим-карте, – и оказалось, не напрасно. Я тебя очень прошу, закрой и на это глаза, пожалуйста. Ведь Кашин не приказал тебе вязать меня и держать! Я сам взломаю эту дверь, а ты, все равно, не можешь ничего сделать против депутата – так всем и расскажем. Сережа, нам надо спасти Алену!

– Плохо это кончится. Лучше не надо, Коля. Пожалуйста.

Но я его тогда не послушал. Оба дверных замка были но-

вой, неизвестной мне конструкции, но и они, в конце концов, поддались моим старым инструментам, даже при одной только здоровой руке. Седов не помогал, он даже отступил назад, но когда я открыл дверь, он сразу хотел войти и вынул пистолет, тогда я его остановил:

– Я первым войду. Квартиру взломал я, поэтому так будет юридически честнее. Если что – вали потом все на меня.

Мы тихо вошли, долго опять прислушивались, но слышен был только шум начинавшегося дождя за окнами, потом очень осторожно закрыли за собой дверь. Общались только жестами. Квартира была двухкомнатной. Ванну и туалет оставили на потом. Нам нужно было найти хоть что-нибудь, что позволило бы без проволочек оформить Ураеву арест и обыск – пятна крови, признаки насилия, или что-нибудь из того, что обычно находят в домах маньяков: фото мертвых тел, окровавленная одежда или аксессуары «на память», органы и части тел в холодильнике и тому подобное. Ничего из этого «на поверхности» пока не было видно. Это успокаивало, но не утешало. Седов выбрал себе большую комнату, а я сразу прошел в маленькую, в спальню. Когда я в нее вошел, в подоконник снаружи уже со звоном колотили крупные капли дождя, потом свернула и грохнула первая молния.

Спальня сексуального маньяка... Глаза у меня разбежались, тут столько всего могло найтись, но времени на это «все» у нас не было. Рукой в хлопковой перчатке я открыл секретер и аккуратно перебрал в его секциях бумаги. Оба

паспорта, гражданский и заграничный, были здесь же, сверху, и я сразу положил их себе в карман. Я начал арестовывать Ураева с этой же секунды, не надеясь больше на расторопность правоохранительной системы.

Прошло около десяти минут, как мы вошли. Все это время я стоял спиной к закрытой двери, весь погруженный в поиск улики, и из-за шума дождя и грохота молний слишком поздно услышал за ней новые, настораживающие звуки. Однако подсознательно я все-таки ощутил опасность за спиной, повернулся и очень тихо и легко взялся здоровой рукой за ручку двери, не нажимая на нее. Вдруг я почувствовал, как эта ручка в моей руке сама начала медленно поворачиваться, опускаться, отодвигая защелку, и дверь передо мной начала медленно открываться, образуя щель. Кто-то тянул дверь с другой стороны, медленно и очень осторожно. С кем-то мы вместе держались за ручки одной и той же двери. Но я первым понял это, а другой человек, похоже, еще нет.

Вдруг тот, на другой стороне, резко рванул дверь на себя, но я сумел удержаться одной рукой за свою ручку, не выпустить ее, но меня бросило с дверью вперед, и мы с ним почти столкнулись. Но я уже понимал, что происходит, а тот еще нет. По его лицу, в нескольких сантиметрах от меня, я увидел, как он на мгновение растерялся. И сразу я заметил слева его руку, поднимающуюся с ножом. Моя же левая рука, в гипсе, не могла даже приподняться, чтобы этот нож остановить. Я резко рванул дверь на себя, закрывая ее, но тот успел

просунуть руку с ножом в щель между косяком. И сразу эта рука, высунутая по локоть, начала ножом искать меня, неудачу колоть и рубить рядом с моей ладонью, вцепившейся в ручку двери. У меня в голове, как будто вспыхнуло – «все, конец, с одной рукой мне не устоять...», и я со всей силы, спасая свою жизнь, рванул ручку на себя и выдернул у него из руки дверь. Тот не смог ее удержать, подался вперед с закрывающейся дверью, однако еще просовывая в щель свою правую руку с ножом и продолжая рубить им воздух в сантиметрах от моей ладони. Я повис на своей ручке, но не мог ее перетянуть до конца. В натужном усилии я откинулся назад спиной, добавляя веса, и дверь поддалась, начала медленно закрываться. Последнее что я мог еще сделать с одной рукой – резко согнул колени, присел, откинул голову и рванул. В этом отчаянном последнем рывке ребро двери ударило тому человеку под правый локоть, и зажало ему руку между косяком.

Рука с ножом остановилась и торчала теперь из щели рядом со мной. Наверняка это была та самая рука, которая убила дочку моей студенческой любви, которая с наслаждением вспарывала животы многих других молодых женщин. И это был тот же самый, наверное, нож. Даже сейчас на нем блестяла чья-то свежая кровь.

Как я висел, держась за ручку, спиной над полом, так я и приподнял левую ногу и со всей силы ударил каблуком по этой руке ножом. Хруст обеих костей в его руке не заглушил

даже ливень. Но нож не выпал. Я приподнял еще раз ногу и ударил теперь ему по запястью. Одновременно с хрустом костей его пальцев я услышал и звон упавшего на пол лезвия.

Он был пойман, этот зверь. Мой капкан держал его мертвой хваткой. Ребро двери, где врезан был замок, теперь погрузилось в место перелома его костей, в самую мякоть. Вытащить свою руку он мог бы, только, оставив мне половину ниже локтя. Волки отгрызают в этих случаях лапы, но у этого «зверя» не было таких зубов. Он попробовал вытянуть назад руку, и я услышал за дверью громкий стон. Это был звериный стон от боли, невообразимой для не испытывавшего в своей жизни перелома костей. Я сам пережил их совсем недавно. Другому бы я посочувствовал, но не этому. Его стон через тонкую дверь рядом с моим ухом вызвал у меня только радость.

Я крикнул ему через дверь:

– Где Алена?

– У меня!

И я снова ударил его каблуком по руке, и он снова по-звериному взвыл. Я уже подумал, не начать ли мне его мучить и пытаться, где он держит Алену, раз уж он мне попался с ножом, но не стал – и только потому, что было это бесполезно. Он бы сейчас мне наплел любое, что бы только вырваться, а я ничего проверить бы не смог. Я даже вообще не понимал, что в таком положении мне делать дальше.

Капкан держался только на моей единственной здоровой,

но уже слабеющей руке. Дотянуться левой загипсованной рукой до телефона в кармане и позвать на помощь я не мог. Я вообще ничего не мог больше сделать, как только продолжать висеть на ручке двери. Я уже успел предположить, что следователь Седов или уже мертв, или без сознания – и, наверное, это его кровь блестела на ноже, просунутом ко мне через дверь. Иначе, Ураев не сумел бы подойти к этой двери, или Седов давно услышал бы здесь возню, и что-нибудь сделал. Однако, – и это было очень странно! – пистолет должен был оставаться еще у Седова в кобуре. Если бы тот, за дверью, его уже вынул у мертвого Седова, то я давно бы получил пулю через дверь.

Ураев снова пытался вытащить свою руку, и при этом, не сдерживаясь, по-звериному выл и кричал. Я даже подумал, не сможет ли он ее оторвать, ведь целых костей уже в том месте не оставалось, рука ниже локтя держалась только на мышцах и коже.

Мне было совершенно непонятно, что делать с ним дальше. Я продолжал стискивать дверь ему руку, не давая уйти. И так, возможно, мог бы еще сутки, если только кто-нибудь из нас не упадет раньше без сил или без сознания. Но впереди не было никакой надежды – никто не знал, что мы с Седовым были тут. А если Сергей был еще жив, и истекал кровью за стенкой, то спасти его мог только я. Я глядел на кровь на ноже, что валялся сейчас под дверью, и думал, что это была, наверное, все-таки его кровь – чья еще она могла

быть в этой квартире... Ситуация не оставила мне выбора. Черт с тобой, мрась! С переломанной рукой тебе еще долго будет не до секса и женщин. Я тебя поймаю раньше, до того, как тебе это снова захочется! Попробуй только обратиться в любой травмпункт или в больницу, тебя там будут ждать с наручниками! Я оттолкнул от себя дверь и сильно ударил ею голову этого человека. На секунду мы встретились с ним взглядами, готовые вцепиться друг другу в горло. Но здоровых рук для этого не было, у обоих оставалась только боль переломанных костей. Нож его валялся теперь за порогом, но я бы сумел переломить ему дверью еще и шею, если бы он только за ним нагнулся. Я заметил, как он посмотрел вниз на свой нож, видимо оценивая ситуацию, однако резко развернулся и бросился от меня бежать.

Я побежал за ним и сразу споткнулся о мертвое тело, лежавшее на полу за дверью. Я подумал, что это Седов, и нагнулся. Но это был не он, а человек в незнакомой одежде и с балаклавой на голове. Удержавшись, чтобы не стянуть ее и рассмотреть, кто это был, я бросился дальше – искать Седова. Я нашел его на полу в комнате, куда он и должен был войти без меня. Он лежал на спине, весь в крови, и был мертв. Его кобура была пустой. Однако, если пистолета не было в его кобуре, и не оказалось, на мое счастье, у Ураева, то в этой квартире он мог оставаться только на трупе в балаклаве. Я бросился обратно в коридор, нагнулся над трупом, ощупал его и нашел пистолет Седова – у него за поясом, сбоку. Те-

перь я засунул его себе за пояс.

Все это происходила в считанные секунды, как будто на лету, и много быстрее, чем я здесь описываю это. Я выскочил на лестничную площадку, к лифту – но кабина скрипела и опускалась, и я бросился вниз по лестнице. Слетел по ней несколько этажей и выбежал во двор. Здесь шумел сильный ливень, вспыхивали молнии, и грохотало. Машины медленно ползли по улице вдали, сверкая в опустившихся сумерках фарами и поднимая из-под колес фонтаны воды.

Мне сразу бросились в глаза единственные две фары, светившиеся в сумерках на парковке, и я бросился к ним. Машина оказалась белой «Ауди», – все совпадало, это был «потрошитель». Когда я был уже в пяти метрах перед «Ауди», она неожиданно взревела мотором и рванула на меня. Пистолет Седова был у меня в руке еще в подъезде, и, отскакивая в сторону, я дважды выстрелил перед машиной вверх, в небо. Капот машины вдруг вильнул на меня, но я успел отпрыгнуть за соседнюю машину. Правая фара «Ауди», проскребла по крылу соседней машины и рассыпалась, звеня осколками в сантиметрах от моего живота. Когда «Ауди» проползала со скрежетом мимо, сверкнула молния, и в покато широком ветровом стекле я увидел на переднем сидении женщину. В эту секунду я узнал в ней Алену. Но она сидела, сложенная как бы пополам, низко уткнув голову в колени – как будто перепуганная моими выстрелами. Номер машины я не разглядел в темноте, только значок на багажнике – четыре коль-

ца «Ауди». Я понял, что если буду искать свою машину, пока заведу ее и выеду с парковки, догонять в темноте и при грозовом ливне будет поздно, да и стрелять по машине с заложницей, в любом случае не смогу, как и устраивать гонку по улицам с одной рукой. Поэтому я бросился обратно в квартиру Ураева.

Я сразу вбежал в комнату с телом Седова, мне нужна была его полицейская рация. Я крикнул в нее: «Это депутат Соколов, говорю по рации убитого следователя Седова, преступник скрылся на белой «Ауди». Разбита правая фара, смято крыло. Объявите перехват. В машине заложница. Не открывайте стрельбу».

Я передал это несколько раз без остановки. Потом добавил: «Седов убит. Здесь еще один труп. Это квартира Ураева, танцовщика из клуба «Мачо-стрип». Дверь открыта, я буду ждать полицию, адреса не знаю».

Через десять минут зазвенел мой телефон. Это был Кашин:

– Ну, что, комиссар, настоял на своем? Погубил хорошего человека, отца трех детей? Чей там еще труп?

– Не знаю. Балаклава на голове.

– Кого это еще туда занесло! Перехват объявлен. Ураев не уйдет: ливень повсюду, машины еле ползут, с одной фарой не скроется.

– У меня оба его паспорта.

– Это хорошо, это ты правильно сделал. Потом расска-

жешь про свое геройство. Женщина, что видел в машине, – Алена?

Я вспомнил те мгновения, когда видел женщину спереди, и только сейчас осознал, что ее боковое окно было полностью открыто.

– Не знаю, лица не видел. Она впереди сидела, пригнувшись. Мне показалось – она. Пистолет Седова у меня. Я стрелял в воздух перед ними.

– Салютовал им, значит...

– Вынул этот пистолет из-за пояса трупа в балаклаве.

– Загадки, как по роману Агаты Кристи. Я вам звоню из машины, скоро буду, если только выберусь из пробок. Город стоит из-за грозы.

После этого разговора я встал и подошел к трупу в балаклаве. Теперь я спокойнее и внимательнее его рассмотрел. Под курткой, по всему животу расплзлось кровавое пятно, на рубашке две ножевые раны, в живот и под левое ребро в сердце.

Я несколько раз сфотографировал раны, все тело, потом надел перчатки и осторожно приподнял балаклаву. Лицо человека за пятьдесят лет, плохо бритое, шрам на левой щеке. Я сфотографировал лицо с разных сторон и опустил обратно балаклаву. Похлопал по одежде – под курткой большой нож в ножнах. Не стал его вынимать, но мазок свежей крови под рукояткой заметил. Похлопал по карманам – немного денег, но ни ключей, ни документов, и только во внутреннем – что-

то упругое, бумажное. Осторожно вынул – две небольшие фотографии. Я даже вздрогнул – на фотографиях был я. На одной – молодой, каким был пятнадцать лет назад, второе фото – как из пропуска в полицейское управление, которое недавно оформил. Положил обе фотографии ему на грудь и тоже сфотографировал, крупным планом каждую. Пистолет Седова я не стал запихивать тому обратно под ремень, а просто положил рядом на пол.

После этого я вернулся к телу Седова в комнате. Он лежал на спине, но без куртки, рубашка намочла в крови от живота до груди. Три раны, все смертельные, но в разные места и, судя по надрезам рубашки, под разными углами, какие-то суматошные, по сравнению с двумя на другом теле в коридоре. Те – выверенные, будто от ударов давно и хорошо набитой руки. Наверное, та рука и была мной переломана полчаса до этого, и нож, который она держала, валялся сейчас на полу за порогом спальни.

Первым приехал наряд полиции, и те сразу, на всякий случай, надели на меня наручники. Потом, когда меня обыскали и нашли пропуск в Управление и депутатское удостоверение, наручники сняли и даже извинились. Позже приехал Кашин, но мы с ним больше не общались. Только когда начали оформлять мою сдачу паспортов Ураева, он подошел ко мне:

– Вот за это спасибо, Николай Иванович. Документы – это у нас первое дело. Как узнаю что-нибудь об Алене – сразу

сообщу. Не унывай.

После этого мной плотно занялись оперативники, и уже в квартире начали опрашивать, потом повезли в отделение, и до позднего вечера я писал там свои показания. Домой я вернулся незадолго до полуночи.

25. Бегство

Ураев спал на даче, как всегда после шоу, крепко и долго. Его разбудил телефонный звонок Любы. Голос у нее был возбужденный и испуганный:

– Мне Галя сейчас позвонила, – наша официантка, – говорит, с утра в клубе обыск. Полиции полно. Сказали, ищут наркотики – ну, следы их всякие, даже обертки нашли от них после шоу, и еще что-то. Перевернули весь мусор в баках. Потом всех, кто тут был, стали спрашивать о той женщине, которую я видела в зале. Где она? Говорила тебе – не надо было ее трогать!

– Кто-нибудь ее вспомнил?

– Не знаю. Еще она сказала, что один тип, который раньше всех приехал, буйный какой-то, с рукой на перевязи, твой адрес у всех требовал.

– Сказали?

– Никто не знал. Ужас какой-то... Что нам делать? – голос в телефоне сорвался на плач.

– Не реви. И ни с кем не разговаривай!

– Ты где?

– Ты знаешь – где.

– Девочка в подвале? А другая?

– Молчи об этом! Слушай меня. Я к тебе сейчас еду. Подниматься наверх не буду, спустись во двор. Возьми с собой

загранпаспорт и банковские карты. Ничего другого не нужно.

– Зачем?

– Догадайся сама. Все поняла?

– Нет. Отпусти их, пожалуйста!

– Я выезжаю к тебе! Встретимся внизу через час. Бери только паспорт и деньги!

Он быстро оделся, подошел к люку под надвинутым на него столом, и прислушался. Там было тихо, и он негромко позвал:

– Ау-у. Как вы там?

Не было ни звука. Он огляделся, похлопал по карманам, проверяя, все ли взял, и вышел. Возвращаться на эту дачу он не собирался, теперь она станет его прошлым, как и этот город. Но туда ему придется еще последний раз заехать. Если же сегодня возникнут проблемы, тогда эти двое несчастных в подвале превратятся в заложники и полезные аргументы.

Когда он через час приехал к Любе, она уже ждала его во дворе.

– Ты взяла загранпаспорт?

– Нет. Зачем?

– Дура! Я же тебе сказал! Мы с тобой уезжаем. Будем работать в Финляндии, это близко, три часа пути, мы зимой там танцевали.

– Тогда мне нужна одежда.

– Ничего тебе не нужно, нет времени! У тебя пять минут.

Бери только паспорт, банковские карты, что-нибудь теплое, и сразу вниз! Поняла?

– Мы больше не вернемся?

– Нет! Пожалуйста, скорее!

– А квартира, дача? Ты сам сказал, что в подвале... Они же умрут!

– Беги за вещами, дура! Или я сейчас уеду без тебя!

Любино лицо перекосила жалкая гримаса, из сжатых глаз брызнули слезы, грудь дернулась от рыданий, и она прижалась лицом к Ураеву. Тот ее обнял, а лицо поднял вверх в немой досаде.

– Потом ты вернешься на свою дачу. Вернешься! О тебе они ничего не знают.

– Тогда я останусь! Я не хочу никуда ехать.

– Нет, ты поедешь! Они будут всех в клубе трясти. Покажут на тебя, на мою подружку. Ты обязательно что-нибудь ляпнешь, и они обыщут твою дачу. Ты это поняла?

Уткнувшись Ураеву в грудь, она молча покивала головой.

– Теперь, пожалуйста, скорее! Будет поздно, я не успею забрать из дома свой паспорт – они начинают нас искать. Беги наверх! Я люблю тебя.

В квартиру Ураеву было ехать далеко, с Охты на Приморское шоссе, через весь город. Сначала закрапал дождь, потом загрохотала гроза и хлынул ливень. Выстаивая в пробках и нервничая, он готовился к самому худшему, что могло случиться в его квартире. Но иного выхода не было – пробиться,

во что бы то ни стало, к своему паспорту и банковским картам, лежавшим в спальне. «Все будет хорошо, у них нет еще повода меня ловить и устраивать в квартире засаду. Нет еще оснований! Так быстро это не делается! Одних лишь подозрений мало! Адрес наверняка уже знают, но я успею! Или я умру! Нет, я успею!» – успокаивал он себя.

Когда они подъехали к его дому, дождь лил стеной, и в тучах мелькали молнии. Машину Ураев остановил далеко от подъезда, свободного места ближе не нашлось.

– Через пять минут я к тебе вернусь. Если я не вернусь и через пятнадцать, значит, вообще не вернусь. Бросай тогда все, и сразу – на Финляндский вокзал. Уезжай – виза у тебя есть, еще не поздно, о тебе никто ничего не знает. Если вдруг станут допрашивать – ничего не знаешь и ничего не видела.

Люба смотрела на него расширенными от ужаса глазами и медленно поворачивала головой из стороны в сторону, будто отказываясь даже понимать, что он ей говорил. Ураев прижал к своим волосам полиэтиленовый мешок, и под ливнем, в грохоте молний побежал к своему подъезду.

Готовый к любой встрече в квартире, он уже в лифте вынул свой нож. К двери подошел на носках, и, зная все ее скрипы, беззвучно открыл, и сразу сделал два шага вперед, в прихожую, выставив перед собой нож.

В прихожей, перед дверью его спальни, спиной нему стоял мужчина в балаклаве и к чему-то прислушивался. Ураев замер, как хищная дикая кошка, оценивающая ситуацию и

свою жертву. За окнами квартиры гремело, дождь со звоном молотил в подоконники. Но мужчина в балаклаве его все-таки услышал, медленно обернулся, и Ураев, готовый к этому, ударил его дважды ножом в живот. И сразу подхватил со спины за поясницу и беззвучно опустил на пол.

Ураеву были нужны в спальне только паспорт и банковские карты, поэтому, ощутив струю удачи после первого удара, он почувствовал, что все у него получится. Теперь, когда одним полицейским в балаклаве стало меньше, он так же внезапно и тихо положит на пол второго, если тот окажется в его спальне, схватит свой паспорт, карты и выскочит к машине. Ураев был сильным и очень ловким мужчиной – когда он танцевал, из него всегда проступало это звериное и дикое, недаром он так нравился многим женщинам.

Ураев медленно нажал на ручку двери в спальню и замер: он помнил, что эта дверь может скрипнуть. Чуть выждав, он медленно ее приоткрыл чуть шире и посмотрел в узкую щель – у кровати и секретера никого видно не было. Но кто-то мог ждать его за дверью. Он приготовил нож и резко, со всей силой толкнул вперед дверь. Она сразу наткнулась на что-то тяжелое и упругое – за дверью стоял человек и держал ее. С трудом продавливая плечом дверь дальше, Ураев просунул в щель руку по локоть с ножом, и колющими, рубящими ударами начал искать там незваного гостя – нож обязательно его найдет, кто бы это ни пожаловал в его спальню.

Но даже ему, гордому своими мускулами мужчине, не хва-

тило сил и веса, всего нескольких граммов. Дверь начала оттягиваться обратно к нему, медленно, как на весах, при одинаковых грузах с обеих сторон, и вдруг рывок, и дверь ударила ему в лицо, когда правая рука еще оставалась за дверью. И сразу – удар острым торцом двери под локоть, зажатый между дверным косяком, и сильная боль. Чтобы удержаться и не упасть набок, он прижался щекой к двери и отставил правую ногу назад – только так он еще удержался на ногах. Но это было только началом.

Через несколько секунд, прижатый щекой к двери, он вдруг услышал глухой удар и хруст, и в ужасе осознал, что это ломались кости его руки. Но боль из-за шока еще не успела прийти. И сразу, почти без паузы, такой же удар по запястью. Хруст костей ладони он не услышал, только глухой звон упавшего за дверью ножа. Тогда-то боль и хлынула ему по руке из-за двери.

Сначала ему показалось, что это не он, такого он никогда не чувствовал, такого не бывает, это невозможно, это кто-то другой, или это кошмарный сон! Страшная боль, и даже не только боль, а выкручивание всех нервов от руки до мозга. Он застонал и еще теснее прижался лицом к двери. Как будто его мозг сейчас перестал работать – только боль, боль, невыносимая, за гранью понимания, из какого-то другого мира, и ничего кроме нее... Он замер, и несколько секунд его мозг ощущал только эту нечеловеческую пытку, ничего другого, ни одной мысли.

Однако надо было спастись из этого ада, бежать от этой боли. Он попробовал потянуть руку на себя, и черные круги с блестками мелькнули в его глазах. Он глухо застонал, и чтобы не упасть, и не повиснуть на этой ужасной беспомощной руке, прижался к двери грудью. Только эта дверь спасала его от еще худшего, от того человека, который был за ней, и который уже переломал ему кости. Но надо было бежать, спастись, любой ценой вернуть себе свободу. Со звериным криком, чтобы перекрыть боль, он снова и резче потянул свою руку из дверного капкана. Будто в ответ кость в его руке вдруг щелкнула во второй раз, еще ужаснее, и Ураев опять повис на двери. Дико закричав, он потянул руку в третий раз – чтобы оторвать ее, к черту, с мясом, раз целой кости в ней больше не осталось. От этого на миг он как будто потерял даже сознание. Тогда-то человек за дверью, и крикнул ему «Где Алена?». В голове у Ураева мелькнуло «Какая Алена! Ничего мне больше не нужно, – только бы унять эту боль! Эту нечеловеческую страшную боль! Мне легче умереть...». Но он крикнул в ответ в бессильной злобе совсем другое – «У меня!».

И вдруг с той стороны двери новый удар, опять по руке. Он закричал, и стал с ужасом ждать новых ударов. Сейчас он действительно захотел умереть, только этого, тогда не будет этой ужасной боли, ничего больше не будет... Но ведь мучитель вот-вот ударит снова, боже мой, что со мной, только бы он не бил по руке. Я ему все расскажу, все, что он хочет,–

забирай свою Алену, только не бей меня по руке...

Ураев прижимался к двери, корчился, молил ее, просил у бога и всех людей прощение. И вдруг эта дверь распахнулась и сильно ударила его в голову. Он с трудом удержался на ногах, едва не потерял сознание, но все-таки остался со своей ужасной болью. Дверь открылась настежь и уже больше не закрылась перед ним. Путь в спальню и к паспорту был открыт. Но в дверях стоял человек с одной рукой в гипсе и смотрел ему в лицо. Ураев, увидел свой нож, валявшийся у порога, и у него мелькнула мысль нагнуться, но, взглянув тому человеку в глаза, все понял, повернулся и побежал. Но сразу споткнулся о мертвое тело на полу у двери, качнулся в сторону, ударился рукой о стену и опять взвыл от нестерпимой боли.

26. Гроза

За полчаса до этого в Петербурге еще только начиналась гроза. В квартире, которую открыл отмычками депутат Соколов, стало тогда сразу шумно из-за хлынувшего за окнами ливня. Следователь Седов, страхуясь, дождался, пока Соколов не вошел в соседнюю спальню и не закрыл за собой дверь, затем осторожно под шум ливня отворил дверь в другую комнату. Он успел увидеть в полуоткрытую дверь, что в комнате никого не было, сделал шаг вперед, и из-за двери на него бросился человек в балаклаве. Седов схватился рукой за пистолет, но вынуть его не успел, и его тряхнули три сильных удара в живот. Он еще был несколько секунд в сознании, и, упав на спину, чувствовал, как чужие руки грубо вытаскивали пистолет из кобуры.

Несколько дней назад этот человек в балаклаве, убивший ножом следователя Седова, немолодой и небритый, сидел перед телевизором и дремал. На столе перед ним стояла пустая бутылка дешевого портвейна. Когда раздался звонок мобильного, он вздрогнул и проснулся. Звонили ему очень редко, поэтому он от неожиданности вздрогнул.

– Привет. Как жив-здоров? – голос был давно и хорошо знаком.

– А-а, командир? Давненько...

– Мне кое-что нужно. То же самое. Сможешь?

– Деньги те же?

– К тебе сейчас подъедет человек и все объяснит. Деньги хорошие, но потом, а то пропьешь.

– Обижаете, командир!

Через полчаса к нему во двор заехал на машине незнакомый молодой человек. Устроились на лавочке у детской площадки. Разговор был очень коротким, и закончился следующим:

– Возьми эти два фото. Я тебе на днях позвоню и скажу где его встретить. Работать будешь тихо, ножом.

Когда-то очень давно этот Паша Карпов был оперативником полиции. Но пришлось уйти, и не по своему желанию, работал потом в частной охране, а в последние годы дотягивал до пенсии, подрабатывая, чем придется, на Кузнечном рынке. Но иногда ему перепали деньги и крупнее. Бывшему своему «командиру», который позвонил тем вечером, он тоже оказывал услуги. Последняя – разрядил «ТТ» со спилленным номером в незнакомого человека в толпе на улице, узнав его по фото.

Все следующие дни Карпов не пил, подзаряжал и всюду носил с собой мобильник. Через несколько дней ему позвонил тот же молодой человек, что приезжал к нему.

– Надо ехать, сейчас же, это срочно. Можешь?

– Оденусь, и готов.

Тот приехал через десять минут и махнул ему рукой из машины. Сразу тронулись. По дороге молчали, и только в

конце:

– В квартире сейчас пусто, я тебе ее открою, дальше сам. Он должен скоро придти – не знаю когда, но обязательно придет. Запомнил фото? Спрячешься где-нибудь, а войдет, сразу бей и уходи. Если кто еще зайдет – и его вали, нам это безразлично.

В пустой квартире Карпов оценил положение комнат, выбрал ту, что была ближе к входу, сел на стул за дверью этой комнаты и прижал к ней ухо. За окном начинался дождь, капли уже стучали о жестяной подоконник и били в стекло. Из-за этого звонкого стука он пропустил очень тихие шаги – это так осторожно, на носках вошли депутат Соколов и следователь Седов. Но нож у Карпова был давно наготове, и когда дверь неожиданно открылась, он вскочил со стула, и, не рассматривая лицо человека перед собой, три раза ударил ему ножом в живот. Хотел сразу бежать, но вспомнил про фотографии в кармане, вытащил и приложил их к лицу упавшего человека. Это оказался не тот человек, и Карпов матерно выругался вполголоса. На поясе убитого он заметил пистолет в кобуре, вытащил его и заткнул себе сбоку за ремень. Под шум дождя он тихо открыл дверь и подкрался к другой комнате. Задание надо было выполнять, или хотя бы удостовериться, что в квартире никого больше не было, – чтобы «командир» не «возник», и все ему заплатил. За окнами грохотала гроза, но он все-таки услышал какой-то шорох за спиной, повернулся, и сразу получил два удара в живот. Боли он

не ощутил, только слабость.

Чужие руки бережно и тихо опустили Карпова на пол. Если бы рука его убийцы – Ураева – подхватила его не спереди, а немного сбоку, то пальцы обязательно бы почувствовали пистолет за ремнем и вынули его. Тогда бы все сложилось для Ураева иначе, и не только в этот день. Он сумел бы себя защитить в этой квартире, остался бы здоров, на свободе, и танцевал бы на сцене еще долгие годы. Но пальцы Ураева схватили мокнувший кровью живот человека в балаклаве спереди, и не почувствовали пистолет сбоку за поясом. Это решило его судьбу.

Случай, деньги, страх и любовь – у каждого свое – свели четверых в этом месте, в одно и то же время. Гроза и ливень все им напутали, и за них решили, кому жить, а кому умереть в этой квартире.

27. Погоня

Выскочив из своей квартиры, Ураев бросился к лифту. Лифта, как всегда, тут не оказалось, но он скрипел вниз и поднимался. Ураев решил ждать, он просто не мог сейчас бежать вниз по ступенькам лестницы, встряхивая руку на каждой и корчась от боли. Стоя у лифта, он прикрыл от боли глаза и думал – «Боже, только бы это закончилось, как угодно, только бы перестало так болеть...». Если бы тогда дверь его квартиры за спиной распахнулась, и из нее выскочил тот, который его мучил – он бы без слов ему сдался, только бы больше никуда не бежать, не трясти эту руку. Но тот не появился, а лифт уже подходил. Ураев успел еще в ту минуту осмотреть свою руку. Он даже сумел удивиться и испугаться – его рука была кривой, согнутой пополам, как будто с коленкой, и за этой коленкой боль, от самых кончиков пальцев. Под рукавом рубашки, на переломанном запястье, набухла багровая опухоль величиной с яблоко. Лифт подошел, а человек, который его мучил, так и не успел догнать его. Боль теперь поедет вместе с ним, и до конца. Но какого конца, и где это окажется?

Под ливнем, в грозовых сумерках Ураев бросился к своей машине и заскочил внутрь. Люба молчала и глядела на него полными слез глазами.

– Я боялась, что ты не вернешься...

– Я тоже боялся. Помоги. Включи скорость, я не могу.

– Где это?

Тогда он сам, согнувшись, протянул под рулем левую руку и включил скорость. Другую руку он так и оставил навесу, согнутую жутким коленом.

– Что у тебя с рукой?

– Помолчи!

Он уже трогался, когда перед машиной выскочил тот, который только что стоял за дверью его спальни. Ураев вдруг захотелось лишь одного – убить его, сбить с ног, проехать колесами по нему несколько раз, переломать ему все кости... Мучитель загоразживал машине путь, а когда Ураев рванул вперед, поднял руку и выстрелил дважды вверх. Но Ураев этого даже не заметил – только бы сбить его, переломать кости, чтобы знал, что это такое, и только потом убить...

Но тот сумел отпрыгнуть в проход между машинами. Однако, забегая туда, еще оставался открытым сбоку, и Ураев левой рукой резко свернул руль на него. Заскрежетало смежное крыло, зазвенела разбитая фара, мучитель мелькнул в окне, и сразу спереди еще удар и звон, о следующую машину. Ураев вывернул руль обратно, и его лицо перекосила гримаса отчаянной досады.

Машины на улице едва двигались из-за дождя, и четверть часа Ураев полз в общей пробке, очень медленно, но зато не надо было думать и решать, переключать скорости, и так его руке было покойнее и лучше.

– Куда мы едем?

– Не знаю. Куда-нибудь.

– Ты взял паспорт?

– Нет.

– Почему он стрелял?

– Хотел меня убить.

– Тебе надо в больницу.

– Надо.

– Остановись. Узнаем, где она тут.

– Нельзя мне в больницу. Надо обезболивающее. Смотри аптеку! Купи сразу много!

Они остановились, и она сбегала за таблетками. Он проглотил сразу четыре.

– Нельзя столько. Не сразу действует, терпи, – она чуть не плакала от жалости к нему.

– Терплю. Больше не могу.

– Куда мы едем?

– Не знаю. От них.

Впереди начиналось Приморское шоссе, до которого они хотели добраться с самого начала. Граница была впереди, совсем недалеко, но теперь уже им не нужна.

– Мне так тебя жалко, я люблю тебя. ... – она стала тихо плакать. Ей хотелось прижаться к нему, или чтобы он ее обнял, но она боялась дотронуться до его страшной сломанной пополам руки.

Разогнавшиеся уже на выезде из города, машины снова

медленно поползли. Впереди Ураев заметил синие проблески маячков полицейских машин, и на обочине в боковом окне мелькнул белый мотоцикл с полицейским в шлеме.

Ураев понял, что если впереди перехват, то его уже ищут, и ему, с одной горящей фарой и битым крылом, никуда уже не спрятаться, нигде не проехать, и он начал заранее прикидывать, что мог еще сделать. Когда у заслона из машин полицейский показал ему жезлом в лицо, и сразу махнул им вниз, к себе, Ураев вжал педаль газа в пол, рванул влево, и, смятая со скрежетом свое левое крыло и дверь о полицейскую машину, выскочил на встречную полосу.

Сначала тут было почти пусто, и он выжал скорость за полторы сотни. Сильный дождь еще продолжался, фары встречных машин мелькали мимо него, как трассирующие пули. Несколько раз обе встречные полосы были заняты, и он метался на обочину, чтобы не столкнуться в лоб. Во второй раз его занесло на мокрой глине, и ему чудом удалось одной левой рукой раскрутить руль и остаться на дороге.

– Ты что делаешь! Мы разобьемся! – закричала Люба в ухо.

– Пусть.

– Ты хочешь умереть, я знаю!

– Все хотят.

– Я не хочу!

– Кого я из петли вчера вынул?

– Не хочу, не хочу! Выпусти меня! Куда мы несемся?

– Не знаю.

Впереди встречный поток стал гуще, Ураев вернулся на свою полосу, и почти сразу сзади коротко взвыла полицейская сирена. Он снова начал обгонять машины перед собой, опять захватывая встречную полосу, но с одной рукой это получалось теперь плохо и опасно, приходилось резко тормозить и едва удерживать машину в заносе на мокром асфальте. Сирена «гавкала» все ближе, и Ураев начал искать, куда бы ему свернуть с шоссе – в поле, в лес, куда угодно. Если это не получится у него сейчас, то уже никогда не получится.

Справа, за глубоким кюветом, темнел мокрый лес. Как только между елок мелькнул просвет, и что-то похожее на просеку, Ураев резко затормозил, выскочил на глинистую обочину, и почти наугад, закрыв глаза и ожидая удара о дно кювета, закрутил руль вправо. Ему повезло, его занесло, почти положило набок, но не перевернуло. «Ауди», как кошка, упала обратно на четыре колеса, и поскребла брюхом глину по тракторной лесной дороге, которая шла по просеке. Но машина с трудом двигалась, вязла в глубокой колее и через несколько минут окончательно села на брюхо и встала.

Ураев выключил мотор и все свои огни. В машине стало сразу тихо и покойно, только капли дождя барабанили в крышу. В заднем зеркале виден был лишь мокрый темный лес. Никто за ними еще не гнался.

– Достань из бардачка нож. Складной, – сказал Ураев. Она

порылась там и вытащила нож. – Открой. Держи пока у себя. Когда скажу, подашь его мне в левую руку.

– Они нас догонят?

– Уже догнали, – ответил Ураев, глядя в зеркальце. Там уже плясали по размытой тракторной дороге четыре огонька фар.

– Зачем тебе нож! Не надо больше этого ... Прошу тебя. Мы расскажем им о тех, кто в подвале, нам скостят сроки.

– Дурочка... хуже будет, если они уже мертвые. Первая, маленькая, уже.

– Не убивай никого! – и ее стали трясти рыдания.

– Я не дамся! Бежим в лес. Пусть стреляют.

Как только они ступили в лес, на них обрушились с листьев потоки воды. Вымокшие сразу до нитки, под не переставшим дождем они пробирались минут пять между деревьев, царапая в темноте лица о ветки.

– Я не могу больше, я упаду... Куда мы идем?

Ураев взял ее за руку и повел дальше. Но через несколько шагов остановился под большой елкой. Под ней было суше, и тут могли их не заметить. Он выбрал место, отбросил упавшие сухие ветки, и опустился вниз первый. На коленях он осторожно уложил больную руку на мокрый мох, лег на бок и положил голову на здоровую руку.

– Ложись рядом. Отдохнем.

Она опасливо легла на мокрый, набухший от воды мох, и прижалась к нему. Он обнял ее левой рукой.

– Нож не потеряла? Приготовь.

– Не надо тебе нож, прошу тебя.

– Я не дамся. Пусть убивают...

– Обними меня. Еще крепче! Крепче, да, так... Очень больно? Я тебя люблю. Я никого не любила так раньше, ты мой самый первый... Любимый, прости меня, прости... Но, ты этого хочешь, я знаю. Прощай, мой любимый, прощай... И прости!

Она продолжала плакать, но лицо было таким мокрым, что слез не было видно. Она медленно высвободила свою правую руку с ножом, отвела ее за спину и со всей силы ударила ножом Ураева в живот. Вытащила нож, и снова ударила, под сердце.

– Прости меня, прости, любимый!

Где-то сзади уже хрустели ветки, слышались голоса. Но она еще крепче прижимала к себе вздрагивающее в конвульсиях тело Ураева. Она еще долго не выпускала его из рук, прижималась к нему, целовала его холодеющее мокрое лицо, снова и снова просила у него прощения и говорила ему о своей любви.

Прошло, наверное, четверть часа, когда голоса послышались совсем рядом, тогда она отдвинулась от Ураева, приподнялась и слабым голосом позвала:

– Помогите, помогите мне...

Услышав этот голос, полицейские осторожно обошли елку с разных сторон, с фонарями и оружием в руках. Когда

же они рассмотрели этих двоих под ветками, – женщину, насквозь мокрую от дождя и слез, несчастную, и второго, неподвижного мужчину, уже не опасного ни для кого, – то сразу повели ее прочь, к своей машине, и на ходу вызвали по рации медиков. Они приняли ее за похищенную маньяком жертву или заложницу, о которой их предупредили, поэтому потом даже бережно подняли ее на руки и понесли через лес к своим машинам. Оставшиеся полицейские перевернули найденное под деревом мертвое тело мужчины, нашли под ним нож, свежую кровь, потрогали мокрое лицо – и оно показалось им еще теплым. Тогда по рации они передали тем, кто только что увел женщину – мол, похоже, не так все просто было под елкой: эта женщина только что убила человека.

Распросами не стали заниматься в дороге, оформлением бумаг, тем более. Но все уже понимали, что везут женщину, которая при них убила человека. Однако через час, уже в отделении полиции, никто не решился после похищения маньяком, и в таком состоянии задерживать эту женщину. Все это было похоже на необходимую оборону, несмотря на трагическую развязку, а подробностями будут заниматься следствие и суд. В отделении полицейские оставили у себя оба размокших паспорта, найденные у женщины, оформили ее, для начала, как потерпевшую, и отвезли домой.

28. Допрос

Я в тот же вечер узнал от Кашина, что в той «Ауди» была вовсе не наша Алена. Я приехал тогда очень поздно после моих объяснений и показаний по убийствам в квартире Ураева, не ложился спать и ждал его звонка. Я знал, он позвонит мне сразу, как только что-нибудь прояснится с погоней и перехватом той «Ауди» – Кашин понимал мое состояние. Звонить же мне самому раньше времени, – это только злить и мешать – знаю по себе. Наконец, после полуночи он мне позвонил.

– Николай Иванович, успех! Ураев от нас не ушел, в чем я не сомневался! Он мертв. Мерзкий серийный убийца мертв! Причем, никто в него не стрелял, его нашли таким. Все потом расскажу. В остальном могу вас только огорчить. В машине с ним была не Алена. Женщина, которую вы видели на переднем сидении, уже опрошена полицией. Заявила, что она проститутка с Невского, и тот ее похитил, увез насильно. Это, конечно, мы проверим. Но она перед задержанием убила этого Ураева, тот был еще тепленьким, когда полиция обоих нашла. Утверждает, что оборонялась.

– Где Алена?

– Никто не знает.

– Где сейчас эта женщина?

– Отпустили. Судя по всему, она могла стать новой жерт-

вой этого маньяка. Очень похоже на это. Но сумела его за-
резать. Завтра ее допросим. Оформили ее пока, как потер-
певшую. Есть и еще очень важное. Когда я днем приехал в
ту квартиру с трупами, я вам тогда это не сказал, было не
до того. Утром в клубе нашли в мусоре шприц с остатка-
ми тиопентала и осколки ампулы. Им обездвиживают лоша-
дей, продается свободно в аптеках. Полагаю, Алену похити-
ли именно из этого клуба. Ее машина так и стоит там до сих
пор. И последнее – может, это немного поднимет вам настро-
ение. Поступил, наконец, анализ спермы на бумажной сал-
фетке, найденной рядом с кабинетом убитой женщины-сек-
сопатолога. Вероятно, этой салфеткой обтирался преступ-
ник. Если анализ покажет совпадение ДНК на салфетке и те-
ла найденного в лесу мужчины, значит, с «потрошителем»
мы навсегда покончили, это был действительно он, и теперь
мертв.

– Поздравляю. Будем надеяться, что не найдем его сперму
еще рядом с другим мертвым телом, – на этот раз, Алены.
Опаздываем, каждый день опаздываем. Хорошо было знать
его ДНК еще утром, когда я просил вас сделать у него обыск
и задержать. Тогда и Седов остался бы жив.

– Может быть, комиссар. Но, к сожалению, всему свое
время. Тогда Ураев не был еще подозреваемым. Если жалеть
обо всех «бы», то и вас в живых бы уже не было, и мы с вами
не разговаривали. Ваша удача, что случайно вошли в другую
комнату и не оказались на месте Седова. Да и в квартире со-

вершенно случайно было так шумно из-за грозы, что каждый из вас, четверых, ничего не услышал и все напутал. Как говорится, если бы да кабы.

На этом разговор мы с Кашиным в полночь закончили, но после этого он вскоре узнал то, о чем сообщил мне только через шесть часов, рано утром. Ему позвонили дежурившие ночью сотрудники. По городской базе данных они пробрили эту женщину, убившую Ураева, и выяснили, что год назад ее привлекали к ответственности за распространение наркотиков. Осуждена была условно. По данным органов надзора, известное место ее работы – клуб «Мачо-стрип». Позвонили туда – ночной клуб в эти часы, естественно, работал, – и менеджер услужливо сообщил полиции все, что о ней знал. Но знал он немного, только то, что она дружила с Ураевым, и на сцене исполняла с ним секс-танец, – это был их коронный номер, безумно заводивший публику.

Как я ни был измотан после всего, произошедшего в квартире Ураева и отделении полиции, но проснулся в пять часов утра и лежал, нервно ворочаясь, однако, не решаясь так рано будить Кашина. За ту короткую ночь я понял, что был обязан сделать, и что вполне было в моих силах. В шесть я ему позвонил.

– Извиняюсь, Петр Васильевич, что вас разбудил. Это Соколов, если вы меня не узнали. Мне нужен адрес этой свидетельницы – или как она теперь у вас называется. Как бы вы ее ни оформили, но она мне нужна.

– Опять адрес! Зачем?

– Я задам ей пару вопросов.

– Николай Иванович, вы этого, возможно, не знаете, но сообщить местонахождение свидетельницы убийства или иного фигуранта, часто бывает то же самое, что ее саму убить. Свидетелей часто не оставляют живыми, это – азбука. Я не имею права. Это строгие правила следственных процедур. Вы опять затеваете что-то нехорошее.

– Я не трону ее! Она мне нужна живой больше всех! Она провела с маньяком несколько последних его часов, она может все знать. А теперь вы сказали, что они еще и танцевали вместе!

– С утра мы ее допросим, первым делом, – не беспокойтесь об этом.

– Она наверняка запрется, и вы опоздаете, Алена будет мертва. Мы опять опоздаем!

– Что вы хотите с ней делать? Пытать? Знаете, я жду от вас теперь всякого.

– Разговаривать. Тихо и мирно.

– Ох, как вы мне надоели... Если бы вы, Николай Иванович, не были таким фартовым все то время, как мы знакомы, то я послал бы вас к черту или еще дальше – каким бы вы ни были депутатом. Но у вас есть некоторые заслуги, и поэтому мне трудно вам отказать. Ладно, ожидайте, я позвоню вам через десять минут, не спите пока. Узнаю адрес и позвоню.

Получалось какое-то «дежавю», еще вчера я точно так же

ждал звонка следователя Седова с адресом Ураева. На этот раз Кашин позвонил через пять минут, сообщил мне адрес женщины и добавил:

– И еще, что не сказал вам ранее... Поскольку эта женщина, как оказалось, была хорошо знакома Ураеву, которого сама же убила, то уже ночью я выставил около ее дома охрану. Сейчас распорядился, чтобы охрана вам не помешала.

Он помолчал и очень мягко сказал:

– Николай, фарт часто кончается, и очень не вовремя, особенно при одной здоровой руке. Берегите себя. Удачи вам.

Надо было надеяться, что фарт у меня еще оставался в запасе, чтобы разыскать Алену живой. Но оружия у меня уже не было, хотя оно вряд ли могло сейчас что-нибудь изменить. Однако я порылся в ящике, откуда вынул недавно отмычки, нашел там еще и наручники – которые не разгодились мне, когда занимался частным сыском, – и положил их в карман. Однако без второй здоровой руки я бы не смог их ни на кого надеть против воли, но об этом тогда не думал.

Когда я приехал по тому адресу, напротив ее подъезда стояла пыльная машина с затемненными задними окнами. Я помахал здоровой рукой скучающим полицейским в машине, и набрал на домофоне подъезда номер квартиры. Очень долго я ждал ответа, наконец, сонный женский голос спросил «кто?».

– Из полиции. Следствие по вчерашнему делу.

Когда я поднялся лифтом на ее этаж, одна из дверей в

коридорчике была уже приоткрыта, в щели – женское лицо. Я показал свой пропуск в Управление полиции города, – единственное свидетельство моих полномочий – и она рукой, молча, пригласила меня войти.

Это была молодая женщина в домашнем халате, лицо без косметики, и очень болезное – темные синяки под глазами, шея повязана широкой косынкой. И какая-то она была вся надломленная. Конечно, ничего другого я не ожидал – она даже неплохо выглядела для женщины, которая только вчера убила знакомого ей человека, да еще партнера по танцам.

Мы прошли с ней в комнату, присели, и я сразу спросил:
– Почему вы его убили?

Вместо ответа она сразу начала тихо и безнадежно плакать. Я молчал, не понимая, как себя вести. Утешать? Изобразить строгость? В любом случае, нельзя было ей показать, что кое-что о ней знаю. Решил, что как только почувствую ее ложь, так сразу буду прижимать и давить: драгоценное время утекало.

– Как и где вы с ним встретились?

– На Невском. Я гуляла. Я там знакомлюсь с мужчинами.

Это мой заработок. Не запрещено?

– Нет.

– Где он к вам подошел?

– Не помню... около Аничкова моста, кажется.

– Дальше? Рассказывайте, времени нет!

– Пригласил меня сесть в его машину, поехали... Тут гро-

за началась, сильный дождь. Он куда-то заехал, во двор, что ли, остановился, – и на меня сразу полез, но как-то нехорошо, не как все мужчины... Я испугалась, стала его отталкивать, он размахнулся и ударил меня, потом еще... Пригрозил, что убьет, я испугалась, больше не сопротивлялась, но после этого он уже не лез, и повез меня куда-то...

– Нож откуда?

– Когда в лес меня привез – я нашла его случайно в бардачке. Не мой. Я от него защищалась! Он маньяк! Сначала я нож спрятала, а в лесу им ударила его.

– Вы его видели раньше?

– Никогда.

– Хватит, этого достаточно. Времени на ложь больше не осталось. Теперь слушайте меня внимательно и думайте головой. Если бы вы были жертвой, то убежали из машины сразу, как только он ушел, чтобы забрать что-то из своей квартиры, а не сидели десять минут с открытым окном, его дожидаясь. Я там тоже был – если вы меня еще не узнали – и все видел. Это я стрелял вверх перед вашей машиной, и я заметил вас на переднем сидении, согнувшуюся после моих выстрелов. Ваше окно было широко открыто. Почему вы не вылезли через него и не убежали, когда Ураев ушел?

Она молчала. Тогда я достал из кармана наручники и положил их перед ней на стол. Она испуганно проследила за моей рукой. Я уже начал выходить из себя:

– Какая ты, к лешему, жертва! Ты соучастница всех его

преступлений! И никуда ты из этой комнаты без этих наручников не выйдешь. Нашлись свидетели, которые видели, как вы уводили из парка маленькую девочку. Они уже показали – это были мужчина и женщина. Тебя легко опознают. Где сейчас эта девочка? Мертвая?

– Ничего я не знаю! Я вчера защищалась! Он снял меня как проститутку на Невском, потом ударил, начал угрожать, я испугалась. Хотел меня убить!

– Разве ты не работала в клубе «Мачо-стрип»? Не разыгрывала с ним секс на сцене? Сколько времени ты его знаешь?

– Я вчера защищалась от него... я ни в чем не виновата.

– Вчера в вашем клубе нашли разбитую ампулу и шприц с остатками препарата, которым обездвигивают, усыпляют и даже убивают. И вчера же женщина, которая была в зале, исчезла. Ее до сих пор не могут найти. Возможно, она уже мертва. Но, может, еще нет. И ты можешь ее спасти. Скажи все, что знаешь, искупи вину, тебе это зачтется! Где та женщина?

Она молчала, упершись взглядом в блестящие наручники, лежавшие на столе. Молчал и я, приходя в себя, потом много спокойнее продолжил:

– Расскажу тебе, что я буду делать. Сначала надену на тебя эти наручники. Их снимут потом с тебя только за решеткой, – я протянул руку и побрякал их цепочкой. – После этого я позвоню следователям, они сюда приедут и сделают в этой квартире обыск. Заодно снимут с тебя отпечатки паль-

цев и возьмут анализ крови. Вы с Ураевым давно знакомы, повсюду наследили, и наверняка повязаны преступлениями. На свободу после этого ты не выйдешь. Если сама не убивала, – что еще надо доказать! – то за похищение, содействие, укрывательство и прочее – десятка, не меньше. Но когда найдут ту женщину, которую вы похитили из клуба, и если она окажется мертва, то, обещаю тебе, – это будет для тебя пожизненное, я сам это потребую в суде. А женщину эту рано или поздно найдут. Всех их когда-нибудь находят, но слишком поздно.

Она молчала, пауза затянулась, я встал и поднял со стола наручники, и они снова зазвенели. Если бы она сейчас оказала сопротивление, то одной рукой я с ней бы не справился. Вдруг она, не отрывая глаз от наручников в моей руке и, возможно, испугавшись их, откинулась на спинку стула.

– Что мне делать? Что!

– Сказать скорее, где эта женщина? Она жива?

– Не знаю.

– Где она?

– Что мне за это будет?

– Она жива, спрашиваю?

– Не знаю. Она в подвале...

Я перегнулся через стол, схватил ее за плечо и потрянул.

– Куда ехать? Где она?

– Я покажу...

Когда мы сели в машину, и она сказала, куда ехать, я вы-

нул свой телефон. Кашин мне сразу ответил.

– Еду с подозреваемой на ее дачу, – сказал я ему и назвал адрес. – Она говорит, что жертва там. Пришлите скорую. Если Алена чудом жива, то это будет нужно. Я выезжаю, для телефона здоровой руки нет, на звонки не отвечу.

Сначала мы ехали молча. Впервые со вчерашнего вечера у меня затеплилась слабая надежда. Но что Алена могла сейчас делать на той даче? Или она уже ничего не могла там делать? Вероятнее было второе. Поэтому допрашивать эту женщину или разговаривать с ней мне было тягостно, все станет ясно само и очень скоро. Единственное, что я еще спросил ее:

– Как она там оказалась?

– Я не знаю. Он без меня это сделал. Я ни в чем не виновата. Я ее предупреждала!

– Алену предупреждала? Эту женщину? Ты с ней разговаривала? Когда?

– В самом конце, когда все разошлись. Я подошла к ней и сказала, что он убьет ее, чтобы не разговаривала ни с кем... Я не виновата.

Мне больше не хотелось в этом разбираться. Что бы она сейчас ни рассказала мне, это уже не могло помочь Алене, и скоро всем этим займутся следователи. В дороге она продолжала расспрашивать меня о послаблении для нее за помощь следствию, но я даже думать об этом не мог, пока не увижу Алену. Ответил коротко – напишешь чистосердечное,

тогда я подтверждаю сотрудничество. Хотел еще добавить – если только она окажется жива, – но не стал.

Ехать было недалеко, через час свернули с асфальта на гравийный проселок, потом в ворота садоводства, и остановились в дальнем углу, на границе с тощим болотистым лесом. Я оставил машину за воротами, и мы вошли в калитку. Не ухоженный участок, заросший бурьяном, бедный дачный домик, сколоченный из старых ящиков. Утренние сумерки и полная тишина настраивали на самое худшее.

На крыльцо подозреваемая поднялась первой, мы прошли через сени, она открыла дверь в комнату и сразу остановилась. Я распахнул дверь шире, и она, молча, указала рукой под стол. Сначала я ее не понял, но потом увидел под столом люк в подвал, и сразу крикнул, не открывая его:

– Алена! Ты здесь?

Никто не ответил. Я отпихнул стол и поднял люк.

– Алена! – крикнул я снова, уже в открытый подвал.

Вглядываясь в сырую и холодную темноту, я кое-как с одной рукой сумел спуститься вниз. Ногами почувствовал мягкое тряпье, присел и начал осторожно его ворошить. Рука скоро наткнулась на влажную кожу человеческого тела. Я ощупал – маленькое неподвижное тельце. Я отбросил тряпки, укрывавшие сверху, и приподнял его. Это была маленькая девочка, лет пяти, холодная и влажная. Но когда я поднимал ее вверх из подвала, тельце ее гнулось, не окоченело от сырости и холода, и мне показалось, что она была жива.

Я окликнул подозреваемую, и она приняла девочку сверху, потом вложила мне в руку тусклый фонарик. Я осветил им подвал и кучу тряпья под собой. Вокруг валялись ржавые ведра и старая корзина с остатками гнилой картошки. Я отбросил ворох тряпья и увидел под ним Алену.

Она лежала на боку, согнувшись, с протянутыми вперед руками. Наверное, они лежали с девочкой в обнимку, так согревались и поддерживали друг дружку. Я поднял Алену и, с трудом управляясь одной рукой, бережно просунул ее вверх, в люк. Она было холодной, и я не мог решиться сделать заключение – жива ли она. Быть может, врачи смогут еще вернуть ее к жизни. Одной рукой мне было трудно поднять ее через узкий люк, но я не хотел звать на помощь ту женщину, и все-таки сам справился, поднял и положил ее рядом на пол. Глаза у нее были закрыты, дыхания на губах я не сумел ощутить. В это время снаружи, за распахнутыми дверями, уже были слышны подъехавшие машины и голоса. Я обернулся и посмотрел на подозреваемую. Она сидела в кресле, обнимая неподвижную и немую девочку, и беззвучно плакала.

Я успел еще поднять и положить Алену на кровать, как в комнате появились оперативники. Никого из них я не знал, но, по-видимому, Кашин подробно им объяснил, кого они могут тут встретить, вопросов ко мне почти не было, и вынужденное оружие они убрали. Когда я начал объяснять обстановку, в дом вошли медики, тут стало очень тесно, и я вышел во двор. По правде говоря, я просто не хотел сразу услышать от

медиков, что Алена мертва. Поэтому я даже отошел дальше от крыльца. Когда их вынесли обоих, я пошел рядом, и только когда захлопнулись двери машины, уже в окно отъезжающей «Скорой помощи», спросил медика:

– Они живы?

– Девочка. Женщину будем в машине реанимировать.

Они уехали, и я вернулся к дому. Оперативники еще были внутри, но подозреваемая сидела на ступени крыльца, закрыв лицо руками, и вздрагивала. Услышав мои шаги, она оторвала руки от лица и срывающимся голосом спросила?

– Они умерли?

– Не знаю, – ответил я и остановился рядом с ней.

Вдруг она бросилась на землю передо мной, начала опять рыдать, царапать себе лицо ногтями, потом ее голос сорвался на крик, и она стала кататься по грязи. Я увидел на ее лице царапины и кровь, это надо было как-то остановить, унять бившуюся в истерике женщину – нельзя было на это смотреть и оставаться спокойным. Я нагнулся над ней, попытался здоровой рукой ее удержать, но ничего не удавалось. Както машинально я сунул руку в карман и вытащил наручники. Цепочка резко звякнула, и вдруг женщина, услышав знакомый ей звук, замерла, оторвала от своего расцарапанного лица пальцы, и, глядя на наручники, будто в мольбе, протянула ко мне обе руки.

– Оденьте их на меня. Оденьте! Я их давно заслужила!

Я защелкнул наручники на ее руках, поднял женщину с

земли и усадил на ступени крыльца. Она сидела и прижимала наручники к груди, как некую ценность, как избавление, как надежду на прощение. Я встал рядом, она подняла ко мне голову и очень тихо, как будто оправдываясь, сказала:

– Я любила его. Я ничего не могла поделать... Я любила. Простите меня...

Остаться мне здесь было уже незачем, и я уехал бы сразу, но задерживался только потому, что оперативники были заняты в доме, а оставлять эту женщину одну было нельзя. Но вскоре к даче подъехала еще одна полицейская машина, с криминалистами, и с ними был Кашин.

Осмотрев место преступления и подождав, когда криминалисты приступят к работе, Кашин подошел ко мне. Пожав руки, мы несколько секунд молчали и напряженно глядели друг на друга. Потом он сказал:

– За Алену врачи борются. Я все знаю, им звонил.

Я покивал головой. Потом он улыбнулся:

– А вы очень и очень фартовый, комиссар...

Я еще раз покивал головой. Кашин отошел от меня, обошел кругом дом, вернулся к крыльцу и остановился около подозреваемой. Она теперь сидела совершенно спокойно и безразлично наблюдала за происходящим. Кашин внимательно рассмотрел ее расцарапанное лицо, синяки под глазами, сбившуюся косынку на шее и тихо сказал ей:

– Красавица, у тебя на огороде наверняка закопаны где-нибудь другие человеческие тела. Ты нам покажи – где. И

тебе это зачтется, и нам будет проще.

Неожиданно для меня, та с готовностью и даже как будто с облегчением, подняла обе руки, скованные моими наручниками, вытянула один палец и показала на что-то у забора в углу участка. Я не стал дожидаться этих раскопок. Меня уже мучило от распотрошенных, переломанных и зарезанных человеческих тел, которыми мне пришлось заниматься последние недели. Не прощаясь ни с кем, я сел в свою машину и уехал.

29. Перед отъездом

Девочка пришла в сознание и ожила первой, Алена тоже чудом выкарабкалась. Кроме переохлаждения у нее была интоксикация с нарушением процессов в тканях и длительная кома. Посетителей к ней долго не пускали, и только следователи много позже сумели осторожно ее расспросить. От Кашина я узнал, что с ней случилось. По-видимому, она и спасла эту девочку, сидевшую до этого несколько суток в холодном и сыром подвале. Когда Алена очнулась ночью и в темноте ощупала руками ворох тряпок, что были вокруг нее, она нашла рядом с собой безжизненное тельце этой девочки. В полубессознательном состоянии, в каком находилась, она все-таки почувствовала, что та жива, обняла ее и грела, пока опять не впала в кому из-за холода и тяжелого отравления.

Утром следующего дня после освобождения обоих из подвала, ничего еще не зная об их состоянии, я позвонил в справочную клинической больницы скорой помощи, куда их обоих отвезли, назвал фамилию Алены и с содроганием ждал ответ.

– Состояние удовлетворительное.

– Жива? Вы не ошиблись, это точно? Можно ее навестить?

– К сожалению, в реанимации посещений нет. В настоящее время состояние удовлетворительное.

Для меня это была самая счастливая новость за все время, что я стал депутатом и начал помогать, чем мог, полиции и следователям. Я не знал ни имени, ни фамилии маленькой девочки, но объяснил, что я работаю с полицией, рассказал, когда девочка к ним поступила, и в каком состоянии. Меня попросили ждать, соединение дважды переключали, тогда я ждал еще, наконец, услышал тот же голос:

– С девочкой все хорошо, играет с новой куклой, с ней сейчас мама.

После этого я долго сидел и ничем не мог заниматься, просто тихо сидел. Слишком хорошо все закончилось. Я думал тогда, что так никогда даже не бывает, или бывает очень и очень редко. Мне действительно сопутствовал фарт. Ведь я был жив, и более-менее здоров, как и две последние жертвы маньяка, злодеи наказаны, потери трагичны, но минимальны. Как это редко случается...

У меня оставалось последнее из начатых дел, которое ждало той или иной развязки. Готовый теперь к негативу, который неизбежно следует за счастьем и удачей, я вынул свой телефон и набрал номер телефона человека, который позвонил мне после прямого телевизионного эфира и предложил помощь. На удивление, тот сразу ответил.

– Доброе утро. Я – Соколов, вы мне звонили после прямого эфира на телевидении. Как я тогда понял, вы хотели мне помочь. Если да, то у меня к вам просьба опознать по фото одного человека. Возможно, вы были с ним знакомы.

От былого возбуждения, которое почувствовал в первый раз у этого человека, не было и следа. Мне показалось, что он даже слегка испугался. Но договорились встретиться в обеденный перерыв у проходной его завода на Выборгской стороне.

Встретились, познакомились, потом я достал свой телефон. Одного взгляда на фотографии, которые я сделал с физиономии трупа в балаклаве в квартире Ураева, было ему достаточно.

– Да это Пашка Карпов. Давно его не видел... Постарел. Он тут что... мертвый что ли?

– Мертвый. Нашли в квартире. Кто он?

– Работал с нами. Оперативником тоже был. За что его так?

– Разбираемся с этим. Чужая квартира, еще и второй труп там был.

– Жалко... работали вместе. Но только ничего я больше не знаю об этом. Не видал его давно, не встречались, не общались.

– Я не об убийстве в этой квартире хотел с вами говорить. Хочу знать, что было пятнадцать лет назад, когда вы со Смольниковым работали.

– Откуда мне это знать? Я ни причем, меня тогда не привлекали, опрашивали только по тем делам, которые вас интересуют... И этот Карпов на суде тогда сидел, как свидетель... Вы же сами о них тогда писали, про «оборотней» этих, вам

лучше знать!

– Писал. Хочу написать еще. Материал собираю, потому что дело хочу возобновить, Смольникова наказать. Скажите, какие у этого Карпова отношения были с начальником – со Смольниковым, я имею в виду?

– Какие-какие ... дружеские. Как у всех.

– Подробнее нельзя?

– Знаете, я сейчас подумал... не буду, пожалуй, больше сор из избы выносить. Дело давнее, да что-то не заканчивается. А потом меня, как Пашку, сфотографируют, мертвого... Вы уж меня извините, но у меня дети, внуки... И мой обеденный перерыв заканчивается, мне еще поесть надо. Извините.

Так я узнал тогда очень немного, но зато самое главное, и неожиданно легко. В конце дня я позвонил Кашину:

– Добрый день, это Соколов. Я завтра уезжаю, и хотел бы с вами встретиться напоследок. Совсем ненадолго.

– Приезжайте.

– Это по личному делу, Петр Васильевич. Лучше я вас после работы где-нибудь перехвачу. Если вы через Троицкий мост после работы ездите, то можно в мороженице около Петропавловки.

– Хорошо, если вам так удобнее.

Я приехал туда первым и заказал себе порцию мороженого. Приехав, Кашин сказал, что его ждут к обеду, и попросил официантку принести себе только бутылку холодной воды.

– Петр Васильевич, я вас задержу только на десять минут. Скажите, уже опознали труп, найденный в квартире Ураева?

– Нет еще. Опаздывают криминалисты.

– Я вам тогда скажу, кто это был. Паша Карпов. Оперативник из отдела Смольникова пятнадцать лет назад, один из тех питерских «оборотней», которых не смогли осудить, но проходивших по тем делам как свидетели. Один из немногих, кто избежал наказания и даже подозрения. Как и сам их начальник Смольников, кстати. И еще любопытное... Тот «оборотень», к которому я ездил в вологодскую колонию, тоже упоминал об этом Паше Карпове. Они вместе тогда убрали нескольких свидетелей своих дел. По приказу того же Смольникова.

– Кто его опознал?

– Об этом чуть позже. Спрошу вас последнее. Как вы понимаете наличие фотографий, найденных при этом мертвом теле в балаклаве?

– Каких фотографий? В описи ничего об этом нет.

Такого я не ожидал. Все оказалось много хуже с правопорядком в местной полиции.

– Тогда у вас в отделении полно крыс, майор. Я оставался в квартире наедине с этим трупом не больше десяти минут до приезда наряда. И получается, я знаю о нем много больше, чем ваша бригада.

Я вынул свой телефон, нашел фотографии, сделанные мной в той квартире, и начал их показывать Кашину.

– Это мои снимки фотографий, которые я нашел у него. Они здесь лежат на груди убитого Карпова. Я их вынул у него из внутреннего кармана. Здесь мелко, но достаточно четко. Узнаете?

– Это вы? Очень похож, особенно на этой, – Кашин помолчал. – Я вам, конечно, верю, Николай Иванович, но... Кому потребовалось вас убивать?

– Вы, наверное, смотрели по телевизору открытый эфир с заседания нашей комиссии? Слышали нашу перепалку со Смольниковым? Так вот, перед предстоящим утверждением на высшую полицейскую должность города, это было нужно только ему. Он – единственное заинтересованное лицо. Он знает, что я не допущу его утверждения Заксобранием в этой должности.

– А больше никому вы дорогу не перебежали, жить не мешали? Хорошо, допустим такое. Но как он узнал, что вы будете в той квартире в это самое время? Даже я не знал, никто не знал. Вы сами-то, полагаю, туда «по настроению» поехали.

– В вашей крысиной норе мой телефон после открытого эфира поставили на прослушку – вы сами меня об этом предупредили еще в больнице. Не забыли? А когда тем утром в клубе «Мачо-стрип» я у всех начал требовать адрес Ураева – у официанток, уборщицы, у менеджера клуба – причем заметьте, по телефону, который был «на прослушке», – требовал даже от вас лично, ваша крыса, среагировала. Когда

через полчаса я из своего дома дозвонился еще и до Седова, и тот пообещал через час узнать и сказать мне адрес Ураева, это решило дело. Тогда новый «оборотень», который завелся среди вас, прямо или через кого-то другого, сразу послал туда киллера Пашу Карпова.

– Зачем им такой путанный детективный сюжет? Могли покончить с вами проще, в подъезде вашего дома, в любое удобное для них время.

– Могли. Но мой визит туда в отсутствие хозяина квартиры стал неожиданным подарком Смольникову. Я, народный депутат, взломал чужую квартиру собственными отмычками, и вскоре найден там убитым. Шахматная доска перевернута – я злодей и преступник, а он оклеветанный герой и защитник всех петербуржцев. Тогда наш скандальный прямой эфир забывается или отвергается телезрителями со справедливым гневом, весь город на его стороне, и Смольников становится начальником полиции Петербурга.

– Как это сложно... И не очень правдоподобно.

– Даже еще сложнее и путаней, чем на первый взгляд. Да так, что могло обернуться совсем иначе и даже наоборот. Что и случилось, в конечном счете. Но Смольников был готов ко всему, только чтобы нейтрализовать меня. Я действительно туда явился, но не один, как они предполагали. Если бы Седов с самого начала сказал, что поедет со мной, то ничего этого не произошло, киллер встретил бы меня одного в более удобном для него месте. Решило все то, что Се-

дов тогда был очень занят, однако адрес пообещал узнать и сказать мне, но только, через час – полтора. Этого времени хватило, чтобы устроить на меня засаду в той квартире. Конечно, могло все случиться иначе. Если бы Седов не сказал мне потом адреса Ураева, или я не стал бы дожидаться, когда он освободится, тогда бы я сразу поехал со своим полицейским пропуском к тому менеджеру клуба, который мне сначала отказал, и тот бы сказал мне адрес. Но тогда все случилось бы в квартире не через час, а чуть позже. Туда первыми приехали бы не я с Седовым, а этот Ураев, и киллер бы зарезал его. Но все-таки вероятнее, что Ураев бы убил киллера, потому что был сильнее, моложе, ко всему готов и отчаян. Я уверен в этом, потому что сам боролся с ним за свою жизнь. Сейчас бы он уже танцевал за границей, потрошил новых женщин и радовался жизни. Гроза и шум дождя в квартире спутали всем планы. У одних они отняли жизнь, другим ее оставили. Вы хорошо знаете, майор, только случай часто решает, жить или умереть. На этот раз фишки выпали, на редкость, удачно. И для меня, и для возмездия Ураеву.

– Вы хотите, чтобы я возбудил дело против своего начальника? По делам пятнадцатилетней давности? Разве так бывает? Что-то новенькое. Если у нас тут действительно завелась крыса, как вы говорите, то Смольников будет знать обо всем первым. К тому же, я не слышал от вас ни одного доказательства его виновности. Ни в подготовке покушения, якобы на вас, ни, тем более, о его пятнадцатилетнем сомни-

тельном криминальном прошлом. Сам я в то время еще не работал в правоохранительной системе – чтобы вы это знали на всякий случай, если у вас есть сомнения даже относительно меня.

– Петр Васильевич, в живых остались свидетели, от них я все и узнал. Надо только захотеть восстановить справедливость и законность. Или укрепить. Как вы знаете, меня к вам для этого и направили. А эту крысу вам все равно надо искать – или она вам не мешает? Решать вам, конечно.

– Не знаю, не знаю...

– Я завтра утром уезжаю, и сейчас хочу понять только одно – вы со мной, или нет?

Кашин молча пожал плечами. Я не был этим удивлен, но как последний довод, еще добавил:

– Позавчера он меня пытался убить. Вы не считаете это преступлением?

Кашин продолжал молчать. Тогда я поднял руку, чтобы меня заметила официантка, и рассчитался с ней. На прощание я ему сказал:

– Через несколько дней я все подробно напишу и передам это в ФСБ. А пока совет – ищите у себя крыс и новых «оборотней». И тех и других у вас разведется, с утверждением Смольникова в городские начальники, еще больше, чем пятнадцать лет назад. Всего хорошего, извините, что задержал.

На следующий день я уезжал из города. У депутатов начались каникулы, все уже разъехались, но мне, со сломан-

ной рукой, пришлось отменить дальнюю поездку на Ладогу к своей лодке, поэтому я собрался на несколько дней на дачу к товарищу, который меня давно приглашал. Перед отъездом я присел, вынул телефон и позвонил в секретариат исполняющего обязанности начальника полиции города полковника Смольникова. Ответившей мне секретарше я сразу пояснил:

– Это депутат Соколов. Полковник давно ожидает моего звонка.

Я не обманывал, Смольников наверняка нервничал после неудачи с покушением на меня, и ждал моего ответного хода. Поэтому мне хотелось дать полковнику пищу для размышления на несколько дней моего отсутствия. Кроме того, было полезно упредить посылку ко мне нового киллера, если он всерьез решил покончить со мной. Соединение с высоким начальником последовало действительно через несколько секунд.

– Что надо, Соколов?

– Мне ничего, хотел только напомнить, что я жив и здоров на вашу беду. Заодно передать вам еще один привет. На этот раз, от Паши Карпова. Вспомнили? – он у вас в отделе работал пятнадцать лет назад. Однако этот привет с того света, и его записи, разумеется, у меня нет. Но поверьте мне на слово, – обижался он на вас, плохие фотографии вы ему дали, не узнал он меня по ним. А так все он сделал верно, как вы поручили, да только ошибся и вместо меня убил полицейского. Как это нехорошо, сами знаете, полковник Смольников –

не первый раз такой прокол у вас случился. Но теперь такое не замотаешь,— это вам не «девяностые» или «нулевые». Как и кражу улик с места преступления — моих фотографий. Будет это очень интересно для ФСБ, я им уже пишу обо всем, и очень подробно, с фотоматериалами. Да и свидетель тех ваших преступлений объявился после прямого эфира, он и опознал киллера Карпова, которого вы наняли. Что будете делать теперь, полковник? Стреляться?

Но мне неожиданно стало противно так издеваться над этим человеком, и я на полуслове прервал звонок.

Я хорошо отдохнул за несколько дней, напечатал много страниц для ФСБ и уже собирался возвратиться, когда мне позвонил Кашин и сообщил, что полковник Смольников застрелился в своем служебном кабинете, в парадном мундире, при всех своих орденах. После этого Кашин помолчал и добавил:

– Николай Иванович... Я хочу извиниться перед вами. Или объяснить... Было очень мало доказательств, или даже совсем их не было.

– Все нормально, майор, все мы люди. Да и неплохо все закончилось, всех серийных убийц вы поймали, новых пока не объявилось. Каждый раз бы так.

– Как ваша рука?

– Все будет хорошо.

30. Последнее

В конце года начальником полиции города утвердили незнакомого мне, но, говорят, очень порядочного человека, и Кашин стал его заместителем. Я его иногда вижу, потому что наша комиссия по укреплению правопорядка по-прежнему каждую неделю заслушивает доклады полицейских начальников, теперь уже новых, и очень часто в прямом эфире. Чем дольше мы работаем, тем больше убеждаемся, что работы впереди очень много. О новых «оборотнях» в полиции города пока ничего определенного или публичного не появилось, о крысах тоже, но по некоторым признакам обновленная внутренняя безопасность начала работать у них активнее.

По отпечаткам пальцев и анализам крови на обоих ножах, найденных в квартире Ураева, быстро установили, кто и кого ими убивал, после чего подозрения и обвинения против меня сами собой отпали. Но мне до сих пор не дает покоя чувство вины за смерть Седова. Я вскоре ездил к его семье. Но чем я мог их утешить, что сказать? Ведь не то, что удары ножа предназначались мне, въедливому защитнику справедливости, а вовсе не ему, хорошему и честному служаке. Не сядь он тогда в мою машину, не ввяжись в мою авантюру с отмычками, и не сними он бронежилет от жары, то играл бы теперь со своими тремя ребяташками. Или выбрал бы я

другую комнату для обыска, а не спальню, то был бы убит вместо него я, как этого и хотел киллер. Очень много разных «бы», как всегда и во всем. Не разразись тогда гроза, не шуми так ливень, из-за чего четверо мужчин, вошедших в ту квартиру, не услышали, или перепутали, или то и другое, и сложилось бы все иначе. А так, вопреки планам и ожиданиям, вовсе не те из четверых теперь живы, а другие мертвы. И только из-за разных случайностей, да разразившейся грозы и шума дождя за окнами. Так всегда с этими «бы».

Сбежавший с веранды ресторана «лотерейщик» выжил, пулю ему из головы вынули, но, судя по глазам, с какими он зимой сидел на суде, человеческого в нем осталось еще меньше. На суде присутствовала его сестра, как я и обещал ему. Мне удалось устроить в службе исполнения наказаний, чтобы брат и сестра смогли встретиться и пообщаться несколько раз. Сестра, оформленная как свидетельница защиты, так проникновенно и жалостливо описывала на суде горькое детство этого серийного убийцы, что одна женщина из народных заседателей даже начала громко всхлипывать. Но, все равно, «лотерейщик» получил высшую меру, пожизненное.

Любу тоже осудили. Однако признали виновной только в похищении маленького ребенка. С учетом признательных показаний и сотрудничества со следствием, в результате чего были спасены жизни двух человек, она получила только три года колонии. Мне показалось это справедливо, потому что на преступления ее толкало вовсе не зло, а несчастная

любовь.

Смерть главного «лотерейщика», выманенного нами из Польши, была признана вынужденной, как следствие необходимой обороны после нанесения мне увечий. Уголовное дело против меня так и не было возбуждено, хотя Смольников успел многое для этого сделать перед своей смертью.

Когда я узнал, что, исполняющий обязанности начальника полиции города Смольников застрелился, меня кольнула совесть: напрасно я его спросил, – в шутку, конечно, – не станет ли он стреляться, и заронил ему такую мысль. Нужно мне было вести дело до суда – это было, конечно, трудно, но возможно. Само по себе возбуждение такого дела было необходимо для восстановления справедливости, даже без суда и окончательного приговора. Уголовное дело против первого полицейского города стало бы прецедентом и уроком для многих людей в погонах. А так, без этого он остался и в почете, и с пышными похоронами при хвалебных речах первых лиц города. Но, в любом случае, он заслужил пулю, которую сам для себя выбрал, и такая пуля, на мой взгляд, все-таки немного смыла грязь с чести офицера.

Когда все это более-менее закончилось, я позвонил бывшему криминальному авторитету Шато. Как и обещал, я все ему рассказал, что случилось с тем знакомым ему человеком, которого он выманил нам из Польши, чтобы он на старости лет развлекся и тоже получил от этого радость. Рассказал ему все это с подробностями, и как умел забавнее –

как гнался за ним по улице, искал в темном дворе, получил от него две пули в руку, как он через меня перепрыгивал, и я в него, как в утку на лету, стрелял с земли. Шато смеялся, и был очень рад, что так хорошо все закончилось. Как очень умный и опытный в подобных делах человек, он мне сказал на прощание:

– Ты, Коля, в рубашке родился. Больше так не делай. Но молодец, как я в молодости!

Когда Алена окрепла, мы стали с ней встречаться почти каждый день. Теперь мы живем вместе, и по-настоящему счастливы. Недавно мы с ней ездили к девочке, с которой так и не успели познакомиться, но чье безжизненное тельце каждому из нас привелось держать на руках. Она нас, конечно, не узнала, и это очень хорошо. Если мы так же сумеем забывать все плохое в нашей жизни, то горестей почти не останется. Плечо и рука у меня заживают, хотя и медленно, но весной я уже начал носить нетяжелый рюкзак, а летом собираюсь на Ладугу. Все сложилось, как теперь понимаю, очень неплохо – оставшиеся в живых счастливы, а все горькое постепенно забывается, как этому и положено. Так всегда бывает, когда побеждаешь – какую бы боль или отчаяние ни приходилось до этого переживать. Однако каждая победа остается с нами и радует очень и очень недолго.